

Les Lettres

Ann-Gaëlle Huon

Comme les
chanteurs rêvent
l'amour

l'auteur
best-seller
«Paloma»

Анн-Гаэль Юон

Я помню
музыку
Прованса

Annotation

Молодая писательница Джулия приезжает в Прованс к своей бабушке Жанине, с которой случилась беда. Она находит адресованный ей дневник – Жанина начала вести его, понимая, что теряет память.

Жанина представляет себе свою память как утес, который хотят повалить ветра. Как скалу, которую подтачивает каждая набегаящая волна. И вот уже месяц каждое утро, помыв посуду и застелив кровать, Жанина пишет. Усевшись перед портретом обожаемой внучки Джулии. Пишет, чтобы внучка знала, откуда родом. А главное, чтобы пролить свет на тайны, которые терзают саму Жанину. Засвидетельствовать, рассказать, а может, и простить – насколько это вообще возможно. Когда умираешь, больше всего жалко тех, кто остается, ведь часть их жизни уходит вместе с тобой.

Душевное, теплое и полное искренности повествование переносит нас в солнечный Прованс, наполненный тонкими ароматами лаванды и черных трюфелей, музыкой любви и атмосферой полузабытых тайн. Одна за другой страницы дневника открывают Джулии историю ее семьи, полную драм и надежд, любви и коварства.

Знаем ли мы тех, кого любим? Сидя в этой комнате, она вдруг начинает сомневаться во всем. Немного поколебавшись, не в силах противостоять искушению, она лихорадочно переворачивает страницу.

Погружение в прошлое самым неожиданным образом отражается на жизни самой Джулии, в корне меняет ее и дарит прощение, вдохновение и надежду. Этот роман написан Анн-Гаэль с особой теплотой в память о ее любимой бабушке.

Она подстраивается под его ритм, ее грудь расслабляется. Она парит где-то между небом и землей, в самом сердце доброжелательной природы, которая ласкает ее, словно мать. Джулия могла бы остаться здесь на целые столетия.

-
- [Анн-Гаэль Юон](#)

-
-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [Эпилог](#)
- [Список цитат Мадлены](#)
- [Плейлист к роману](#)
- [Список тех, без кого не было бы этой книги](#)
- [Читателям, несколько слов напоследок](#)
- [Рекомендуем книги по теме](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
-

Анн-Гаэль Юон

Я помню музыку Прованса

Переводчик: Эльмира Зейнетдинова

Редактор: Татьяна Коршунова

Главный редактор: Яна Грецова

Заместитель главного редактора: Дарья Петушкова

Руководитель проекта: Анна Деркач

Арт-директор: Юрий Буга

Дизайнер: Денис Изотов

Корректоры: Елена Биткова, Елена Чудинова

Верстка: Кирилл Свищёв

Разработка дизайн-системы и стандартов стиля: *DesignWorkout*[®]

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Editions Albin Michel 2019

International Rights Management: Susanna Lea Associates

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблицер», 2024

* * *

ANNE-GAËLLE HUON

Même les méchants rêvent d'amour

ALBIN MICHEL

Анн-Гаэль Юон

Я помню музыку Прованса

Роман

Перевод с французского

A large, stylized, dark grey cursive signature that reads 'Lettres'. The letters are thick and fluid, with a long, sweeping underline that extends across the width of the word.

BELLES LETTRES

Москва, 2024

На эту книгу меня вдохновил дневник, переданный мне бабушкой в то лето, одно из последних, что мы провели вместе.

Ее память отправилась в далекие края, но я надеюсь, благодаря этой книге бабушка еще поживет в вашей памяти.

Бабуле. С бесконечной нежностью

Забвение – самое искреннее из всех прощений.

Анна Барратен. Шагая по дороге

Танцуйте же, прошу вас,
Под этим ясным небом
На детские забавы мне радостно смотреть.
И пусть не огорчают
Вас бабушкины слезы –
Под слоем льда подснежник
Пробудится весной.

Софи д'Арбувиль. Бабушка

Эта история начинается в Провансе, в маленькой деревушке на холмах, окруженной виноградниками и залитой солнцем. По улочкам, между домами, крытыми круглой черепицей, плывет запах горячего хлеба, или душистого кустарника, или моря – смотря откуда дует ветер. На вершине холма стоит розовый домик, увитый глицинией и обсаженный оливковыми деревьями.

Не обращая внимания на жару, которая своим нежным прикосновением уже нагревает камни, Жанина прячется от всех за закрытыми ставнями и пишет. О детстве, о войне, о партизанах. О Провансе, о танцевальных вечерах, о безудержном веселье. О нежности. Перед ней кожаный бювар, толстый дневник, черно-белые фотографии. Вот юноша обнимает за талию улыбающуюся девушку. Ей не больше пятнадцати лет, пухлые щечки, купальник в клетку. Темные волосы прихвачены по бокам скромными заколками. Влюбленные позируют на песке. Красивые и счастливые.

Часы бьют девять. Пора принимать лекарства. От чего все эти разноцветные таблетки? Непонятно. Но Жанина прилежно принимает их – надеется, что врач сочтет ее благоразумной пожилой дамой. И каждый раз будто снова слышит, как он бормочет себе под нос. *Старческая деменция*. Сперва она улыбнулась шутке. Но врач произнес фразу, полную длинных слов, за такие в скрэбл дают втрое больше очков. *Альцгеймер. Нейродегенерация. Необратимая*. Жанина пыталась обнаружить в глазах врача надежду. Напрасно. Ушла испуганная, сжимая в руке рецепт. Вечером, читая медицинскую энциклопедию, она поняла: по мнению врача, что-то в ней уже умерло.

Жанина представляет себе свою память как утес, который хотят повалить ветра. Как скалу, которую подтачивает каждая набегающая волна. И вот уже месяц каждое утро, помыв посуду и застелив кровать, Жанина пишет. Усевшись перед портретом обожаемой внучки Джулии. Пишет, чтобы внучка знала, откуда родом. А главное, чтобы пролить свет на тайны, которые терзают саму Жанину. Засвидетельствовать, рассказать, а может, и простить – насколько это вообще возможно.

Когда умираешь, больше всего жалко тех, кто остается, ведь часть их жизни уходит вместе с тобой.

Жанина достает из обувной коробки фотографию – как будто участник телеигры «Мотюс»^[1] вынимает из барабана черный шар и теперь должен пропустить ход. Тревожная музыка и расстроенные лица игроков. Ее отец. Ее черный шар.

Кто-то звонит в дверь. Жанина выглядывает в окно. Люсьена уже входит во двор. Жанина спешно собирает бумаги. Прячет коробку в шкаф и накрывает одеялом.

– Жанина, это я! Я приготовила тебе лазанью. Жанина, ты дома?

Жанина второпях закрывает шкаф и идет на кухню к Люсьене. Из-за больного колена та прихрамывает, но, увидев Жанину, улыбается. Люсьена стареет. Осунувшееся, изможденное лицо, юбка до полу – она словно сгибается под тяжестью лет. И все равно, сгорбленная, морщинистая, для Жанины она остается младшей сестренкой. Люсьена – родной человек. Она заходит два-три раза в неделю перед обедом. Два километра пешком после мессы. Дорога идет в гору, зато для ног полезно. Люсьена приносит пирог с инжиром или рататуй, журналы и лекарства. Обнявшись, они громко целуются, счастливые, что снова вместе. И, как обычно, садятся за стол, покрытый клеенкой. По кухне гуляет солнечный луч. Еще рано – та самая пора, когда женщины урывают свободный часок между утренними и дневными хлопотами.

Уткнувшись в газету, Люсьена изучает гороскоп. Ее жизнь определяют проповеди отца Мариуса, прогнозы погоды и астрологические предсказания. «По крайней мере, когда Люсьена окажется на небе, она там не пропадет», – думает Жанина.

– Ну что, милая Люс? Что там пишут в твоей газете? Умрем мы сегодня или еще подождем?

Люсьена поднимает глаза.

– Смейся! Планеты не врут. Послушай, что про тебя сказано: «Рыбы: неожиданное событие перевернет ваш привычный образ жизни. Настал момент признаться в своих чувствах».

Жанина хохочет.

– Это они про почтальона? Симпатичный паренек, будь я лет на тридцать помоложе, была бы не прочь перевернуть свой образ жизни...

Люсьена поглощена чтением и пропускает шутку мимо ушей. Жанина забирает у нее газету.

– А тебе что посулили? «Скорпион: события прошлого вернуться в вашу жизнь благодаря встрече или письму. Будьте осторожны». Ну и ну! Похоже, почтальону придется попотеть!

Люсьена ворча отнимает газету.

– Хорошие новости от Джулии, – говорит Жанина безо всякого перехода. – Работает над новой книгой. Наша девочка еще себя покажет, помяни мое слово!

– Если она такая же болтушка, как ее бабуля, я не удивлюсь, – бурчит Люсьена, глядя, как за окном падают листья.

Листок абрикосового дерева долго кружится, перед тем как улечься на террасу. Люсьена продолжает серьезным тоном:

– Старики боятся, что зима не наступит. Слишком тепло – плохо для трюфелей. А не будет трюфелей...

Жанина соглашается, скорее по привычке. Когда Люсьена не занята в церкви, она помогает в «Приюте путешественников», скромном гостевом доме у въезда в деревню. Не в сезон туристы здесь редкость.

– Что ж, во всяком случае почтальон никуда не денется! – веселится Жанина.

Она смеется от души. Люсьена – не так охотно. Из кладовки доносится сигнал таймера: стирка закончена. Жанина отодвигает стул, царапая плиточный пол. Медленно выходит из кухни. Люсьена ловко расстилает на столе газету и начинает чистить фасоль.

Жанина достает из стиральной машины ком белья. Несколько пар трусов, сиреневая ночная рубашка, два кухонных полотенца. Она все еще смеется над глупостями Люсьены. Признаться в своих чувствах! Жанина берет корзинку и идет в сад. Там пахнет хвоей, чабрецом и марсельским мылом. На верхушке дерева трещит сорока. Шаг за шагом Жанина поднимается по земляным уступам к бельевой веревке. И вдруг, ни с того ни с сего, у нее подворачивается нога. Жанина теряет равновесие, взмахивает руками. Отяжелевшее тело заваливается набок. Она пытается ухватиться за низкую каменную стенку, за ветки, за что-нибудь. Но этим утром природа бессильна. Жанина падает, ударившись головой о землю. Люсьена находит ее лежащей без сознания посреди выстиранного белья.

Три дня. Это все, что у нее есть. Три дня, выпрошенные у редактора с условием оставаться на связи. Джулия заходит на кухню и вздыхает. В доме все на своих местах. Клеенка на деревянном столе, фарфоровые котята, маленький телевизор, кружевные салфетки, купленный у почтальона календарь^[2]. Джулия грустно улыбается. Она скучала по этому дому. «Почему я не приехала раньше?» В ответ – тяжелое молчание.

Несколько дней назад ей передали ключи и записку от отца: «Бабушка упала». В оцепенении она стояла с этим листком в руках перед клеткой с орангутаном в парижском Ботаническом саду. В своем убежище. Именно сюда она приходит, когда не пишется, а в последнее время такое бывает все чаще. Обезьяна разглядывала ее через стекло. В голове у Джулии вдруг прозвучал бабушкин голос: «Открой глаза, моя стрекозка». Несколько часов спустя она прыгнула в поезд.

Джулия ставит на пол чемодан в светлой спальне. Узнает лежащую на лоскутном одеяле подушку с вышивкой, обои в цветочек, на стенах по-прежнему висят ее фотографии, а полки заставлены книгами из серии «Розовая библиотека»^[3]. Ей хотелось бы остановить время. Джулия включает отопление, грызет квадратики забытого в холодильнике шоколада, ненадолго задерживается в гостиной. Ее взгляд скользит по комнате и останавливается на кресле перед телевизором. Она словно видит на подлокотниках следы от бабушкиных рук. Горло сдавило. Она сдерживает слезы. «Только бы не расплакаться. Не сейчас, иначе не остановлюсь». Она берет себя в руки, возвращается в спальню и ложится в постель.

Ее обволакивает приятный запах стирального порошка. Кажется, что бабушка лежит рядом. Джулия так и слышит мерное дыхание, чувствует тепло ее тела. Раньше бабушка каждый вечер клала в постель грелку – и Джулия никогда не мерзла. А сегодня она дрожит от холода и, уже натянув свитер и носки, решает сходить еще за одним одеялом.

В соседней спальне тоже ничего не изменилось. Туалетный столик беленого дерева, войлочные тапочки. Изображения святых, портреты

детей. На прикроватной тумбочке – родители Джулии в свадебных нарядах улыбаются фотографу.

В большом платяном шкафу пахнет розой и жасмином. Пальто, меха, платья и вязаные кофточки ждут счастливых времен. Джулия нежно гладит шелковую блузку и думает, как много та повидала на своем веку. Танцевальные вечера, маскарады. Танго, ча-ча-ча и вальсы на три счета. «Эта блузка слышала, как бьется ее сердце», – шепчет Джулия.

Она встает на цыпочки, чтобы достать одеяло. Одеяло падает, и что-то твердое ударяет ее по голове. Джулия чертыхается. На полу валяется выцветшая коробка с именем и телефоном парижского обувщика. Джулия удивляется, увидев на ней свое имя. Наверняка детские фотографии. Снимает крышку. Внутри – толстая тетрадь с фетровой обложкой. Джулия узнает бабушкин почерк. С любопытством открывает дневник и читает первую страницу.

1 апреля 2018.

Моя стрекозка!

Не знаю, когда ты это прочтешь. И не знаю, позволит ли моя несчастная голова довести до конца историю, которую я хочу тебе рассказать. Одно знаю точно: я этого уже не увижу.

Я долго не решалась написать. От застенчивости, стыда и, конечно, от недостатка храбрости. Но пришло время рассказать тебе то, о чем я раньше не осмеливалась говорить. Потому что моя голова прохудилась, воспоминания стираются, а память утекает сквозь пальцы. Потому что – и это самая главная причина – только зная, откуда ты пришел, узнаешь, куда идти.

Я храню свой секрет уже больше семидесяти лет. Если честно, даже не знаю, с чего начать. В моей жизни было столько бурь, потрясений, огорчений, трагедий и смеха! Все это сейчас кажется таким незначительным.

Итак. Я родилась в Сент-Амуре 24 февраля 1929 года под звуки опереточной арии о любви и отваге – и пронесла эту мелодию через всю мою жизнь.

Джулия не в состоянии читать дальше и закрывает дневник. От этого признания загорелось лицо, перехватило горло, она задохнулась. Почему бабушка ничего ей не говорила? Ошеломленная Джулия кладет дневник обратно в коробку и садится на кровать.

Я храню свой секрет уже больше семидесяти лет.

Какой секрет? Джулия обводит глазами знакомую обстановку, словно ответ прячется где-то между туалетным столиком и шкафом. Дрожь выводит ее из ступора. Она вновь берет толстый дневник и нежно проводит по нему рукой. Между страницами что-то заложено. Несколько фотографий, вырванный из блокнота листок, конверт, рецепт и даже список покупок. На то, чтобы все это прочитать, уйдет много часов. И что такого нового она узнает?

Смущенная – словно в неподходящий момент подглядывала в замочную скважину – Джулия натягивает рукава свитера на кисти рук и усаживается на замерзшие ступни. Дневник не дает ей покоя. Положить его на место как ни в чем не бывало? Но на коробке написано ее имя. Джулия медленно перечитывает первую страницу. Впитывает каждое слово, растроганная знакомым до боли почерком. Она будто слышит бабушкин голос.

Глаза наполняются слезами, живот сжимается. С горечью, тревогой и чувством вины она пытается вспомнить, на что могла не обратить внимания. Вдруг бабушка скрыла от нее самое главное?

Джулия подходит к комоду с фотографиями. На одной из них – пятнадцатилетняя Жанина с ослепительной улыбкой. Джулия проводит пальцем по ее лицу. Конечно же она знает о бабушке все! Ее страхи, радости, слабости, ее жизнелюбие, разбитые мечты. Знает каждую морщинку на лице, как каждый браслет на своих запястьях. Джулия могла бы слово в слово рассказать все бабушкины истории, слышанные по сто раз. Имена, приключения и даже секреты! Те маленькие тайны, которыми делятся только в женском кругу и которые делают мужчин такими уязвимыми. Жанина часто ей что-то рассказывала, вспоминала прошлое, глядя на деревья в саду. Казалось, будто бабушка видела,

как там играет ее сын, слышала, как муж рубит дрова и как одним июльским вечером скорая увозит его тело.

Джулия еле сдерживает рыдания. Знаем ли мы тех, кого любим? Сидя в этой комнате, она вдруг начинает сомневаться во всем. Немного поколебавшись, не в силах противостоять искушению, она лихорадочно переворачивает страницу.

Я появилась на свет в 1929 году в Провансе в узком домике, зажатом между прачечной^[4] и церковью. Моя мать Генриетта была скромной и набожной женщиной. Мой отец Жозеф – гордым и честолюбивым корсиканцем. На главной площади Сент-Амура он держал скобяную лавку – похожий на кунсткамеру лабиринт, в который мне позволялось входить, держа руки за спиной. Чтобы скоротать время, я гуляла вдоль полок, вполголоса называя по именам все эти чудные вещицы. Кофейник. Дурилаг. Масляная лампа. Кастрюля. Бриолин. Терка для сыра. Там были даже деревянные санки, каждую зиму вселявшие в меня напрасную надежду. Как я мечтала увидеть покрытые снегом кустарники!

Отец любил свое дело, и в его лавку приходили даже издалека. С клиентками он был галантен, к их детям – внимателен. С его лица не сходила улыбка, даже когда неуклюжие малыши опрокидывали коробки с шурупами и переворачивали все вверх дном на полках. «Хорошего дня, мадам!» – и его губы слегка касаются руки покупательницы. «Милая шляпка!» – и конфетка опускается в карман ребенка.

Поглаживая усы, он окидывал взглядом магазин, как любит своей империей маршал, объезжая ее с инспекцией. «Каждая вещь на своем месте, каждое место – для определенной вещи», – бормотал он, выравнивая по линейке коробочки с гуталином. Под Рождество он проводил инвентаризацию, склонив лысеющую голову над гроссбухом и цокая языком. А я сидела в углу, затаив дыхание, и молилась, чтобы ему не попалась сломанная кукла, или облезлый оловянный солдатик, или плюшевый мишка с разошедшимся на животе швом. Зря старалась! Каждый год отец клал под елку непроданные испорченные игрушки, из-за них моя комната была похожа на средневековый Двор чудес^[5].

Отец ругал меня: «Было бы на что жаловаться! Деревенские дети и апельсину радуются!»

Я скрепя сердце молчу. Апельсин гораздо лучше одноглазого медведя.

Джулия ставит машину возле белого здания и делает глубокий вдох. В каком состоянии бабушка? Положив руки на руль, Джулия собирается с силами. Она думает об отце. Сейчас он, должно быть, спит. Впервые она злится, что отец устроил свою жизнь по ту сторону океана. Дочери его отчаянно не хватает.

Джулия входит в залитый солнцем холл. В углу вещает телевизор. Миниатюрная старушка сидит в кресле и вяжет, на коленях у нее кошка. Рядом маленькая компания играет в карты. У всех на головах шерстяные шапочки. Толстые и пестрые. А на улице довольно тепло. Через приоткрытое окно врывается легкий ветерок. В саду копаются две рыжие курицы. Что это за место? Джулия встречается глазами с вязальщицей, та ей подмигивает, и Джулия невольно улыбается. Появляются два старика:

– Пьеро! Неужели это ты!

– Фернан? Ну и ну! Что ты здесь делаешь?

В объятия толстяка со слезами на глазах падает худой верзила в вельветовых штанах, протертых на коленях, и с пучком седых волос на недобритой щеке.

– Сколько лет прошло? Шестьдесят, не меньше?

– Не верится! Как вчера это было!

Толстяк, приложив руку к уху, просит повторить. Открываются двери лифта. Выходит пожилая женщина в поношенном пальто и длинной юбке. У нее все серое – от туфель до цвета лица. Джулия застыла, лицо кажется ей знакомым.

– Люсьена?

Бабушкина подруга детства не сильно изменилась. Строгий пучок, компрессионные чулки, затхлый запах нафталина. Люсьена не здоровается, качает головой, глядя на стариков:

– Как же грустно видеть здесь Жанину... Я прихожу сюда каждое утро. И каждое утро один и тот же цирк!

Джулия обнимает ее. Люсьена добавляет, будто о самой себе:

– Да, старость – не радость! Как это все печально...

Старики никак не могут прийти в себя. Низенький при каждой фразе хлопает себя по ляжке в совершенном восторге от встречи со старым другом.

– Как поживаешь? – спрашивает Джулия. – Я приехала вчера и...

Люсьена перебивает:

– Это я ее нашла. В саду, возле бельевой веревки. Как же так...

Она в расстройстве смотрит вдаль. Джулия не успевает ответить, как Люсьена восклицает:

– А вот и командирша! Убегаю. Если останусь – свихнусь.

Подходит медсестра лет пятидесяти, полная и жизнерадостная. Глаза так и сверкают. Джулия оборачивается – Люсьены уже и след простыл.

– А вы – внучка Жанины!

Джулия краснеет от удивления.

– Меня зовут Элиана. Вам разве не говорили, что вы на нее похожи? Идемте, я вас провожу.

Джулия идет за ней в лифт.

– У вас тут весело.

– Это точно. В первый раз все удивляются. Дом престарелых ничем не хуже клуба, вы уж мне поверьте. Надо только получше присмотреться. У нас есть такие кадры! Те двое, Пьеро и Фернан, вместе воевали, когда им было по восемнадцать, и случайно встретились здесь.

– Невероятно!

– Да, потрясающая история! И они ее проживают не меньше трех раз в неделю. У слабой памяти есть свои преимущества... Пришлось запретить им пить вино в обед – они требовали шампанского, чтобы отпраздновать встречу. А еще есть Марсель, который запекает «Марсельезу» всякий раз, как из бутылки вылетает пробка...

Джулия удивлена. Она не ожидала такого веселого приема. Элиана указывает на большую деревянную дверь:

– Вон та, в конце. Разберетесь?

Джулия кивает. Слова застревают у нее в горле. Она не успевает постучать, дверь открывается, за ней появляется смущенное лицо медсестры.

– Здравствуйте, мадемуазель. Если вы пришли к Жанине, то сейчас неудачное время. Простите, я позову кого-нибудь помочь.

Взволнованная, Джулия входит в комнату. Это не крошечная больничная палата, а хорошо обставленные апартаменты. Вот ведь, отец хоть и далеко, а обеспечил для Жанины самый лучший уход.

Посреди гостиной маленькая фигурка в кресле-каталке.

– Бабушка...

Жанина сидит лицом к полукруглому окну. Спина сгорблена, седые завитые волосы поредели. На ней блузка в цветочек, из слишком блестящей ткани.

– Бабушка, это я.

Жанина поворачивается и замирает. Испуганно разглядывает гостью. Джулия нежно кладет свою руку на бабушкину. Ее лицо озаряется.

– Лили! Вот и ты!

Джулия прячется в ее объятьях. Бабушка приятно пахнет, у нее мягкая кожа. Джулию накрывает волна счастья и меланхолии. Она пододвигает стул и садится рядом с Жаниной. На столе белая скатерть, букет тюльпанов и еще теплый пирожок на тарелке в цветочек. Но ничто не может скрасить картину острого одиночества.

– Да это прямо дворец! – с наигранной веселостью восклицает Джулия.

– Да! Твой отец хорошо обо мне позаботился!

Джулия с трудом сглатывает слюну. Жанина подносит морщинистую руку к опухшему лицу.

– Видишь, какая я теперь некрасивая. И как это меня угораздило!

Внезапно она уходит в себя. Вернувшаяся медсестра спрашивает нарочито громким голосом:

– Ну что, Жанина, вы рады видеть внучку? Вы хоть немного поели?

– Оставьте меня в покое! Я хочу домой!

Джулии не по себе. Медсестра разрезает пирожок.

– Я пожалуюсь директору! Немедленно позовите его! – кричит Жанина.

Ее бьет дрожь. Джулия берет бабушку за руку, пытаясь успокоить. В гостиную быстрым шагом входит мужчина. Огромные зеленые глаза, бритая голова, кожаная куртка, под мышкой – шлем.

– Феликс! Слава богу, вы пришли! Скажите этой потаскушке, чтобы она убиралась отсюда!

– Надо же, Жанина, вы успели по мне соскучиться?

Феликс улыбается и делает медсестре знак, чтобы она ушла. Джулия в недоумении наблюдает за этой сценой. Кто такой этот Феликс?

Моя стрекозка!

Когда врач сказал, что у меня не все в порядке с мозгами, я рассмеялась ему в лицо. Хотелось верить, что это лишь временная усталость, сказывается приближение зимы или простая рассеянность. Но несколько недель спустя мне пришлось признать очевидное: голова отказывает, а мои воспоминания вот-вот скроются в голубой дали.

Я уже давно хотела рассказать тебе о своей жизни и о значимых для меня людях. Но всегда находились другие дела: то к врачу надо сходить, то белье постирать, то пирог испечь. А если честно, моя дорогая, я просто боялась. Окунувшись в воспоминания, можно ведь и утонуть.

И вот однажды я шла к врачу и встретила Симону – соседку, с которой мы иногда играли в бридж на стариковских посиделках. Мы с ней виделись пять месяцев назад, и она была в прекрасной форме, с нетерпением ждала свадьбы внука. Я подошла поздороваться и спросила, как поживают молодые. Бедняжка долго смотрела на меня и не могла понять, о ком я говорю. У Симоны поехала крыша! И тут я перепугалась. Милая Лили, что же у меня останется, если ты тоже исчезнешь, – если я забуду твое имя, твой голос, твое лицо? От этой мысли у меня защипало в носу. А я-то собиралась дать болезни карт-бланш и сидеть сложа руки. После врача я поскорей пошла в канцелярский магазин и купила эту тетрадь – самую толстую, какая была. И поклялась не оставлять ни одной пустой страницы и держать оборону, сколько смогу.

Правильно ли рассказывать обо всем вот так, чтобы ты прочла это потом без меня? Мне хотелось бы видеть тебя, держать за руку,

отвечать на вопросы, успокоить, когда ты будешь гневно хмурить брови. Но время играет против меня, так что самый верный и уж точно самый нестрашный способ – доверить свою историю дневнику.

Начав писать и открыв ящик Пандоры, я настроила свою старую башку на последний бой. Мои нейроны стараются изо всех сил, в шкафу не должно остаться ни одного скелета. Весенняя генеральная уборка! Чтобы не терять нить, я взяла за правило гулять с блокнотом и карандашом, который точила так часто, что он стал совсем крошечным. Я делаю заметки и составляю самые разные списки. На обороте конвертов, на бумажках для заметок, а вчера так даже на рекламном буклете, пока сидела в очереди к ревматологу. Я их вкладываю между страницами, чтобы ничего не забыть, надеюсь, они не помешают тебе читать.

Вчера ты мне позвонила, и от твоего голоса на сердце стало тепло. Когда я слышу в трубке твой голосок, у меня в груди словно взлетает стая птиц. Милая Лили, когда я тебя слышу, каждый раз наступает весна. Я с упоением слушаю о твоей жизни в Париже и безгранично горжусь тобой. Хотелось бы выразить все это лучше, с большим пафосом, но у меня нет твоего дара слова. Ты ведь простишь, что я скрывала от тебя и этот дневник, и причины, из-за которых он появился...

Звонят в дверь, надо идти открывать. Наверняка это Люсьена пришла из церкви.

Целую тебя, моя сладкая.

Бабушка

– Привет, я Феликс, помощник Жанины, – говорит он, снимая куртку.

«А он молодой, – думает Джулия, пробормотав свое имя. – Притом очень милый. И работает помощником?»

– Ах вот ты какая, Жанина много о тебе рассказывала!

Он наклоняется к Жанине:

– Я заезжал на рынок! Мадам Абелло отложила для вас камамбер с трюфелем – уверен, вам понравится, – говорит он, открывая рюкзак. – А это колбаса с оливками от старика Флавио.

Он поворачивается к Джулии и шепчет:

– Старик Флавио к ней равнодушен!

Его веселье заражает. Феликс продолжает болтать, вынимая из рюкзака свежий багет и ту самую колбасу. Рассказывает о погоде, кого встретил на улице, о кошке мадемуазель Мели и о мимозе у дома Мирей. Эти двое отлично ладят. Жанина смеется, радуясь новостям. Она сжимает руку внучки, словно боится, что та улетит. «Что-то изменилось в бабушке, – думает Джулия, – лицо излучает почти детскую нежность. И взгляд другой. Более отрешенный и менее серьезный».

Феликс, раздвигая по дороге кресла, идет в другой конец гостиной, к старому патефону. Джулия широко открывает глаза. Он-то как здесь очутился?

Вдруг вспомнилось детство: маленькая гостиная, она танцует, стоя на бабушкиных ногах, на шее – боа. Жанина умела играть на пианино и иногда могла что-нибудь спеть, но танцы... Ах, танцы! От горшка два вершка, Джулия была ее лучшим кавалером. Они кружились под песни Трене, Жозефины Бейкер, Мистингет и, конечно, Фрезль^[6]. От этого воспоминания у Джулии начинает щемить сердце.

Она оглядывается и замечает знакомые вещи: кружевную салфетку на подголовнике кресла, несколько фотографий, коллекцию ложечек. Феликс поднимает крышку красного дерева, старательно крутит рукоятку. Берет пластинку, потом другую, кладет на диск и подносит к краю иглу. Слышится приятный треск. Феликс делает

изящный поклон перед сидящей в кресле Жаниной и поворачивается к Джулии:

– Вы позволите?

Подыгрывая ему, Джулия позволяет – и бабушка в восторге высвобождается из кресла с помощью своего кавалера.

Высокий голос эхом разносится по гостиной, они начинают танцевать. Бабушкина рука – в руке Феликса, другая – на его плече. Джулия узнает это положение головы. Движения Жанины правильны, точны. Подняв подбородок, Феликс уверенно ведет свою даму. Пара медленно вальсирует в солнечных лучах.

Говорите мне о любви, повторяйте нежные речи... [7]

Жанина закрывает глаза. Она кружится, улыбается и изящно тянет носки тапочек. Молодая, легкая, витающая в воспоминаниях. Джулия всю жизнь могла бы смотреть, как танцует эта пара. Но игла патефона неумолимо движется к центру. Звучат последние ноты нежно плачущего пианино.

Феликс провожает старушку до кровати.

– Жанина, за вами не успеть! Неудивительно, что в вашей бальной книжке расписаны все танцы!

Жанина мягко отталкивает его. Только теперь Джулия наконец увидела медицинское оборудование. Кровать с ограждением и подъемным механизмом, тревожные кнопки. Сердце сжалось. Феликс закрывает ставни, комната погружается в мягкий полумрак. И вдруг Жанина беспокойно спрашивает:

– Феликс, когда я смогу вернуться домой?

– Как только я вам надоем.

И он бесшумно уходит.

Список того, что надо не забыть (для меня самой)

Меня зовут Жанина Полетта Паоли.

Я живу в Сент-Амуре в доме 20 по Сосновой аллее.

Мне восемьдесят девять лет.

Моего сына зовут Ив. Он живет в Лос-Анджелесе и работает в кино. Он родился 24 января. Мою внучку зовут Джулия, она живет в Париже, родилась 10 июля (далее список телефонных номеров).

Подругу, которая меня навещает, зовут Люсьена. Она любит абрикосовый пирог, у нее день рождения 18 ноября. Надо будет подарить ей какой-нибудь сантон^[8] – она их собирает.

Я люблю: песни Азнавура, танцы под аккордеон, расследования журнала «Пари-матч», программы Наги^[9], телеигру «Интервилль»^[10], печенье с инжиром «Фиголю» и все романы Агаты Кристи.

Я не люблю грейпфрут с сахаром, фильмы ужасов и спагетти.

По утрам я пью сладкий кофе с цикорием «Рикоре» и ем два хлебца «Кракотт» с маслом.

Мясника зовут Серж, булочницу – Фанетта. Багеты я люблю румяные, а ветчину – тонко нарезанную. В первый четверг месяца я хожу в парикмахерскую к Мари-Белль. Не люблю холодную воду и когда лак попадает в глаза.

Почтальона зовут Ноэль. Чтобы быть в курсе новостей, дать ему денежку.

ПИН-код моей банковской карты – 2430.

Деньги я держу на кухне в третьем ящике сверху.

Мне не нужны: новый набор кастрюль, кондиционер и новые окна.

– Ты куришь? – спрашивает Феликс.

Джулия отрицательно мотает головой, но с удовольствием с ним за компанию выходит на террасу. Он прикуривает, а она не отрывает глаз от его лица с тонкими чертами. Феликс выпускает несколько колечек дыма.

– Надеюсь, ты не собираешься в меня влюбляться? Мое сердце принадлежит Жанине – это ты и сама поняла.

Она прыскает от смеха.

– С ума сойти! У тебя мимика точь-в-точь как у бабушки!

– Похоже на то.

Вдали виднеется деревня с церковью и оранжевыми крышами. Феликс и Джулия молча наслаждаются солнцем. Вдруг кто-то стучит в дверь. Феликс извиняется и вскоре возвращается с миниатюрной вязальщицей, за которой вышагивает кошка. Джулия вспоминает, что видела их в холле.

– Знакомься, это Мадлена и Пушинка.

Джулия про себя улыбается, услышав, как зовут толстенную кису. Старушка уставилась на девушку своими черными глазами.

– Я здесь только на лето, – небрежно бросает она и начинает копаться в пластиковом пакете. – Я медсестра.

Она достает из пакета вязаную шапку и натягивает ее на голову Джулии.

– Голубая! Как ваши глаза! Она принесет вам удачу.

Озадаченная Джулия наблюдает, как Мадлена принимается вязать, а кошка укладывается у нее на коленях.

– Мадлена здесь с прошлого года. Она очень любит твою бабушку, – объясняет Феликс.

Мадлена кивает. Ее пальцы перебирают спицы с невероятной скоростью. Только их легкий стук нарушает сельскую тишину.

– Да уж... старость не красит, – заявляет вязальщица. – Интересно, какой я буду в ее возрасте?

Джулия удивленно смотрит на Феликса.

– Пока молодые, надо ловить момент, – добавляет старушка.

– А сколько вам лет? – спрашивает Джулия.

– Двадцать пять! Со вчерашнего дня! Мне нравится работать с Феликсом.

Джулия не может сдержать смех. Тихое помешательство Мадлены так очаровательно, что Джулия гонит прочь мрачные мысли и опасения. Она поворачивается к Феликсу, которому, похоже, так же весело, как ей.

– А ты давно здесь работаешь?

– Нет. И попал сюда почти случайно. Я из Коломбье – с другой стороны Вердонского ущелья. Моя деревушка еще меньше, чем Сент-Амур, и там непросто любить парней...

Он украдкой смотрит на Джулию.

– Я уехал оттуда, когда мне исполнилось восемнадцать. Не хотел смущать отца. Он думает, я бухгалтер! Тоже мне занятие... Мне больше по душе танцы и сцена.

Его глаза загораются, он улыбается и смотрит вдаль.

– Об этом доме мне рассказала знакомая медсестра. Им нужны были люди. Я встретил Жанину и больше с ней не расставался. С директором мы договорились: за ней присматриваю только я. Иногда меня подменяет медсестра, но, как видишь, любимчик здесь я!

Феликс берет еще одну сигарету.

– Ты здесь выросла?

– Да и нет. Я выросла в Париже. Но все каникулы проводила у бабушки.

Она вспоминает их с Жаниной прошлое, бабушкин смех, ее ласку и поддержку, которые были для нее настоящей опорой.

– Сейчас живу в Париже.

– Чем занимаешься?

Джулия разглядывает стол – нет ли чего съестного.

– Пишу.

В последнее время только мягкий бисквит и хрустящий шоколад спасают от странного расплывчатого недомогания. Недавно у нее появилась беспричинная тревога – раздражающий фоновый шум, с которым, похоже, справляется только сладкое.

– Серьезно? Расскажи! Автографы, слава, мужчины у ног?

– Если бы! – вздыхает она, возведя глаза к небу. – С мужчинами у меня как раз не клеится...

– Могу познакомить с братом! – радостно восклицает Мадлена.

– Простите?

– Отличная мысль! – одобрительно замечает Феликс. – Джулия наверняка хочет завести новые знакомства!

– Он красивый мужчина. В следующем месяце возвращается из отпуска. Если у вас есть фотография, могу ему отправить. Не уходите, я схожу за адресом.

Не дав Джулии опомниться, Мадлена исчезает, бросив Пушинку и клубки шерсти.

– Видишь, чего только не бывает! – смеется Феликс. – Любовь найдется там, где ее меньше всего ждешь!

Кошка с грохотом спрыгивает со стула и без особого изящества потягивается.

– Ты здесь надолго? – спрашивает Феликс.

– Пока бабушка не вернется домой.

Он молчит. Джулия опускает глаза. Два муравья снуют возле крошки. В горле пересохло. Отец по телефону ничего толком не объяснил. Наверное, пытался уберечь от плохих новостей.

– А она ведь не вернется? – спрашивает Джулия упавшим голосом.

Феликс молчит.

– Скорее всего, нет.

Издали доносится сирена скорой помощи.

– Ты пришла в удачный день. Она тебя узнала. Но бывают дни...

Джулию захлестывает чувство вины. Она думает об упущенном времени, о бабушкиной памяти, которая постепенно угасает. Ей хочется кричать. Конечно же она собиралась приехать раньше! Конечно же она понимала, что недели, месяцы и обещания улетают в бездну! Чувствовала, что это неправильно. Временами Джулия готова была бросить все дела, стоило ей увидеть букет мимозы или старушку со смеющимися глазами, и клялась себе завтра же купить билет на поезд. Но на следующий день неизменно находились отговорки. Сейчас все они кажутся совершенно нелепыми.

Феликс возвращается в гостиную. Изящными пальцами меняет иголку на патефоне.

– Танго?

Не дожидаясь ответа, ставит пластинку и направляется к спальне.

Люсьена в ризнице нагревает утюг.

В церкви холодно. Продрогнув, Люсьена включает отопление и начинает готовиться к мессе. В пустом нефе слышится эхо ее неровных шагов. Несколько свечей тускло освещают цветы, Люсьена только что сменила воду в вазах.

Подойдя к алтарю, она машинально открывает на нужной странице Евангелие и готовит богослужебные книги. Люсьена усердная ризничая, но сегодня выполняет свои обязанности без души. У нее ноет бедро, а это не сулит ничего хорошего. Люсьена верит поговоркам, гаданию по птицам и предчувствиям. И почему-то возвращение Джулии тоже предвещает ей мало хорошего.

Люсьена кладет на блюдо несколько гостей^[11] – не больше полудюжины. К отцу Мариусу мало кто ходит, особенно в будни вечером. Убедившись, что в церкви никого нет, она кладет одну гостию в рот. Тающий на языке хлебец придает ей сил. Пока она наливает вино в кувшинчик для причастия, ее пронзает неприятная мысль. Не раздумывая Люсьена подносит вино к губам и делает большой глоток. Иисус с креста пристально смотрит, как она вытирает губы. Большим бедам – крутые меры.

Люсьена хватает корпорал^[12] и идет в ризницу. Ловким движением расстилает плат на гладильном столе и начинает утюжить. Обычно глажка ее успокаивает, но не сейчас. Горячий утюг рывками движется по накрахмаленной ткани. А если Жанина совсем свихнется? Кто знает, как на нее подействовало падение. Если она окончательно спятит, то, возможно, начнет болтать обо всем подряд. У Люсьены сводит живот. Она качает головой, пытаюсь успокоиться. Нет-нет, все в прошлом.

Пар понемногу заполняет комнатку. Одна складка никак не поддается. Люсьена выставляет температуру побольше и сильнее давит на ткань. Внезапная боль в бедре заставляет ее забыть об утюге. Она кладет руки на больное место, закрывает глаза и молится про себя. *Господи Иисусе, облегчи мою боль. Святая Мария, Матерь Божия, защити нашу память. И прости нам грехи наши, как и мы прощаем...*

Когда Люсьена открывает глаза, от литургического плата поднимается темный дым. Раскаленный утюг прожег ткань, предназначенную для тела Христова. Люсьена в ужасе вскрикивает и едва не падает в обморок от страшного предзнаменования.

Джулия кладет дневник на стол. В светло-зеленой кухне ужасно тихо. Она обводит взглядом комнату и замечает напоминалки, которые бабушка наклеила повсюду – начиная от банки с мукой и заканчивая газовой плитой. На каждом шкафчике написано, что в нем лежит: тарелки, кастрюли, консервы, фильтры для кофе... На столе – стопки бумажек со списками, заметками, рецептами, телефонными номерами, словами песен и отдельными словами. В этот момент Джулия понимает, какую серьезную битву вела Жанина в последние месяцы. На обороте конверта бабушка набросала семейное древо, кое-где поставив вопросительные знаки. В рекламную брошюру ближайшего супермаркета вложила несколько напоминалок, похожих на ту, что Джулия нашла в дневнике. *Тебя зовут Жанина Полетта Паоли, ты родилась 24 февраля 1929 года...*

Джулия представляет, какое отчаяние должна была испытывать бабушка, теряя память, и думает: «А что бы сделала я, если бы мне сказали, что завтра я все забуду? Какие послания отправила бы себе? Что мне хотелось бы помнить? Имена друзей, название любимого кафе, а может, фамилию букиниста? Имена любимых авторов? Или нет – благодаря амнезии я смогу открыть их для себя заново». На самом деле ей дороги лишь воспоминания о времени, проведенном здесь, вместе с бабушкой. Вот что она написала бы в своем дневнике: улыбка Жанины на перроне вокзала, ее теплые руки, ее жизнерадостность, наша игра в лошадки, смородиновое мороженое, прогулки на мельницу, дни, проведенные на пляже, и вечера – на террасе, ароматы лета.

Она вздыхает, берет чашку с ложкой и кладет в раковину. За окном на фоне безоблачного неба высится гора. «В сущности, – думает Джулия, – когда все забыто, остается меньше сомнений, меньше тревог». Ей хотелось бы начать жизнь с чистого листа, найти в себе смелость попробовать, рискнуть. Любить. Снова. В памяти всплывает образ Тома. Вот кого ей первым делом хотелось бы забыть. Его имя, глаза, запах – все это она бы стерла, как ластиком, чтобы освободить место для других. Он бросил ее, ничего не сказав. Даже не закурил –

просто сказал, что уезжает на выходные. И не вернулся. Точнее, вернулся через восемь месяцев с высокой брюнеткой под ручку, невозмутимо улыбаясь. Когда Тома понадобилось забрать свои вещи и они встретились за кофе в бистро, Джулия не могла вымолвить ни слова. Она слушала его извинения, и сердце рвалось на куски. Даже сейчас, когда она проходит мимо этого кафе, ей кажется, что официант сметает последние лоскутья. Тома сказал, мол, ему жаль и дело не в ней, а в нем – а может, наоборот, – но она же все понимает, не так ли... Но если честно, она так ничего и не поняла. Он забрал все свои вещи: одежду, пластинки, гитару. Оставил только рану в груди, только тронешь – снова начинает жечь. Бабушка как-то сказала, что он был мерзкий, словно вошь. Это была неправда, но тогда Джулия улыбнулась.

Мой отец любил праздники, музыку и танцы. Каждый год он устраивал рождественскую елку для семейств Сент-Амура. Среди жителей нашей деревни были музыканты, и отец собрал из них ансамбль. 1936 год, самый разгар экономического кризиса, но, когда играли наши «Хэппи Бойз», ветерок оптимизма обвевал всех от мала до велика. Мне нравилось общее веселье. Так и вижу: мама скромно улыбается под своей шляпкой колокольчиком, когда отец приглашает ее танцевать.

Перед раздачей подарков дети устраивали концерт. Мы часами репетировали свои номера под чутким руководством отца. Я чувствовала, что должна выступить лучше всех. В том году отец велел мне выучить стихотворение «Негритяночка», длинное и очень сложное. Я до сих пор могу его прочесть наизусть! Моя память рушится, а стихотворение я могу рассказать без запинки. Надолго ли это? Иногда я задаюсь вопросом, на каких воспоминаниях моя память совсем угаснет? Проведу ли я свои последние часы, декламируя стихи, которые будут эхом отдаваться в моем пустом мозгу?

Дети выстроились в ряд за кулисами. Волосы расчесаны на косой пробор, белые гольфы натянуты до колен. Все с волнением смотрят на отца. Жозеф напоминает, кто за кем идет. Только не ошибитесь! Словно на кону его жизнь. Я ускользнула, чтобы пройтись по залу.

Вышагиваю словно королева: волосы завиты плойкой, лакированные туфельки, коричневое бархатное платье. За все семь лет своей жизни я еще не встречала такой красавицы.

Прохожу мимо подвыпивших мужчин. У одного из них на коленях сидит женщина, он приобнимает ее за бедра. Глядя куда-то вдаль, она подносит к губам мундштук. На ней платье с декольте, глаза густо подведены, на губах красная помада. Деревенские парни чокаются, отпуская шутки.

К женщине подходит маленькая худенькая девочка лет трех и тянет ее за юбку. Мать не обращает внимания, но малышка не сдается. Один из мужчин ее прогоняет, злобно насмехаясь: «Иди поиграй в другом месте! Было бы хоть на что посмотреть!» Приятели хохочут, один из них кричит ее матери: «Не вздумай подкинуть нам еще одного! Да, ребята?» Новый взрыв хохота.

Один из этой компании гасит сигарету и берет женщину за руку. Она бросает взгляд на девочку и уходит со своим спутником. Им свистят вслед, на что парень отвечает непристойными жестами. Малышка остается одна и тихо плачет, опустив голову. Я подхожу к ней, беру за руку, и мы вместе пробираемся сквозь толпу. За кулисами суматоха. Увидев меня, отец сердито спрашивает, где я пропадаю, он уже обыскался...

Когда он поднимается на сцену и объявляет мой номер, зал затихает. Я вытираю влажные ладони о платье. Ноги немного дрожат. Боюсь пошевелиться, чтобы не помять темный бархат. Меня бросает в дрожь от мысли, что я могу разочаровать отца.

Выхожу на сцену под аплодисменты. В первом ряду мама ломает руки от волнения. Я бросаю взгляд за кулисы: отец раздражен, надо начинать, чего я жду, в конце концов? Рядом с ним я замечаю ту самую девочку в рваной кофточке. Растрепанные волосы падают ей на лицо. У нее грязный рот, мокрые от слез щеки. Я знаком приглашаю ее на сцену. Она бежит ко мне, хватая за палец и прячется в складках моего платья.

Я внятно объявляю:

– «Негритяночка», автор – Жан Рамо.

Я сглатываю слюну. Отец в ужасе от этой девчонки и делает мне знаки, но я не обращаю на него внимания и уверенно продолжаю высоким детским голосом:

Вот такого росточка, пяти-шести лет,
Негритяночка в платьице пестром,
Блики солнца играют среди темных черт,
На ногах – ботиночки с лоском.

Я сопровождаю чтение уверенными жестами. Интонация верная, публика внимает. Мое сердце стучит как бешеное. За моей спиной дрожит малышка.

А глаза ее смотрят по сторонам,
Люди думают: «Вот ведь умора!»
И белым огромным смеются глазам,
Этим шарикам из фарфора.
Ах! Знали бы вы, что это за взгляд!
Как ручонки хватают прохожих!
Ах! Знали бы вы, как зубки блестят:
«Прошу, господа, дайте грошик»,

Я медленно поворачиваюсь к девочке. Она цепляется грязной ладошкой за мой палец.

А впрочем, она и счастливой бывала:
Лежа в сарае на стружках,
Одно из поленьев себе выбирала,
Представляя, что это игрушка.
Но однажды поблизости свадьба была:
Невеста вся в белом, прекрасна.
И негритяночка вдруг поняла,
Что очень и очень несчастна.
О, белое платье! О, сон! О, мечта!
Все вокруг, словно свет, озаряет,
Даже больно смотреть – какова красота!
Здесь, внизу, такой не бывает!
Как хотелось бы ей точно так же сиять,
Поражать всех вокруг своей статью!
И она в магазине просит продать

За два грошика белое платье.
Но за грошики эти платьев не шьют –
Продавец не видал ни разу.
И сколько страдания передают
Эти два фарфоровых глаза!

Она слушает меня с широко раскрытыми глазами. Ей не больше трех лет, но ритм стихов нашел путь к ее сердцу. А мое сердце уходит в пятки. Я взглянула на зрителей – они смотрят мне в рот. Я уже не понимаю, зачем я здесь. Впадаю в панику, лоб покрывается испариной. Боюсь, что кудри разовьются. В зале мама задержала дыхание. Девочка посильнее сжала мой палец. Я не могу оторвать взгляд от ее дырявых ботинок. Из-за кулис отец подает мне знаки. Наши взгляды встречаются, и он шепотом подсказывает следующую строчку.

От горя хотелось ей умереть.
Как же так? Быть всю жизнь обреченной?
Так страстно белое платье хотеть,
Но так и остаться черной?
А как-то в соседнем увидя дворе,
Как с покойником гроб забивают,
Сама замечталась о смертном одре –
Как же это красиво бывает!
– А мне можно сделать такую кровать? –
Спросила она между делом.
– Зачем тебе это? – Чтобы поспать
В прекрасном платье белом.
Отказали. Беда! Отказали опять!
И уже она грошик не просит,
Тех огромных глаз больше вам не видать,
И печаль ее ветер уносит.

У меня перехватило горло. Глаза, ослепленные светом маленькой сцены, наполнились слезами.

В день морозный она опустилась на снег,
Ей для счастья хватило бы ткани кусочка,
Ведь была негрityяночка пяти-шести лет,
Вот такого всего лишь росточка.
А без белого платья она умерла,
Серый день был как будто простужен.
Знает ли кто-нибудь: на Небеса
Пускают черные души?
Я думаю, да, ведь снегом накрыло
Это черное тело в холодных объятьях,
На Рождество ей зима подарила
Именно то белое платье.

Наступает тишина. За кулисами отец с довольным видом кивает головой. Весь зал аплодирует! Мужчины встают, женщины комкают носовые платки и утирают слезы. Под крики «Браво!» я делаю лучший из своих реверансов. И предлагаю девочке сделать то же самое. Она испуганно улыбается и неуклюже приседает. Я шепчу ей на ухо: «Видишь, Люсьена, как все эти люди тебя приветствуют?»

На рыночной площади еще никого нет. Запахнув поплотнее куртку, Джулия выбирает столик на солнце и заказывает кофе. Из соседнего переулка доносится аромат свежее испеченных круассанов.

Она улыбается, вспоминая вчерашний день, проведенный с Жаниной и Феликсом. «Странные какие постояльцы в этом доме престарелых», – думает она, поглаживая шапочку, которую ей подарила Мадлена. Шерсть мягкая, ряды ровные. Сразу видно, что вязальщица свое дело знает. Убирая шапочку в сумку, Джулия замечает нечто необычное. В шапочке лежит крошечный листок бумаги, полоска в несколько сантиметров. Джулия расправляет бумажку и читает написанное тонким наклонным почерком: *Единственное, о чем никогда не пожалеешь, – это наши ошибки и заблуждения.*

Она улыбается удивительной находке. Надо же, похожая на мышку пожилая вязальщица оказалась на редкость поэтичной и жизнелюбивой натурой. Джулия закрывает глаза и, продолжая размышлять о прочитанной фразе, наслаждается солнцем. Так и заснуть недолго. Вибрирующий телефон выводит ее из полудремы. Это редактор, интересуется, как успехи, и напоминает, что пора сдавать работу.

Джулия вздыхает, выпрямляется и открывает ноутбук. Кладет пальцы на клавиатуру и заставляет себя начать. Ничего не выходит. Она пишет фразу и тут же стирает. Слова звучат фальшиво. Не удается извлечь ни одного абзаца из чертовых записей в блокноте. Все нутро отказывается работать над этой книгой. Она злится на себя. Черт подери! Не в первый же раз пишет биографию! В прошлом году она меньше чем за два месяца закончила книгу, чьим автором значится кумир всех детей в возрасте до двенадцати лет. На прошлой неделе она на два дня раньше срока сдала четырехстраничное эссе об английской принцессе. И вот теперь тридцатитрехлетняя Джулия, обычно одержимая дедлайном не меньше, чем шоколадом с орехами, не может выбросить из головы бабушкин дневник. Он так и манит, хотя Джулия пытается о нем не думать.

Она вновь погружается в жизнь своего героя-певца, в его детство и откровения. Из этого можно сделать увлекательную книгу. Но все напрасно, ничего не получается. Ее ум где-то бродит, схватить бы его за шкуру, как непоседливого ребенка, и силой усадить за работу. А если она вообще разучилась писать?

Отогнав эту мысль, она достает дневник. Он в фетровой обложке, толстый и тяжелый. Вложенные фотографии торчат между страниц. Джулия бережно листает. Без сомнения, этот дневник – самое ценное, что у нее есть.

Деревня вокруг площади понемногу просыпается. Мясник, зевая, раскрывает навес и приветствует бакалейщика, тот здоровается в ответ. Денек будет теплый. Джулия разрешает себе прочесть один абзац. Только один, всего несколько строчек, и сразу за работу. Она жадно открывает дневник. Из него выпадает ее билет на поезд. Она уезжает завтра. Джулия подумала, как мало у нее времени, чтобы побыть с бабушкой, вздохнула и закрыла ноутбук. Ей просто необходимо найти дорожку к воспоминаниям Жанины. От чтения дневника Джулии становится не по себе. Пусть ей предстоит узнать тайны прошлого, но хотелось бы услышать их из уст самой бабушки. Хотя, если верить Феликсу, надежды что-то вытащить из нее очень мало. Падение и шок от переезда погрузили разум Жанины в густой туман, и кто знает, рассеется ли он когда-нибудь.

Джулия глубоко вздыхает и бросает на стол горстку монет. Нельзя терять ни минуты.

Список фраз, которые мне постоянно говорил отец

В школе жизни каникул не бывает.

Хватит плакать, ты не гипсовая рожца на фонтане!

Перед тем как что-то сказать, помолчи.

Неразумный ребенок – горе для отца.

Если бы от бороды прибавлялось ума, все козлы были бы профессорами.

Держи спину ровно!

Пользуйся расческой, пока есть волосы.

Поставь пластинку – потанцуем.

Колокол пробил восемь раз. Несколько пожилых прихожанок идут по мощеным улочкам на утреннюю службу. Под огромным платаном, протягивающим голые ветви к небу, три старика, опираясь на трости, обмениваются новостями. Черные шляпы с широкими полями надвинуты на лоб, так что глаз не видно. Джулия идет к прилавкам. Нужно купить продукты, она собирается к Жанине и Феликсу на обед.

Торговля пошла. Покупатель шутит с улыбочивым дедом, в котором Джулия узнает старика Флавио, торгующего своими сокровищами. Во время каникул бабушка часто посылала ее на рынок. Джулия до сих пор помнит сетчатую сумку и маленький кошелек, который та ей вручала, отправляя за хлебом. Жанина всегда говорила: «Купи и себе чего-нибудь».

Старик Флавио выкладывает колбасы на клетчатую скатерть. С оливками, трюфелем, прованскими травами, острым перцем... От одних названий слюнки текут. На прилавке напротив молодая пара выгружает разноцветные ящики с цитрусовыми и сладким перцем.

На площадь въезжает фургончик. Старенький «Ситроен»-малолитражка, латаный-перелатаный, с зеленым капотом и небесно-голубой крышей. Джулия ждет, что из него выйдет престарелый булочник или фермер в кепке, но водителю не больше сорока. Трехдневная щетина, улыбающиеся карие глаза и ямочки на щеках. Он кивком приветствует Флавио. Ругается на старого черно-белого пса, который возбужденно гавкает. Распахивает двери фургончика, запускает руку в карман куртки и бросает псу лакомство. Привычными движениями раскладывает столик, водружает на него корзину и весы. Дышит на руки, чтобы согреть их, и обводит площадь взглядом, останавливая его на Джулии. Она замирает, потом начинает неловко стряхивать со свитера крошки круассана.

Старик Флавио выкрикивает цены на свой товар. Он невысокий, и на нем болтается протертый на локтях свитер. Изрезанное морщинами лицо светится добротой, печальный взгляд влажных глаз уравнивается широкой улыбкой. Когда Флавио говорит о своих колбасах, ему аплодирует весь Прованс. Джулия подходит к прилавку

и заказывает несколько сортов. Упаковывая покупки натруженными руками, старик рассказывает о своем хозяйстве, о свиньях, травах, кустарниках и оливковых деревьях. Он – кладезь прованской житейской мудрости, которая передается из поколения в поколение с сотворения мира. Зачарованная, Джулия слушает его с благоговением и уходит, купив полдюжины разных колбас. Старик Флавио заботливо кладет в пакет еще и баночку меда.

– Для Жанины... – говорит он, подмигивая. Джулия благодарно улыбается.

– Не желаете попробовать?

Джулия вздрогнула. Карие глаза и ямочки материализовались рядом с ней из воздуха. Он стоит так близко, что ей кажется, она чувствует его длинные черные ресницы на своей щеке. Видя, что она растерялась, он добавляет:

– Это черный трюфель, зимний сорт. Попробуйте, – и острием ножа отрезает кусочек.

Джулия замечает черные ногти, смуглые руки землистого оттенка. Кажется, все руки, которые она видела до сих пор, были какими-то ненастоящими. Она поднимает взгляд, и вся площадь замолкает – от зеленщика до голубей. Даже церковные колокола, ветер в деревьях и вода в фонтане. Она чувствует только аромат трюфеля и удары собственного сердца. Оглушительный грохот большого барабана.

Джулия не раздумывая кладет на язык тонкий черный ломтик с белыми прожилками. Во рту взрывается фейерверк неожиданных вкусов. Земля, деревья, перегной и небо, вместе взятые. Солнце, листья, скалы и дождь.

И только она открыла рот, чтобы что-нибудь сказать, как к ним подошли двое в охотничьих куртках. Один из них, лет пятидесяти, с пороссячим лицом, сразу начинает орать:

– Какого черта здесь делает этот проныра? Сказано ведь ему было больше здесь не появляться!

Второй добавляет:

– Антуан, ты глухой или тупой? Как еще тебе объяснить?

Антуан. Джулия каменеет. Его карие глаза становятся такими мрачными, что кажется, вот-вот пойдет дождь. Свиная морда осматривает столик, вздыхая и качая головой. Толкает корзину.

Трюфели высыпаются на землю. Антуан сжимает кулаки и медленно разворачивается. А тот тип обращается к Джулии:

– Мадемуазель, осторожнее! Если вам нужны трюфели, покупайте у честных людей, у местных! А с этим будут одни неприятности.

– Угомонись, Шаретье! – бросает старик Флавио и хватается того за руку.

Джулия бормочет, что ей надо идти, ее ждут. Ее слова тонут в готовой взорваться тишине. Пес рычит, вытянув морду. Сжав зубы, Антуан собирает трюфели. Шаретье кричит:

– Уложить всех деревенских девок в койку – тут он умелец! Убирайся, мерзавец, сукин сын, ты нам здесь не нужен!

А потом тише, глядя Антуану прямо в глаза:

– И больше не подходи к моей жене, ты понял?

Пес рычит и лает. Антуан наклоняется к приземистому Шаретье:

– Это ты не понял. Ты Еве больше не нужен.

Шаретье вцепился бы ему в глотку, не вмешайся односельчане. С перекошенным от злобы лицом он изрыгает проклятия и грозит страшными карами. От прилавков доносятся голоса: «Скоро вы там закончите? Некоторые вообще-то работают!»

Антуан поднимает руку, и пес запрыгивает в машину. Не глядя на Джулию, складывает столик и закидывает в багажник. Хлопает дверца, старый фургончик уезжает, оставляя за собой облако пыли. Старик Флавио грустно качает головой.

Зербино лежит на переднем сиденье, свесив голову между лапами. Одним глазом смотрит на хозяина. Антуан с силой сжимает руль и, вдавив педаль газа в пол, выезжает прочь из деревни. Зербино по запаху чувствует, какая ярость кипит внутри хозяина. Запах соленый, едкий, отдающий горечью. Старый пес привстает и тихо скулит. *Я с тобой.*

Антуан вздыхает и гладит собаку по голове. По спине Зербино прокатывается приятная волна. Он за Антуаном – хоть на край света.

– Ничего, Зерб, плевать нам на этих стариков, правда?

Зербино гавкает в знак согласия. Антуан достает из кармана лакомство. Зербино тут же его съедает – мог бы посмаковать, но не знает такого слова. Облизываясь, пес вспоминает девушку, которую они встретили утром. От ее свитера пахло сливочным маслом, кофе и флердоранжем. Он заметил, что, когда Антуан с ней разговаривал, у него сердце билось чаще, но непонятно, что это значит. Врезавшаяся в лобовое стекло муха прервала размышления пса.

Зербино любит сухой корм, когда гладят между ушами, валяться на солнышке и смех Антуана. Не любит шмелей, которые гудят в лаванде, зеленый горошек, товарные поезда и запах женщины, которая часто звонит к ним в дверь, когда стемнеет.

Не далее как этим утром она была в кровати Антуана – там, где Зербино любит свернуться калачиком, когда хозяин разрешает. Когда она приходит, Антуан спит на диване. Конечно, когда она заявляется без предупреждения, Антуан не может оставить ее за дверью. Она немного дрожит и пахнет горящими поленьями, ванилью, ромом. Зербино не понимает, чего ей надо, но знает, что ей хорошо, когда Антуан ее обнимает. Иногда, когда у него благостное настроение, Зербино ложится у ее ног и греет их, чтобы она быстрее уснула. Грустная такая девушка.

Запах трюфелей из багажника щекочет в носу, тоже похожем на трюфель. Зербино обожает трюфели. А еще больше – гулять в лесу с Антуаном. Часами, а то и целый день. Зербино убегает – иногда на полчаса – и возвращается, лая и размахивая хвостом. Ведет Антуана

между кустами лаванды и дубами, потом когтистыми лапами роет землю. Осторожно берет трюфель в зубы и, виляя хвостом, протягивает Антуану. Так хочется проглотить кусочек, но стоит потерпеть, чтобы увидеть радостный блеск в глазах хозяина.

К сожалению, это бывает нечасто. Хоть Зербино и старается, трюфелей в этом году не так много, как хотелось бы Антуану. Вечером хозяин сидит у камина, глядя куда-то вдаль, гладит рассеянно – понятно, что его что-то тревожит.

Переваливаясь на брусчатке, старенький «Пежо» оставляет позади церковь, фонтан и платаны. Сент-Амур медленно исчезает в зеркале заднего вида. Джулия нежно любит эту деревню. Живописные улочки и дома с разноцветными ставнями никогда не теряют для нее своего очарования. Ей нравится, как осень все преобразила. В бывшей прачечной тихо без туристов. Пусть на балконах не так много цветов, сладость жизни не зависит от времени года. Джулия пытается вспомнить, когда в последний раз навещала бабушку. Месяцы несутся с головокружительной скоростью.

По дороге воспоминание о недавнем инциденте постепенно рассеивается. Извилистая дорога стирает из памяти образ Казановы с землистыми руками. С горы открывается невероятный вид. За каждым поворотом – все оттенки охры, зеленого и синего. Облака цепляются за вершину горы. Бабье лето. Так и хочется нырнуть в это небо-океан.

Джулия подъезжает к дому престарелых. Набирает код, и стеклянные двери с легким шелестом открываются. На залитой солнцем веранде Мадлена вяжет и играет в скрэбл с какой-то незнакомкой. У нее фиолетовые волосы, аккуратно уложенные. Пушинка наслаждается сиестой, растянувшись на игральной столике и свесив хвост. Джулия подходит поздороваться. Вязальщица приветствует ее с искренней радостью.

– У вашей бабушки сейчас врач, к ней пока нельзя. Садитесь с нами, подождите. Хотите чего-нибудь выпить? – У нее пронзительный голос.

Джулия вежливо благодарит и усаживается.

– Мы играем или болтаем? – нетерпеливо спрашивает незнакомка.

Она хмурит лоб. Говорит быстро и без акцента – выросла не в Провансе.

– Тринадцать букв: «Аллилуйничать»! – кричит Мадлена.

Ее партнерша закатывает глаза.

– Боже, Мадлена, мы же не на эсперанто играем, «аллилуйничать», что еще выдумаете!

– Жизель, вам стоит почаще ходить на мессу к отцу Мариусу, – настаивает Мадлена. – Вам бы пошло на пользу. «Аллилуйничать» – от латинского слова «аллилуйя».

И она запекает псалом. Джулия улыбается и думает о бабушке. Удачный ли у нее сегодня день? Хотелось бы поговорить о дневнике.

К ним идет светлоглазая Элиана, толкая перед собой кресло-каталку. Здоровается и уверяет, что Жанина скоро освободится. Ей делают исследование, чтобы оценить динамику неврологических улучшений.

– Жизель, не приставайте к Мадлене, – мягко увещевает Элиана, – все знают, что вас обыграть невозможно!

– Снег будет... – заявляет вязальщица. Ее слепят солнечные лучи.

– Ну что же вы, Мадлена? – бурчит Жизель. – Целый день вас ждать?

Пока Мадлена по одной выкладывает буквы на доску, Элиана шепчет Джулии на ухо:

– Знакомьтесь: Жизель Эскариот. Золотая медаль за скрэббл и шоколадная – за терпение.

– «Монализить», – объявляет Мадлена.

– «Монализить»? – раздраженно переспрашивает Жизель.

– Ну да, это когда ты улыбаешься, но не улыбаешься.

Потеряв терпение, Жизель наклоняется к Джулии:

– Познакомьтесь, бабуля с приветом! Берегитесь, вас тоже это ждет.

«Как мне нравится эта старушка, – думает Джулия. – Она же в совершенно здоровом уме, что она здесь делает?»

– Жизель, поберегите себя, – говорит Мадлена. – В вашем возрасте нужно быть осторожнее.

– Конечно, – закатывает глаза Жизель, – вы у нас медсестра, а я – английская королева.

Джулия не может сдержать смех. На сцене эта парочка произвела бы фурор.

– Обещают снег, – повторяет Мадлена, пристально глядя в окно.

Старушки продолжают свой диалог глухих. Входят Пьеро и Фернан в красных шапочках, бодрые и веселые. За ними неохотно плетется пес, которого они пытаются дрессировать. Вооружившись инжирным печеньем «Фиголью», друзья стараются научить пса команде

«умри», но ничего не получается. Все напрасно, пес с недоумением таращится на них круглыми глазами.

Джулии не терпится увидеть бабушку. Она достает из сумки дневник. Из него выпадает черно-белая фотография девочек – примерно пяти и десяти лет. Обе темноволосые, но разительно непохожие. У старшей улыбка Жанины, короткие волосы и хитрый взгляд. Рядом с ней стоит крошечная худышка в платье, которое ей слишком велико. С решительным видом она смотрит в объектив снизу вверх. Тонкие волосы спадают на глаза, в руках она держит крольчонка.

1938 год, мне девять лет. Отец непрерывно читает новости в газете Le Petit Journal. Он напряжен – чувствует, что будет война. Большая война доберется и до нашего родного Юга, где, как мы думали, нам не угрожают ни люди, ни голод и смерть.

Конец весны, на улице тепло. Мы только что пообедали. По всей деревне из кухонных раковин раздается звон посуды, затем из-за закрытых ставен слышится послеобеденный храп.

Мама готовит ужин и просит принести ей несколько лавровых листочков. Я легко взбегаю наверх, к зарослям кустарника. На мне брючки на пуговицах и кожаные сандалии. Мне нравится жужжание насекомых и запах розмарина, чьи веточки я собираю в передник. В оливковых деревьях громко трещат цикады.

*И вдруг я замечая крольчонка, вот такусенького, чудесного маленького *laparèu*^[13], как их здесь называют. Светлая шерстка, очаровательные ушки торчком. Я медленно подбираюсь к нему. Он шевелит носом. В солнечном свете видны его усики. Ветер дует с другой стороны – он меня не слышит. Я быстро хватаю его за уши. Теплый комочек дрожит у меня в руках. Черные глазки испуганно смотрят. Я спешу к дому и думаю: «Где бы его спрятать, чтобы отец не отнял?»*

Добежав до деревни, вижу Люсьену. Мне уже пора возвращаться в школу после обеденного перерыва. Малышка играет с палкой возле прачечной. Я машу ей рукой и иду к обувному магазину. Отец дал мне три су, чтобы я купила себе эспадрильи для урока физкультуры. Из спортивных туфель я уже выросла. Но магазин закрыт.

Люсьена нерешительно подходит ко мне. Лицо у нее испачкано, свободной рукой я убираю ей волосы со лба и вытираю рот своим

носовым платком. Грязный комбинезон не закрывает ободранных коленок. Тощие ножки все в синяках. На голове – слишком большой берет, забытый у ее матери проезжим моряком. Малышка худая как щепка, мне больно на нее смотреть.

При виде пушистого комочка, спрятанного в моем переднике, ее глаза загораются. Я наклоняюсь к ней и говорю на ухо:

– Я ходила собирать чабрец и встретила в кустарнике фею.

У Люсьены глаза как плошки. Ей всего пять лет, а кажется, еще меньше. Я сдерживаю смех и с серьезным видом продолжаю:

– Она вручила мне этого кролика. Он волшебный, исполняет желания. Фея сказала, чтобы я отдала его человеку с чистым сердцем. Вот уж не знаю, кто бы это мог быть!

Малышка поднимает на меня умоляющие глаза. Она вообще почти не разговаривает.

Я заговорицки оглядываюсь по сторонам и тихо спрашиваю:

– Как думаешь, ты подходишь?

Она взволнованно кивает. Я хочу, чтобы она что-нибудь сказала. В деревне только я слышала ее голос.

– Чем ты будешь его кормить?

Люсьена нервно сглатывает, смотрит на меня своими глазами в пол-лица и испуганно пожимает плечами. Я разочарованно качаю головой. Она вот-вот расплачется, в ее маленькой головке бушует настоящая буря. Она борется с собой, старается изо всех сил и наконец тихо произносит:

– Морковкой.

Я рада, что она разговорилась, но одного слова мне мало.

– А какое желание ты ему загадаешь?

Люсьена смотрит на свои башмаки и что-то еле слышно бормочет. Я прошу ее повторить и наклоняюсь, чтобы лучше расслышать. Теплый ветер разносит по улочкам запах лаванды. Малышка сжимает кулаки и, не поднимая глаз, выдыхает:

– Я загадаю, чтобы ты меня никогда не бросила.

Я с улыбкой выпрямляюсь. Эта девочка дорога мне, как сестра, которой у меня никогда не будет.

– Держи! Он твой.

Не веря своим ушам, она берет зверька на руки. Милая, видела бы ты ее лицо в этот момент! Закрыв глаза, Люсьена прижимает

кролика к груди. Она уже любит его больше, чем когда-либо любили ее.

Часы на церковной башне отбивают время. Я опоздала в школу. Я делаю выразительные знаки мужчине, который бездельничает за витриной. Мне нужны тапочки, иначе учитель накажет! Но хозяин магазина прочно сидит в кресле, отмахиваясь от моей мольбы и улыбок, давая понять, чтобы я поскорей уходила.

Я сжимаю в кармане три су, которые мне дал отец. Во мне закипает злость. Недолго думая, я плюю в витрину! Хрупкая Люсьена, почти такая же маленькая, как кролик, которого она держит в руках, подходит к витрине и тоже плюет! Длинная струйка слюны долетает до ее дырявых ботинок. Люсьена несетя за мной по пятам. Ах! Сколько воспоминаний набито в моей старой голове... Кажется, на деревенских улицах до сих пор раздается наш смех.

Джулия откладывает дневник. Как же она раньше не подумала? Она надевает куртку. Есть человек, который точно знает о бабушке больше, чем она.

Машина снова катится по привычному маршруту. Деревенские улочки безлюдны. Небо хмурится, на лобовое стекло падает капля дождя. Джулия паркуется перед гостиницей. Сквозь ступеньки кое-где пробивается трава. Старая деревянная табличка гласит: «Комнаты – Полупансион – Пансион». На фронтоне вырезанные из камня цифры: «1874».

Джулия толкает дверь, увитую пожухлым плющом. В нос ударяет запах воска. Обстановка монашеская, везде образцовый порядок. Голые стены. Покрытый скатертью столик и часы с маятником, другой мебели в темном холле нет. На большой доске с номерами комнат висят пять старомодных увесистых ключей с деревянными шариками. Сразу видно, что сейчас не сезон.

За стойкой суется сгорбленная фигура. Люсьена. Невзирая на возраст, она по несколько часов в день трудится в гостинице. Из кухни доносится аромат жаркого с пряными травами.

Люсьена наверняка побольше расскажет о бабушке. Их встреча накануне длилась совсем недолго. Люсьена сказала, что это она нашла Жанину в саду. Знает ли она о дневнике? Что ей известно про тайны, о которых написано в письме? Джулия припоминает, какие фотографии стоят у бабушки на камине. Почему нет ни одной со свадьбы бабушки и дедушки? А Люсьена была на свадьбе? В голове роятся вопросы. Джулия надеется, что старая дева посоветует ей, как быть с дневником.

Почувствовав, что на нее смотрят, Люсьена поднимает голову и хмурит брови.

– А вот и ты объявилась.

Любезна, как обычно. Джулии всегда было не по себе в обществе бабушкиной подруги, она и сама не знала почему. Смутное предчувствие ревности, соперничества? Впрочем, это нелепо. Люсьена часто приходила к ним. Незаметная и молчаливая, она пекла пироги,

которые Джулия не решалась попробовать, такой мегерой казалась ей Люсьена.

– Здравствуй, Люсьена. Как дела?

– Нормально, – бурчит Люсьена, откладывая бумаги.

Взгляд у нее суровый, губы сжаты в тонкую линию. Она направляется к шкафу, достает ведро, швабру и тряпку. Видя, что она сейчас уйдет, Джулия берет ее за руку.

– Люсьена, это ненадолго, я хотела бы с тобой поговорить...

Та останавливается в нерешительности.

– Мне за болтовню не платят. О чем?

– Мы можем присесть?

Зорко взглянув на Джулию, Люсьена приглашает ее на кухню. Молча ставит две чашки на стол и кофейник на плиту. Достает из холодильника оливки, перекладывает в миску. Джулия смотрит в ее зеленые, почти желтые глаза.

– Когда она упала, мы испугались...

У Люсьены солнечный провансальский акцент. Она говорит тихо, фразы словно исчезают, не успев выйти изо рта. Вдруг Джулия чувствует, насколько та взволнованна. Люсьена встает, наливает кофе и снова садится на краешек стула. Джулия понимает, что времени мало.

– Я нашла в бабушкиной комнате дневник.

Люсьена напряглась.

– Пожалуйста, расскажи о ней и о дедушке. Есть ли что-то, что она, возможно, хотела бы нам... доверить перед тем, как...

– Ты прочла дневник?

Люсьена выплюнула этот вопрос как ядовитую слюну и сверлит Джулию своими желтыми глазами. Напряжение так велико, что его можно пощупать руками.

– Нет, нет, – бормочет Джулия. – Всего пару страниц. Он очень толстый, и... В общем, я не знаю, что там. Но, судя по письму, которое бабушка мне оставила, я подумала...

Она внезапно умолкает. Зачем она пришла? За благословением старухи, которая не имеет ни малейшего представления, о чем идет речь? А если Жанина никому ничего не сказала?

Джулия вежливо извиняется и собирается уходить, но Люсьена хватает ее за рукав.

– Некоторые вещи не стоит пересказывать. Вот они есть – где-то там, а вот их больше нет. Оно и к лучшему.

Джулия замечает, что Люсьена немного дрожит. Осторожно высвобождает руку, а Люсьена все так же пронзительно на нее смотрит. Джулия открывает рот, чтобы попроситься, как вдруг открывается дверь. Показывается мокрая куртка. Джулия узнает Антуана. Его пес яростно отряхивается, забрызгивая каплями плитку. Сердце Джулии пропускает удар.

– Черт тебя подери! – взрывается Люсьена. – На улице нельзя было отряхнуться?

У Антуана под мышкой корзинка. Он не сводит глаз с Джулии и улыбается.

– Надо признать, в этой деревеньке умеют встречать гостей.

А он что здесь делает?

– Антуан. Я фермер, живу выше на горе. Ты из Парижа?

– Да. Я здесь всего на несколько дней. Меня зовут Джулия.

Люсьена выносит из кухни накрытую фольгой тарелку и молча дает Антуану. Почуввав вкусный запах, пес начинает лаять. Джулия наклоняется его погладить, и он радостно виляет хвостом. Антуан протягивает старушке корзинку:

– Держи, Люсьена, здесь немного трюфелей и шафрана.

Он поворачивается к Джулии:

– Ты ведь внучка Жанины? Люсьена говорила о тебе.

Джулия поднимает на Антуана удивленные глаза. Люсьена стоит у него за спиной и смотрит в сторону. Джулия думает: «Неудивительно, что все девушки оказываются у него в постели, какая улыбка!» Этот деревенский Казанова волнует ее. Почему? Она предпочла бы этого не знать.

– Мне надо идти. Спасибо за кофе.

На улице льет как из ведра. Джулия бежит к машине, накрывшись курткой. Пока она ключом ковыряется в дверце, чья-то рука хватается ее за локоть.

– Держи! Потом расскажешь, как тебе.

Когда она понимает, что у нее в руках, Антуана рядом уже нет.

Список того, что я надеюсь забыть

Музыку из телевизионной рекламы.

Имя убийцы из «Тайны желтой комнаты»^[14].

Как выглядит клещ.

Запах брюквы.

Как считать деньги во франках.

Гимны маршалу Петену^[15], которые мы пели в школе.

Номера телефонов умерших людей.

Сколько мне лет.

Антуан выходил всего на пять минут, но Зербино встречает его так, словно он уезжал на год. Старый пес радостно крутится на месте, потом ложится калачиком на коврик возле батареи. Антуан снимает ботинки и усаживается за кухонный стол. Зербино провожает его взглядом, лениво приподняв морду.

Для пса походы к Люсьене одновременно мучение и праздник чувств. От долетающих с кухни ароматов свербит в носу и бежит слюна. Сильно же он любит своего хозяина, раз еще не бросил его ради такой кормушки!

– Эта девчонка! Mèfi^[16], – бурчит Люсьена.

Антуан берет отвертку и принимается чинить будильник.

– Да хватит брюзжать, что она тебе сделала...

Зербино закрывает глаза. Он слышит звук сминаемой бумаги, и дрема слетает с него. Нос-трюфель чует возможную поживу. Пес вскакивает, идет к Люсьене и кладет морду ей на колени. Ее платье пахнет пылью и отбеливателем.

– Она здесь объявилась, это не к добру, уж поверь.

– Прекрати, что на тебя нашло. Внучка Жанины...

Люсьена ворчит себе под нос и наливает Антуану рюмку анисовой настойки, подает соленое печенье. Антуан бросает его Зербино. «Наконец-то!» – думает пес, заглатывая печенье целиком. И с лаем выпрашивает еще. Запах оливок и прованских трав сводит его с ума.

– Просто держи ухо востро. А мы с тобой знаем, что молчание – золото, – заключает Люсьена, вытирая стол.

Антуан пожимает плечами. Зербино встает одновременно с хозяином, вздрогнув от скрежета, с которым тот отодвинул стул. Пес не любит дождь и с удовольствием остался бы ждать ужина. Но Антуан уже надевает куртку – запах перегноя и лаврового листа напоминает Зербино о его обязанностях. На прощание Люсьена гладит его по спине. Пес чувствует – ее что-то тревожит.

Моя стрекозка!

Вчера я тебе не писала, не могу вспомнить, чем я была занята. В календаре на этот счет никаких заметок. Поэтому сегодня утром я приклеила на зеркало в ванной листок: «Сделать запись в дневнике».

Ты знаешь, порой вечера такие длинные. Вчера – это я хорошо помню – по телевизору показывали танцевальный конкурс. Называется «Танцы со звездами», слышала о таком? Потрясающая передача! Если честно, звезд я не знала – наверное, я слишком стара. Но видела бы ты, моя милая, как они танцуют! Некоторые очень даже изящные, например юноша, которого вчера показывали. Правильные черты, вылитый греческий бог – темноволосый, высокий – настоящий красавец. Но как начнет танцевать... Беда, не знает, куда девать ноги. Ох, вспомню – и смех разбирает! Этот недотепа напоминает мне твоего дедушку. Я его очень любила – но только не когда он вальсировал! Уж и не припомню, когда видела его не в кресле, так часто он сиживал после обеда на кухне и читал, покуривая трубку. Он любил поэзию и иногда писал мне стихи.

Во вчерашней передаче была одна молодая блондиночка, она мне напомнила тебя. Красивая девчонка, с такими длинными ногами, что казалось, достанет ими до неба.

Уже забыла, к чему это я. Дырявая голова! Прости, милая Лили, если я путаюсь: я теряюсь в своих заметках и не помню, писала ли о том, как декламировала басню Лафонтена «Кот, ласточка и кролик». Ты ее знаешь, мы с тобой в детстве учили. «Случилось кролику от дома отлучиться...» Ах да, я говорила о танцах, теперь вспомнила.

Мой отец был ужасно строг, но временами проявлял удивительное терпение. Это он научил меня танцевать. И конечно, я должна была быть лучше всех. Он был выдающимся партнером – сплошное изящество и точность. Его добродушие было заразительно, и он любил устраивать в деревне танцы. Мне было восемь, когда он научил меня вальсировать. Раз-два-три, раз-два-три! Ах, милая, видела бы ты, какой гордостью светились его глаза, когда мы с ним открывали танцевальный вечер!

Когда Джулия снова подъехала к дому престарелых, Феликс и Жанина как раз собирались на прогулку.

Феликс укрывает хрупкие плечи Жанины жилеткой и пудрит старушке щеки розовой пудрой. Жанина послушна как ребенок и, кажется, растерянна. У Джулии сжимается сердце.

– А, ты как раз вовремя! – заметив ее, радуется Феликс. – Мы отправляемся в путешествие. Жанина, как думаете, успеем в Севилью до темноты?

Жанина улыбается, но ее мысли витают где-то далеко. Джулия замечает, как бабушка похудела. Куда делась ее уютная полнота...

– Джулия, не забудь паспорт! Надеюсь, тебе понравится Андалусия.

– Андалусия?

– Идем!

Он надевает фетровую шляпу и снимает кресло-каталку с тормоза. В лифте многоцветный календарь напоминает, как насыщен день у обитателей этого дома. После обеда оркестр, дегустация меда и даже общение с животными. Да, дом престарелых под названием «Бастида у смоковницы» временами напоминает бродячий цирк...

Двери лифта открываются. При виде стариков, собравшихся перед телевизором, Жанина восклицает:

– Вот тебе на! Сколько сегодня народу в холле!

Потом замечает директора, который разговаривает с санитаркой, притягивает к себе Джулию и шепчет ей на ухо:

– Видишь того типа в костюме, который трещит без умолку? Это директор. И у него, скажу я тебе, на заднице мозоль!

Джулия громко хохочет. Давненько она не слыхала такого. А как еще описать лентяя, который так много отдыхает, что на сиденье появляется мозоль? Директор не подозревает, что Джулия смеется над ним. Он улыбается ей, приятно удивленный, что видит молодое лицо. Феликс подмигивает Джулии, набирая код у входной двери.

Все трое направляются в сад. Феликс укутывает ноги Жанины пледом. Распогодилось, но воздух прохладный. Мокрая трава блестит

под осенним солнцем. В движениях Феликса столько нежности. Джулия чувствует благодарность к Тому, Кто наверху, за то, что он послал им этого ангела-хранителя.

Во внутреннем дворике, в затишье ирисы принимают солнечные ванны.

– Твой отец вчера заходил подрезать шиповник, – сообщает Жанина. – Я блинчиков напекла, как он любит.

Вдруг ее лицо мрачнеет. Она взволнованно берет внучку за руку.

– Что мы будем есть на ужин? Нужно сходить за покупками! Боже, который час?

В разговор вступает Феликс:

– За покупками ходим попозже, не беспокойтесь, еще рано.

У Джулии щемит сердце. Бабушка больше никогда ни для кого не будет готовить. Когда же Джулия в последний раз видела, как Жанина подбрасывает на сковородке блинчики и складывает их горкой – эти солнышки хорошего настроения? Смех от души, абрикосовое варенье, подбородок в сахаре. Знай она, что это последние блинчики, приготовленные для нее бабушкой, были бы они вкусней? Жанина так плоха... Джулии хочется плакать. Что толку быть рядом с ней, если ее разум далеко?

У Жанины сегодня неудачный день, ее просто не узнать. Похоже, она затерялась в другом измерении. Словно догадываясь о переживаниях Джулии, Феликс исполняет па-де-де с креслом-каталкой. Держась за рукоятки, он подпрыгивает и бьет каблуками что твой Фред Астер^[17]. Потом танцует как настоящий тореро – подбородок вздернут, кулак сжат, рука вытянута. Изящно ставит ноги накрест. Вдохновенно играет воображаемым плащом. Поднимает с земли ветку, держит ее как микрофон и громко поет – под восхищенным взглядом Жанины. Перед ними – Жоржетт Плана^[18].

Вива, Испания!..

Жанина хлопает в ладоши. Феликс то щелкнет каблуками, то взмахнет воображаемым веером. Глядя на этот спектакль, достойный лучших кабаре, Джулия не может удержаться от смеха. Внезапно Жанина начинает подпевать слабым голоском:

На твоих несравненных берегах,

*Вива, Испания!
Подари мне райский уголок,*

Испания, прошу!

Джулия не знает слов. И удивляется, как хорошо бабушка поет. Жанина не сбивается с ритма, она танцует сидя в кресле, отбивая такт. Не пропускает ни одной строчки. Джулия изумленно смотрит на Феликса, а тот ей подмигивает. Допев до конца, Жанина изо всех сил аплодирует. Феликс и Джулия устраивают ей овацию, восхищаясь ее безупречной памятью.

Феликс предлагает пройтись вокруг фонтана. Он приглашает их в воображаемое путешествие, мягким голосом описывая андалусские дворцы, изящную мозаику, прохладные дворики и ветки флердоранжа. Кажется, Жанина наслаждается каждым мгновением. Они медленно прогуливаются под соснами. Джулия украдкой спрашивает Феликса:

– Как это может быть – то бредит, то помнит слова старой, всеми забытой песни?

– Тайны разума... – шепчет ей Феликс. – Я заметил: когда ее заносит не туда и она пугается – с ней такое бывает, – нужно ей подыграть. Пытаться ее вразумить бесполезно. А слова песен... Наверное, все мелодии спрятаны в потайном уголке нашего мозга, куда болезни не добраться... В любом случае Жанина будет прямой на вечеринке караоке!

Джулии не терпится снова услышать, как поет бабушка.

– Еще кружок?

Жанина радуется, увидев свою машину. Джулия боится, что бабушка попросится домой, но Феликс берет инициативу в свои руки:

– Жанина, как насчет мороженого? Эта невыносимая жара меня просто убивает. Если повезет, куплю порцию с нугой.

Жанина соглашается, хотя вряд ли понимает, о чем речь.

Не отрывая взгляда от дороги, Джулия любуется пейзажами своего детства. Дома с черепичными крышами. Поросшие мхом фонтаны и веревки с сохнувшим бельем. Дубы, олеандры, оливы. Они с бабушкой и Феликсом теснятся в маленькой машинке, и кажется, время над ними не властно. Простое счастье, которое надо ловить на лету и наслаждаться им сполна. Джулия думает о дневнике, о записанных там воспоминаниях. И о воспоминаниях, которые творятся сейчас.

Она включает радио. *Те, кто любят друг друга, / В глубоких глазах у них – рай...* [19] Жанина – глаза блестят из-под вязаной шляпки – радостно подпевает:

*Они рядом с жизнью шагают,
И время порою о них забывает,
Те, кто любят друг друга...*

У Джулии замирает сердце. При всей своей хрупкости и ненадежной памяти Жанина полностью поглощена пением. Отбивая такт, она поет всеми забытый медленный припев – о нежности.

Перебивка – и происходит чудо: диктор объявляет песню Фреэль. Джулия округляет глаза от удивления. Феликс, наблюдая за ней в зеркало заднего вида, понимает, что это неспроста. Девушка взглядом пытается передать, что ее накрыла лавина воспоминаний, стоило услышать меланхоличные строки:

*Как могла бы я жить,
Не будь тебя со мною?*

Список моих любимых ругательств

Индюк надутый!

Дудки!

Ешкин кот!

Толстопуз!

Балда!

Остолоп!

Старая карга!

Бирюк!

Отребье!

Двурушник!

Чурбан!

Чтоб тебя!

Потаскушка!

Сквалыга!

Бестолочь!

Образина!

Джулия оказывается в прошлом, двадцать пять лет тому назад.

Она одна в бабушкиной маленькой гостиной, ей всего пять или шесть лет. Она подходит к патефону, который ей не разрешают трогать, и поднимает крышку. Торопливо и с опаской заводит свою любимую пластинку. Ту, которую Жанина слушает каждый вечер перед сном. Летом она даже выносит чемоданчик с патефоном на террасу, и они слушают Фреэль, прижавшись друг к другу, под звездами. От этой песни бабушке почему-то становится грустно. А Джулия ее обожает. Ей кажется, что слова написаны специально для них.

Подражая бабушке, Джулия неловкими пальцами ставит иглу на край темного диска. Слышится голос Фреэль. Девочку изумляет и восхищает только что полученная свобода. Ошеломленная, она не сводит глаз с иглы, из-под которой льется голос с носовым прононсом.

*Как могла бы я жить,
Не будь тебя со мною?
Не смогла бы открыть,
Что зовется любовью...*

Увлекаемая фортепиано, Фреэль долго поет, наконец патефон начинает потрескивать и умолкает. Джулия продолжает сиять от счастья. Осмелев, она возвращает иголку на край пластинки – для нового путешествия. Вновь раздается жалобный голос Фреэль. Как загипнотизированная, Джулия смотрит на кружащийся диск.

Она слушает песню еще три или четыре раза. На пятый – певица начинает уставать. Хрипит, прерывается, не попадает в такт. Джулия заволновалась – что с пластинкой? Подходит к патефону, подбадривает его. Честное слово, только еще разочек.

И тут входит бабушка. Она вмиг понимает, какая трагедия произошла в ее отсутствие. Джулия не знала, что надо было сменить иглу. Жанина бросается к испорченной пластинке. Смотрит на исцарапанный диск, и ее глаза наполняются слезами. Она

не произносит ни слова. Вспоминая тот день, Джулия больше всего страдает из-за молчаливой боли Жанины. Бабушка убирает пластинку в конверт и прижимает к сердцу. Пластинке конец. Фреэль больше не запоет.

Ведя машину, Джулия краем глаза наблюдает за бабушкой.

Услышав первые ноты, Жанина выпрямляется, широко раскрывает глаза. Джулия могла бы поклясться, что бабушкино сердце бьется чаще. Она сжимает руль так сильно, что костяшки белеют, и молча смотрит на дорогу.

В зеркале заднего вида Джулия встречается взглядом с Феликсом. Он даже не представляет, какая драма разыгрывается в этот момент. Жанина потихоньку подпевает. Без прежнего задора – это шепот, тихая жалоба, звучащая вдалеке. Ее мысли не здесь. Пока Фреэль поет своим хриплым голосом, сидящих в машине переполняют эмоции.

*В твоих нежных руках
Мое сердце смеется,
Не будь тебя со мною,
Как могла бы я жить?*

Время остановилось. Машина не едет, а парит среди облаков, покачиваясь в такт томной мелодии, которую выводит скрипка. Жанина подпевает вполголоса, словно про себя.

На последнем припеве Джулия чувствует комок в горле. Ей хотелось бы вернуть летние вечера под звездами, и чтобы бабушка вновь и вновь ставила эту пластинку, утопая в воспоминаниях. Джулия хотела бы поменять иглу патефона и переписать историю. И не лишать бабушку такого глубокого переживания.

Песня кончается. У Джулии блещут глаза. По морщинистой бабушкиной щеке бежит слеза. Жанина берет внучку за руку, вглядывается в ее лицо. Это тот самый взгляд, которым бабушка смотрела на нее до болезни.

– Дорогая моя, эту песню подарил мне тот, кто был любовью всей моей жизни.

Измученная Джулия пытается на лету поймать бабушкины воспоминания.

– Ты о ком, о дедушке?

Джулия знает, что Жанина говорит не о бабушке. Знает и всегда знала, хотя и не могла объяснить. Но разум покидает Жанину. Снова этот отстраненный взгляд. Она качает головой и с грустным видом заключает:

– Так печально, милая моя...

Мне скоро девяносто, и в одном я уверена – ничто в этой жизни не происходит случайно.

Поверь, моя милая, что-то или кто-то разбрасывает на нашем пути встречи и испытания, которые при ближайшем рассмотрении обретают совсем другой смысл. Надо только надеть правильные очки и набраться терпения. Невзирая на все печали и горести моей жизни, я неисправимая оптимистка. Нет худа без добра.

Помни об этом, моя дорогая, когда будешь читать этот дневник. Следи за знаками.

В день, когда мне исполнилось восемь лет, маму положили в парижский госпиталь Валь-де-Грас. У нее были больные почки. На несколько недель я осталась с отцом. Я боялась за свою горячо любимую маму, но врачи уверяли, что все будет хорошо.

С отцом жилось совсем не весело. Мама поручила соседкам готовить для нас еду. Каждый день в дверь звонит старая Жослина. Каждый день отец курит трубку в гостиной, читая газету. Восхищенная неизменной любезностью соседа, Жослина протягивает ему дымящуюся тарелку скрюченными от ревматизма руками.

За ней закрывается дверь, отец подходит к кухонному столу, за которым я делаю уроки. Грызая карандаш, я с трудом решаю заданные на дом примеры. Ох, математика, мой кошмар! Я могу прочесть наизусть все басни Лафонтена, но таблица умножения на семь... Боже, от одной мысли об умножении цифры начинают плясать в голове, это так же точно, как дважды два три!

Я скукаю по маме. Обычно она помогает мне делать уроки. Мы с ней смеемся – способностей к математике у мамы не больше, чем у меня. Но, помучившись, мы всегда получаем правильные ответы.

Сегодня все не так радужно: Жослина приготовила цикорий под сыром, а отец ненавидит цикорий.

– *Что ты там пишешь? Сядь ровно и дай сюда тетрадь, – говорит он глухим голосом.*

Я поддвигаю тетрадь в крупную клетку и опрокидываю чернильницу. Он скрипит зубами, пока я вытираю стол носовым платком. Смотрит на зачеркнутые примеры.

– Сколько будет шестью четыре?

Я нервно сглатываю и отвечаю.

– А семью восемь?

В голове – черная дыра. Мама всегда показывала мне знаками верные ответы. По затылку пробегает холодок. В ушах звенит. Я робко шепчу:

– Пятьдесят два?

Отец ударяет кулаком по столу. Я подпрыгиваю.

– Пятьдесят шесть! Семью восемь – пятьдесят шесть!

Он швыряет мне тетрадь. Я старательно вписываю ответ, почти касаясь носом бумаги.

За моей спиной отец возится в шкафу. Мама оставила ему записку с указаниями. Раз в неделю мне нужно давать таблетку от запора. Мой кишечник завязывается в узлы, которые могут распутать только нежные мамнины руки, а в ее отсутствие врач прописал лекарство.

Отец наливает в стакан воду и кладет на стол маленькую таблетку. Белую и круглую. От одной мысли, что ее надо проглотить, у меня сжимается горло.

– Выпей, и будем ужинать.

Я беру стакан и кладу таблетку на язык. Никогда не принимала таблеток и не знаю, как это. Делаю большой глоток. Потом второй. Таблетка ускользает за щеку. Отец теряет терпение: меня что, до ночи ждать? Еще глоток воды. Таблетка все там же. Я испуганно смотрю на отца и не замечаю, как мне прилетает оглушительная пощечина. На глазах выступают слезы. Я зову маму. Мой плач окончательно выводит отца из себя. Он хватает меня за щеки и засовывает пальцы в рот. Я задыхаюсь, кашляю, у него такие страшные черные глаза. Мне кажется, что стены сдвигаются, кухня съезживается. Я плачу все громче, пытаюсь хоть как-то проглотить таблетку. Ничего не выходит. От этой несправедливости во мне закипает гнев. Глухая ярость.

И тут кто-то звонит в дверь. Жослина забыла принести рис. Отец заносит руку, требуя немедленно проглотить таблетку, затем

идет открывать дверь. Я вскакиваю со стула и выплевываю таблетку в окно. Сердце бьется как бешеное.

В этот момент, одна на кухне, пропахшей запеченным цикорием, я понимаю, что непобедима. Отныне угрозы отца мне не страшны.

Люсьена резким движением отдергивает красную бархатную шторку. За решеткой профиль отца Мариуса. Между ними – большое распытие. Каждый четверг она – скорее по привычке, чем по необходимости – усаживается в исповедальне на неудобную скамейку, ею же утром начищенную.

– Благословите, святой отец, я согрешила.

– Благословляю тебя, Люсьена. Я слушаю, говори свободно, ибо Бог рядом с нами.

В голове Люсьены проносятся несколько мыслей, но ни одна не сходит с ее губ. Она не доверяет никому. И каждый четверг начинает юлить.

– Исповедуюсь, что заметила ущерб, который нанесли нашей святой церкви. Мадам Лацци в воскресенье снова поставила две свечки, не сделав пожертвование Господу.

Люсьена усердно выполняет обязанности ризничей, чаще, чем нужно, обходит прихожан с кружкой и внимательно следит, кто сколько положил. Собирая пожертвования, она задерживается перед самыми прижимистыми, сверля их тяжелым многозначительным взглядом.

– Люсьена, я тебя понял, – отвечает священник, привыкший к этим духовным блужданиям. – Но мы здесь для испытания твоей совести, а не совести твоих ближних.

Люсьена стискивает зубы. Каждый четверг ее воображение подвергается трудному испытанию: надо что-то рассказать отцу Мариусу, который к тому же туговат на ухо.

– Пока не забыла, отец мой, не пора ли нам найти нового органиста? Мадам Фурнейрон, конечно, верное чадло нашей церкви, но, *peuchère*^[20], слух у нее не такой уж...

– Люсьена, – глухо произносит кюре, – говори, что у тебя на сердце.

Из-за шторы доносится кашель. Это, конечно, Мирей, которой не терпится исповедаться.

– Согрешила чревоугодием, – наконец бросает Люсьена.

Следует краткий диалог о сладком хворосте и безрассудстве чувств. Священник приглашает ее искренне исповедать грехи в таинстве покаяния. Люсьена сдерживает зевок и, пока отец Мариус отпускает ее прегрешения, думает о делах, которые нужно сегодня переделать в гостинице. Она крестится, бормоча молитву. Сегодняшняя исповедь ничем не отличается от других. Ничем – если бы не легкая дрожь во всем теле. И когда ее губы прошептали: «Аминь», перед глазами неожиданно возникло лицо Жанины.

К их возвращению холл опустел. Феликс ведет Жанину в спальню, готовится ко сну. По дороге они поужинали в ресторане. Жанина очень устала, ей пора спать.

Постояльцы уже разошлись по своим комнатам, на первом этаже темно, и только возле одного кресла что-то светится. Джулия с удивлением обнаруживает Жизель, уткнувшуюся носом в ноутбук. Эта пожилая дама не перестает ее удивлять. Джулия разглядывает ее тщательно уложенные волосы, подобранную в тон наряда помаду, накрашенные ногти. Почувствовав, что на нее смотрят, Жизель вздрагивает, вскрикивает и поспешно закрывает ноутбук:

– Господи, как вы меня напугали!

– Простите...

Жизель проводит ладонью по лбу, вся во власти эмоций. Она встает и, с ноутбуком под мышкой, приглашает Джулию следовать за ней. Как ни в чем не бывало заходит за стойку, открывает дверь директорского кабинета и тут же возвращается с упаковкой слабительного. «Клептоманка, этого еще не хватало», – думает Джулия. Все ли у нее в порядке с головой? Вскоре они уже сидят во внутреннем дворике. В маленьком курятнике тихо, его обитательницы давно спят.

– Бог ты мой, а ведь холодает! Уже чувствуется зима. Мадлена права – скоро может пойти снег.

Она запахивает шерстяную кофту на груди и натягивает на уши вязаную шапочку чудесного лилового цвета. Щелчком достает спрятанную в коробочке из-под слабительного тоненькую сигарку и протягивает Джулии:

– Хотите? Это директорские. Блюститель нравственности ничего не скажет – вообще-то курить здесь никому нельзя.

«Не такая уж она и сумасшедшая», – с облегчением думает Джулия.

Жизель с удовольствием затягивается. В вечернем воздухе разливается умиротворяющий аромат. Они сидят рядом, глядя, как светлое небо уходит на покой.

– Синелетовое, – умиляется Жизель.

Джулия смотрит на нее, не понимая.

– Мадлена говорит, что в этот час небо становится синелетовым. Это такой синий, который переходит в фиолетовый и поглощает земной шар.

Джулия улыбается, представив, как вязальщица, словно трудолюбивая пчелка, собирает мед поэтических перлов. Воцаряется умиротворяющая тишина. Жизель наслаждается этой сценой, уверенная, что девушка считает ее чокнутой.

– Знаете, я ведь здесь не совсем по своей воле, – говорит она между двумя колечками дыма.

Кончик сигарки ритмично загорается в темноте.

– А все Селестен, мой сожитель. У него голова отказала внезапно, я ничего прежде не замечала. И меньше чем за год он совершенно спекся. Сперва я думала, он шутит, когда спрашивает, как меня зовут. У нас была такая игра: он делал вид, что забыл, как меня зовут, и придумывал всякие имена, как будто это не я. Просто... Селестен очень любил женщин.

Она грустно улыбается.

– Потом я поняла, что он не шутит.

Джулия украдкой бросает на нее взгляд. Волевой профиль Жизель вырисовывается на фоне темного неба.

– Как-то ночью я нашла его в саду в одних трусах, он искал ключи от машины. Это было почти забавно, до тех пор пока он не воскликнул: «Жизель, да что это со мной?» Не могу забыть тот ужас в его глазах.

Обе молчат. Вот люди прикладывают огромные усилия, чтобы жить дольше, думает Джулия. Но к чему мы придем? Будем хранить воспоминания в «облаке», как уже храним фотографии?

– Мы познакомились три года тому назад. Любовь с первого взгляда во время партии в покер! Я сорвала джекпот: Селестен был еще красив для своего возраста, да и все остальное в порядке, если вы понимаете, о чем я. Поверьте, не каждому так везет!

Она поворачивается к Джулии:

– Надеюсь, вас не смущает, что я об этом говорю? Считается, что «любви все возрасты покорны» и «у счастья нет морщин», по крайней

мере, я так думала, пока не приехала сюда. Похоже, мой путь почти завершен...

– Как же вы здесь оказались?

– Дочери Селестена хотели отправить его в богадельню – скупердяйки, каких свет не видывал! Селестен был щедрый, но без гроша. И я не хотела оставлять его одного. Господь не дал мне детей, кошки были, а дети – никогда. Бойкости не хватило, а может, все никак не могла нагуляться. Но что теперь об этом рассуждать – все есть как есть. У меня нет детей, я свободна как ветер. Мы нашли этот дом престарелых в Провансе, приехали сюда как на каникулы. Я себе говорила, что здесь мне помогут за ним ухаживать. На последние сбережения я оплатила здесь комнату и всю нашу жизнь сложила в один чемодан. А через три недели Селестен приказал долго жить, бросив меня тут одну, как дуру. Поймите меня правильно, он не виноват. Я думаю, такие люди настолько ничего не помнят, что однажды просто забывают, как дышать.

Джулия берет ее за руку.

– Когда он умер, мне было очень плохо, и Элиана настояла, чтобы я немного пожила здесь, пока не приду в себя. Она сказала, всегда ведь можно что-то придумать, тем более что мы с Селестеном жили в одной комнате. Элиана, добрая душа! Возиться со стариками – это не жизнь... Но я не жалуясь, здесь можно играть в скрэббл и кормят неплохо. Скрэббл – мой конек. А если крыша поедет, я уже в нужном месте...

Вдруг она встает со словами:

– Ну и холодрыга!

Джулия следует за ней в темный холл. Они проходят мимо маленькой гостиной. Жизель, улыбаясь, показывает на доску для скрэббла. Джулия читает: «Впаньолиться» – и вопросительно поднимает брови.

– «Влюбиться в Прованс» или что-то в этом роде, – шепчет Жизель, закатывая глаза. – От фамилии Паньоль...^[21] Я из Лиможа, но мне кажется, я все-таки «впаньолилась».

Они тихонько смеются, поднимаясь на лифте. Двери открываются на втором этаже.

– Вам сюда, а мне – к кошатникам... Один этаж – для собачников, другой – для кошатников. Такие предпочтения многое говорят

о человеке.

Джулия желает ей спокойной ночи и успеваает спросить, пока не закроются двери:

– Можно взглянуть на вашу шапочку?

Жизель протягивает ей лиловую шапочку. Джулия выворачивает ее наизнанку и достает бумажку, такую же, как накануне нашла в своей. Там написано: *Правильно понятая старость – возраст надежды.*

Джулия сидит в гостиной у панорамного окна. Наступила ночь, и в темноте ожили все ее тревоги. Она проверяет телефон – пропущенный звонок от редактора. Все внутри сжалось. Ей вдруг захотелось убежать далеко-далеко.

Из бабушкиной спальни доносится пение Феликса. Джулия улыбается, вспоминая чудесный день. И бабушкину музыкальную память, и выходки ее кавалера, готового рассмешить даму любой ценой. Феликс – из тех, что рождены для счастья других, зачастую забывая о самих себе.

Джулия достает из сумки дневник. Перед тем как его открыть, вспоминает бабушкины слова. *Любовь всей ее жизни*. О ком она говорила? Джулия его знает? Жанина познакомилась с ним до дедушки? Почему тогда не вышла за него замуж?

Джулия открывает дневник, исписанный мелким почерком. Ей не терпится, но все же она дает себе обещание читать по порядку, не спеша. Бабушка хочет рассказать о своем детстве. Она могла бы просто написать письмо, изложив все то, о чем никогда не решалась сказать. Значит, этот рассказ и эти воспоминания здесь не просто так. Жанина приглашает внучку пережить события, определившие ее судьбу. Что за встреча изменила ее жизнь?

– Ну и как его зовут?

Джулия вздрагивает и закрывает дневник. Она не слышала шагов.

– Как зовут того, кто тебе это дал? – спрашивает Феликс. В руках у него корзинка Антуана, которую тот утром передал Джулии.

Корзинка накрыта клетчатой салфеткой, под которую Джулия даже не успела заглянуть. Она тянется за ней, но Феликс со смехом отбегает.

– У мадам секреты...

– Отдай!

Джулия бежит за ним, но не может догнать. Феликс хохочет и заглядывает в корзинку. Его восхищенный взгляд и наполняющий гостиную запах говорят о многом. Феликс достает прекрасный черный трюфель и внимательно его разглядывает.

– Да он на тебя запал!

Джулия вырывает корзинку. Между баночкой домашнего соуса из каперсов и бутылкой розового вина Антуан положил записку с номером телефона. Она сминая бумажку и выбрасывает в мусорное ведро. Феликс с хитрым видом достает ее оттуда.

– Тебе не нужно, значит, никому не пригодится? Он хотя бы симпатичный?

– Да, если ты любишь грязные ногти и не слишком ревнив. Нужны объедки – пожалуйста, забирай, а я не хочу. Лучше быть одной, чем...

– Это ты так считаешь, дорогуша, – перебивает Феликс. – А я никогда не отказываюсь от компании. Вдвоем теплее, и ночь быстрее проходит...

Он хмурится.

– Ладно, давай сюда этот трюфель! – сдается Джулия.

Она отрезает несколько кусков хлеба и кладет на них ломтики трюфеля. Искушенный в гастрономии Феликс насыпает сверху несколько крупинок герандской соли^[22] и поливает оливковым маслом. Пока он откупоривает вино, Джулия уносит на террасу бутерброды и два больших пледа. Оба едят с аппетитом, и Феликс стонет от удовольствия.

– Ты пожалеешь, что выбросила его номер! – говорит он с набитым ртом.

– Перестань! – отвечает она, швыряя в него подушку. Он со смехом уворачивается.

Они молча наслаждаются мгновениями. В ветвях тихо шумит ветер. Джулия думает о бабушке, о ее болезненных отношениях с отцом. Обида, недостаток нежности – бабушка вспоминала об этом с неохотой. Но за горькими словами и недомолвками Джулия ясно видела трудную, неровную любовь между Жаниной и Жозефом.

– Бабушка иногда говорит о своем отце? – спрашивает она, глядя, как Феликс делает себе еще один бутерброд.

– Нет, а что?

Джулия не решается ответить.

– В ее спальне я нашла дневник. Там была записка, из которой явствует, что его должны прочесть после бабушкиной смерти, но... В общем, я прочла несколько страниц.

Феликс слушает, не перебивая.

– Не знаю, хорошая ли это идея, но ты сам сказал, что бабуля не в лучшей форме, и...

Она бормочет что-то невразумительное.

– Она его передала тебе, разве нет? А со здоровьем еще не все до конца ясно. Всего врачи не могут предвидеть. Кто знает, может, если ты прочтешь дневник, это поможет ее вернуть?

Об этом Джулия не подумала. Слова Феликса вызывают у нее неожиданный прилив оптимизма.

– Правда... – добавляет он, глядя в пол.

– Что?

– Будь готова прочесть неожиданные вещи. Не всякую правду приятно узнавать...

Джулия молча кивает. Правда требует мужества и от того, кто ее говорит, и от того, кому ее говорят. Изменят ли эти тайны ее представление о бабушке? Затем ее мысли обращаются к Люсьене. Та точно знает больше, чем захотела рассказать. Пытается защитить Жанину?

У Джулии звонит телефон. Она достает его из кармана и морщится. Боится нажать не ту кнопку, чтобы случайно не ответить на звонок. Феликс хохочет.

– Осторожно, а то загорится! Случайно, не поставщик трюфелей?

– Нет, хуже...

– Выкладывай.

Телефон умолк, и Джулия облегченно вздохнула.

– Это мой редактор. Я должна была сдать рукопись два месяца назад, но не могу написать ни слова.

Ее накрывает волна стыда.

– А почему ты ему не скажешь? Разве он не поймет?

Джулия кусает губы.

– Ты что, из таких, кто никогда не просит о помощи?

– Нет, я не из таких, – защищается она. – Просто у меня неудачный период. Не хочется из-за этой книги терять работу. Я уже десять лет пишу за других, и это – просто очередной заказ. Не знаю, почему не получается, не вижу никакой причины.

Звучит фальшиво. Лишь бы Феликс не заметил. Он подливает вина и высоко поднимает бокал:

– За свободу быть собой!

Джулия лениво кивает. От вина кружится голова.

– А почему ты не пишешь сама для себя?

– У меня в столе лежит рукопись, я периодически к ней возвращаюсь... Исторический роман, действие происходит в Средние века...

– Дай угадаю: про белокурую деву, которая заперта в башне и не разговаривает с деревенскими барышнями?

Какой у Феликса заразительный смех. Джулии наконец удается расслабиться. Оказывается, парижская жизнь душит ее гораздо сильнее, чем она думала. В тридцать три года живет как старая дева. А если она сделала неправильный выбор? И делала ли она вообще выбор? От этой мысли кружится голова. Она поспешно добавляет:

– Думай, что хочешь, но быть писателем-призраком увлекательно. Когда в центре внимания другие, это не так уж плохо.

– А я люблю быть в центре внимания. Обожаю сцену. Моя мечта – танцевать на Бродвее. Прыгать по воображаемым лужам в ослепительном свете софитов и петь песню из мюзикла *Singing in the Rain*. Айм си-и-ингин ин зэ рэйн, джаст си-и-ингин ин зэ рэйн! Уот э глориус филинг, айм хэппи эгейн!

Джулия заливается смехом, а Феликс не может остановиться.

– Мое любимое, «Король-лев», – объявляет он и встает.

Повернувшись к балкону, Феликс гордо вытягивает вперед подушку – это львенок – и запекает:

– Ма-а-а сэ уэ нья-а-а-а, мамами тибабба, сэ ти у...

– Поешь на всех языках, даже на зулусском, потрясающе! – весело кричит Джулия.

Феликс опускается в кресло. Его взгляд улетает за горизонт.

– Знаешь, Джулия, внимание делает тебя живым.

Слова Феликса проплывают по воздуху и на мгновение застывают рядом с Джулией. *Живым*.

– А что тебе мешает? – решается она спросить.

Лицо Феликса становится непроницаемым.

– Не люблю конкуренцию. На кастингах я совершенно теряюсь. Как будто кто-то мне шепчет: «Ты бездарь. У других все получается лучше. И что скажет мама? Ты не представляешь, во что ввязываешься».

Джулия хочет его подбодрить, но слова не находятся.

Задует холодный ветер. Феликс ежится и достает вязаную шапочку. Джулия отнимает ее.

– Я тебе кое-что покажу...

Она выворачивает шапочку наизнанку и достает бумажку.

– О, как печенье в китайском ресторане! – удивляется Феликс.

– Ты и не догадываешься, как близок к истине.

Улыбаясь одними глазами, она протягивает предназначенную ему фразу: *Будьте собой, остальные роли уже заняты.*

– Заставляет задуматься... – говорит она с загадочной улыбкой.

Феликс в восторге от записки. Он собирается что-то сказать, но телефон Джулии громко оповещает о полученном сообщении. Увидев на экране имя редактора, она норовит спрятать телефон подальше, но Феликс выхватывает его и читает вслух:

– Джулия, если у тебя что-то случилось, давай поговорим. Ты ставишь меня в неловкое положение. Надеюсь, твоей бабушке лучше. Целую.

Он затягивается сигаретой и добавляет:

– Надо же, как мило. Если ты не одумаешься, уволят-то его.

Джулия громко вздыхает и щиплет себя за нос. Она представляет огромный воздушный шар, который унесет ее далеко-далеко. Вдруг в полумраке раздается звук отправленного сообщения. Она вскакивает, словно от удара током.

– Феликс, только не говори, что ты ему ответил!

– Технически, это ты ему написала.

Джулия набрасывается на юношу и вырывает телефон. Прочитав сообщение, она мысленно падает в обморок:

Спасибо за корзинку для гурманов, после такой закуски хочется продолжения. Я пишу книгу о Провансе и была бы рада взять у тебя интервью. Целую, Джулия.

Список маленьких радостей жизни

Плести венок из ромашек.

Смотреть рождественскую пастораль [\[23\]](#).

Видеть, как на мою блузку садится божья коровка (бабочка тоже сойдет).

Найти сюрприз в рождественском пироге.

Танцевать фарандолу [\[24\]](#).

Найти в книге старый билет в кино (или двадцать франков в кармане).

Слушать Эрве Вилара [\[25\]](#).

Отщипнуть кусочек свежееиспеченной нутовой лепешки.

Улечься на свежие простыни.

Слушать, как поют сверчки летним вечером.

Подбрасывать блинчики на сковородке.

Хохотать до упаду с Люсьеной.

Прихлопнуть комара, который жужжит над ухом.

Когда Джулия добралась до постели, было уже поздно. Она слишком много выпила и много смеялась. Приятная компания – этот клоун Феликс. Никогда бы не подумала, что ей так понравится в доме престарелых. Ощущение, что она оказалась в правильном месте, успокаивает и в то же время удивляет. Ей всегда казалось, что она будто стоит особняком, непонятно от чего, может, и от себя самой. Как если бы она прикрыла свое сердце платком и наблюдала со стороны, как кто-то другой проживает ее жизнь.

Теперь, когда стесняться некого, Джулия рада, что Феликс отправил то сообщение. Она лежит в постели одна, немного пьяная, и представляет, что рядом с ней Антуан. Джулия прыскает от смеха и со вздохом отгоняет эти мысли. Книга о Провансе, ну конечно!

Чтобы обретенная легкость не пропадала зря, она берет ноутбук и решает написать три главы биографии, которые задолжала редактору. Одним махом. Она ставит таймер на телефоне. Ограничения подстегивают воображение.

Неловкие от алкоголя пальцы замерли на клавиатуре. Джулия закрывает глаза и вспоминает певца, у которого пару недель назад брала интервью. Стук клавиш заполняет комнату. Дело пошло. Фразы собираются в абзацы. Голоса в голове умолкли, на Джулию снизошло ослепительное вдохновение. Черные буквы с невероятной скоростью бегут вниз по странице. Зазвонил таймер – она написала шесть страниц и отправила редактору, сопроводив не в меру цветистыми извинениями.

Пока она чистила зубы и надевала пижаму, пришел ответ. Прочитав сообщение, Джулия мигом протрезвела. Редактор благодарит за присланный материал и сообщает, что передал тему другому автору. Сердце выпрыгивает из груди. Джулия решает позвонить, и он сразу берет трубку.

– Неужели ты вспомнила мой номер?

В этой иронии ни одной теплой нотки. Она что-то бормочет в свое оправдание, но он перебивает:

– Я пытался с тобой связаться. Шеф передал твой проект другому автору. Мы и так потеряли слишком много времени, извини.

Джулия думает о плате за квартиру и мысленно вlepляет ему оплеуху. А потом вспоминает Феликса, как он сказал, что надо быть собой, и бросает в трубку:

– У меня для тебя новый проект.

Редактору нужны подробности. Она импровизирует. Похоже, розовое вино еще бежит по венам.

– Я готовлю новую книгу. О Провансе.

– О... Провансе? – уточняет он без особого энтузиазма.

– Да, книгу о местных профессиях. С фотографиями. Завтра встречаюсь с одним специалистом по трюфелям.

Она что-то плетет о ландшафте, о целях, о возврате к корням, к природе. Редактор слушает и понемногу заинтересовывается. Проявив предусмотрительность, спрашивает, когда она пришлет несколько страниц.

– Первую часть – через пять дней.

Джулия в панике кладет трубку. Она сама не понимает, что произошло. И в то же время, к своей большой радости, чувствует невероятное облегчение. Во власти того же порыва она рвет билет на завтрашний поезд. *Когда одна дверь закрывается, открывается другая.*

Пять дней. Нужно, чтобы Антуан раскрыл ей свои секреты, и как можно скорее.

Джулия ворочается в постели, не может уснуть.

От нового проекта кровь перенасытилась адреналином. Лежа с широко открытыми глазами, она обдумывает книгу. Нужно интервью с кружевницей и еще, наверное, с фермером, который выращивает лаванду. Будет текст о том, как в разных уголках Прованса жили раньше и как живут сейчас. Дать цветные фотографии, чтобы показать колорит региона, где из любой точки вид как на открытке.

Идеи бурлят. Джулия зажигает свет и достает коробку из-под обуви, в которой Жанина хранит фотографии. Хорошо бы найти на них приметы традиционного уклада, рассмотреть детали одежды и обстановки, инструменты. На старых фотографиях задний план часто рассказывает не меньше, чем изображение на переднем плане.

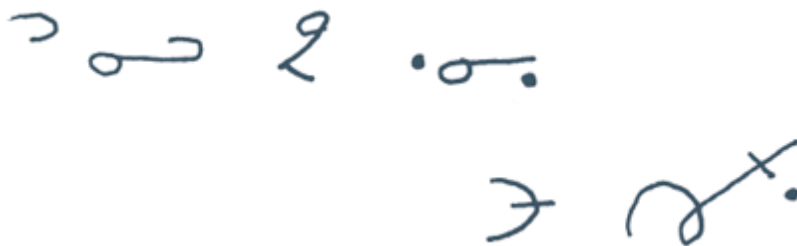
Лунный луч нежно ложится на пуховое одеяло. Джулия заворуженно разглядывает черно-белые снимки. Запряженная лошастью повозка на фоне поля подсолнухов, по немощеной дороге двое детей в коротких штанишках катят деревянную утку на колесиках. Джулия узнает маленькую площадь Сент-Амура с ее платанами.

На самом дне коробки лежит еще один снимок. Жанина и какой-то мужчина держатся за руки. На нем брюки с высокой талией и полосатый галстук, темные волосы напояжены бриолином. Он смеется и взглядом ласкает Жанину. Она идет рядом с ним, улыбаясь. Фотограф – наверняка уличный художник – поймал удачный момент. На Жанине юбка в клетку до колен, веревочные сандалии на танкетке, приталенный жакет, блузка застегнута доверху. Сколько ей лет? И что за незнакомый мужчина? Точно не дедушка.

В висках застучало. Она переворачивает фотографию и вздрагивает.

8 августа 1944 года.

Бабушке было пятнадцать лет. Под датой кое-что любопытное. Не чернильные кляксы, как ей показалось сначала, а скорее иероглифы, шесть маленьких символов и точки. Что это значит?

Нет, это не стершееся слово, похоже на стенографическую запись.

Джулия недоумевает. Сразу вспомнились бабушкины рассказы о детективных фильмах, которые та обожала. Джулия злится, что уже так поздно, и прикидывает, кто бы мог расшифровать для нее это загадочное послание. Сейчас никто не знает стенографии. Ее лицо озаряет улыбка. Среди ее новых знакомых не так уж мало восьмидесятилетних...

С колотящимся сердцем она в сотый раз разглядывает лицо мужчины, потом нехотя гасит свет.

Мне было десять лет, когда захватили Польшу. Для меня Польша – всего лишь слово, которое вписывают в графу «Страны», когда играют в столбики. Польша, полевка, перчатка, Петен, Париж, Польша.

У соседней в саду растет огромный инжир. Под его ветвями – невысокое сооружение, где мы прячемся во время воздушной тревоги: отец притащил сюда три шезлонга, матрас, одеяла, еду и одежду. За годы войны это убежище стало нам вторым домом. Не сосчитать, сколько часов мы там провели, в ожидании взрывов, сигналов тревоги и смерти. Недалеко от Сент-Амура была воздушная база, которую часто бомбили немцы и итальянцы. Услышав звон церковных колоколов, мы все бросали и неслись в убежище.

Сегодня по маминей просьбе я делаю мешочки с лавандой. Завыла сирена, а отца нет дома. Сердце быстро забило. Мешочки рассыпались по полу. Я ищу маму, но ее нигде нет. Соседи бегут друг к другу в убежище. Издалека доносятся крики.

Я мчусь через сад. Мамы нет. Она сегодня раньше вернулась из церкви, и я молюсь, чтобы она уже ждала меня у соседней. Задыхаясь, я сбегая со всех ног по лестнице в убежище. В полумраке сидит женщина, она прижимает к себе ребенка. Другая крестится,

прислушиваясь и глядя на потолок. Люсьена тоже здесь. Она мне улыбается (у нее выпал передний зуб). А мамы нигде нет.

Наш сосед уже закрывает дверь, торопит меня, я ему мешаю. «Где Генриетта? – в ужасе спрашиваю я. – Где моя мама?» Так и вижу его усы и взволнованное лицо: он преграждает мне дорогу. Славный человек был этот Марсель. Я решительно кусаю его за предплечье. Он вскрикивает, я проношу мимо него в сад, он пытается меня поймать, я убегаю. Небо голубое, но гул приближающихся самолетов разбивает в прах всю летнюю радость жизни.

Мчусь к дому во весь опор, и тут появляется мама. На ней лица нет от страха, она в одной туфле и рваном платье. Потом она мне объяснит, что упала, когда торопилась в укрытие. Я бросаюсь к ней, хватаю ее за руку. Мы бежим, не переводя дыхания. Марсель заталкивает маму внутрь. «Ну слава Богу», – говорит он. Но в цветнике остался кролик Жанно! Бегу к нему, только успела его схватить, как у меня за спиной раздается взрыв. Сердце чуть не выскочило из груди, я думала, что уже умерла! К счастью, Бог дал мне добежать до укрытия. Скатилась вниз по лестнице с кроликом под мышкой. Мама схватила меня в охапку и изо всех сил прижала к себе. А за ее спиной Люсьена роняла слезы на шерстку Жанно.

Уже почти полдень, когда в дверях «Бастиды у смоковницы» появляется Джулия. На ней джинсы и бабушкин сиреневый свитер, в руках фотография с загадочным посланием, и ей не терпится узнать, что оно значит.

Постояльцы обедают. Из столовой доносится смех. Джулия ищет глазами Жизель, но находит Элиану. Медсестра везет тележку, на которой балансируют тарелки со свининой в горчичном соусе. Пьеро и Фернан сидят рядом с Мадленой и Жизель – все четверо, конечно же, в вязаных шапочках. Два товарища, похоже, отлично проводят время – шум стоит, хоть святых выноси.

– Что происходит? – интересуется Джулия у Элианы.

Она показывает на тарелку Мадлены, которую та внимательно разглядывает. Джулия смотрит и ничего не понимает. Белая скатерть, меню, ваза с искусственными цветами, дощечка с именами постояльцев и цветными кружочками. Розовые – для тех, кому подают вино, синие – для тех, кому следует ограничиться водой. У Пьеро и Фернана – синие. Джулия по-прежнему не понимает, что тут такого смешного, как вдруг тарелка Мадлены приподнимается будто сама собой. Широко открытыми глазами старушка обводит соседей по столу.

– Ну что, теперь видели? – спрашивает она с певучим провансальским акцентом.

Пьеро и Фернан старательно смотрят в сторону. Жизель еле сдерживает смех.

– О чем ты, Мадлена, в конце концов? – Пьеро делает вид, что раздражен.

– Тарелка делает мне знаки! Ну, или эта свинья, если она еще жива!

– Что она говорит? – кричит Фернан, прикладывая ладонь к уху.

– Говорит, свинья прыгает у нее в тарелке! – давясь от смеха, отвечает Пьеро.

Фернан прыскает в салфетку, его плечи трясутся от смеха. Глядя на них, Джулия тоже готова рассмеяться. Тарелка Мадлены снова

подпрыгивает. Миниатюрная старушка в ужасе взмахивает руками.

– Вот! Вот! Смотрите! Вы что – слепые? Она же так и скачет! Я ухожу, под столом дьявол!

Она крестится и отодвигает стул, а Пьеро, Фернан и Жизель захлебываются от смеха.

– Прекратите ржать как кони! Это не смешно! – негодует Мадлена.

Она поднимает тарелку – на безупречно белой скатерти ничего нет. Элиана ставит на стол хлебную корзинку, кусая губы, чтобы не засмеяться.

– Бедняжка Мадлена, – шепчет она на ухо Джулии. – Они ее совсем довели! Пьеро и Фернан почему-то решили, что сегодня 1 апреля, и не унимаются с самого утра. Сначала повесили над входом гирлянду из трусов, потом бросили петарду в клетку с курами. Директор пытался их унять, но с этой парочкой никакого сладу нет.

– А тарелка? – растерянно спрашивает Джулия.

– Розыгрыш такой же старый, как они сами. Пьеро подложил под скатерть маленький насос и управляет им, сидя на стуле, качает грушу, и воздух приподнимает тарелку. Над вами так не шутили, когда вы были маленькой pitchoune?^[26]

Джулия мотает головой.

– Тогда вам повезло, у нас тут уникальный экземпляр: Пьеро раньше держал магазин розыгрышей. Наши испытания не закончились, уж поверьте!

Трое друзей уже плачут от смеха, не в силах вымолвить ни слова. «Теперь до ночи будут хохотать», – думает Джулия. Не хочется портить им праздник, но она умирает от нетерпения.

– Простите, что отвлекаю, я хотела вам кое-что показать.

И демонстрирует фотографию Жанины с прекрасным незнакомцем, потом переворачивает карточку.

– Вы знаете стенографию?

Мадлена надевает очки и молча разглядывает снимок. Жизель и Элиана, как и двое приятелей, отрицательно мотают головой.

– По правде говоря, ничего не могу сказать, простите. Мне не удалось получить образование, – смущенно признается Мадлена.

Жизель вынимает из кармашка Элианы ручку и переписывает знаки на бумажку. Вдруг в холле появляется Люсьена. Пальто переброшено через руку, она идет от Жанины. Они с Джулией

встречаются взглядами. Поколебавшись, Люсьена подходит к ним с хмурым видом. Сама не зная почему, Джулия прячет фотографию за спиной.

– А вот, может быть, Люсьена нам поможет, – говорит Жизель.

Джулия пытается сменить тему, но уже поздно.

– Чем помочь? – неприветливо спрашивает Люсьена.

– Расшифровать подпись. Дайте ей взглянуть! – говорит заинтригованная Жизель.

Скрепя сердце Джулия протягивает снимок Люсьене. Та переворачивает его и бледнеет.

– Ну? – нетерпеливо спрашивает Жизель. – Вы понимаете, что там написано?

Люсьена пристально смотрит на Джулию.

– Может быть, и понимаю, – бурчит она и выходит в сад.

Джулия идет за ней.

Люсьена прижимает к себе сумочку и виновато улыбается. Джулия смущена. Она не помнит, чтобы Люсьена улыбалась.

– Мне кое-что напомнила эта фотография.

– Ты знаешь этого мужчину?

– Еще бы мне его не знать!

Джулия садится рядом с ней на скамейку. Люсьена закрывает глаза и некоторое время молчит. Наконец она произносит:

– Не знаю, говорила ли тебе Жанина... Но, пожалуй, время пришло.

Джулия задерживает дыхание. Сердце бьется быстрее. Ей немного страшно, непонятно почему. Люсьена открывает глаза и напряженно смотрит на нее.

– Много ты уже прочла? Покажи мне дневник.

– Он у меня в сумке, – бормочет Джулия. – Зато с собой фотография, вот она.

Люсьена берет снимок своими узловатыми пальцами и переворачивает его. Гладит значки и глухим голосом читает:

– «С Полем в Сен-Мандрье». Это после войны. Господи, какие же они были красивые, молодые...

Люсьена крестится.

– Поль? Кто это, Поль?

Люсьена порывисто вздыхает.

– Кузен Жанины. Она к нему относилась как к брату. Видишь, как они похожи?

Джулия изучает снимок. Может быть, формой рта?

– Они были неразлучны. Поля сбила машина. Жанина так и не оправилась от этой потери.

Джулия смотрит на фотографию с удивлением.

– И что, между ними... Я имею в виду...

Люсьена выпрямляется, широко открыв испуганные глаза.

– Да никогда в жизни! Это же был ее двоюродный брат, *peuchère!*

[27] Твоя бабушка очень порядочная женщина, и твой дедушка был

любовью всей ее жизни. Он был единственным.

Джулия с улыбкой кивает.

– Мы с Жаниной всегда были не разлей вода, – продолжает Люсьена. – И я знаю, что есть вещи, о которых ей не хотелось бы говорить. Например, о Поле. Дневник она начала вести весной. Я подумала: «Vé^[28], Жанина заделалась писательницей». И поддразнивала ее, так, для смеха. Тогда-то у нее крыша и поехала. Такая беда! Как-то захожу к ней, она стоит в халате посреди кухни, молоко убегает из кастрюльки, а она не знает, что делать. Я говорю: «Жанина, милая, что ты творишь?» Она не ответила, но я поняла, что у нее с головой не все в порядке. Я сделала вид, что ничего не заметила, и не стала об этом говорить доктору Пелажио. Дома куда лучше, чем в больнице для умалишенных, поверь мне. Крыша едет – все, пропал человек. В последние недели она становилась все хуже и хуже, бедная Жанина. Té^[29], сдается мне, в этом дневнике полным-полно всяких глупостей, память-то ее давно отчалила...

Джулия взволнованно хватается за руку Люсьены.

– Пожалуйста, расскажи о ее молодости. Феликс говорит, что воспоминания могут вернуть ей разум.

– Конечно, можно поговорить. У нас было столько хороших моментов! Я каждый день прихожу к моей Жанине. Она очень мужественная женщина. Честное слово, я тебе таких историй про нее могу рассказать!

Она протирает глаза и, взглянув на полуденное солнце, добавляет:

– Меня ждут в гостинице. Поговорим как-нибудь в другой раз. Можно я возьму? – Не дожидаясь ответа, Люсьена кладет фотографию в карман фартука и уходит, едва махнув рукой на прощание.

Моя Лили!

Я нашла в своих вещах продуктовые карточки. Сейчас кажется, что они похожи на марки. Помню день, когда запретили сладости, а потом маршал Петен объявил, что на каждого новорожденного положено по два килограмма драже. Видела бы ты, как я выпрашивала у мамы сестренку!

Мне тринадцать лет, и покупками занимаюсь я. Не хватает всего, а то немногое, что у нас есть, могут конфисковать. Как мой обруч, который забрали немцы, чтобы сделать вешалки. А я и сказать ничего не могла! Мы слишком напуганы, ходим мимо них по стеночке.

И постоянно хочется есть. В дождливую погоду вся деревня выходит собирать улиток. Иногда приходится их есть три дня подряд!

Рано утром я иду занимать место в очереди. На площади встречаю подружек, мы болтаем, старушки вяжут, нам иногда перепадает четыре-пять франков за место в очереди за других. Мама пускает в ход все свое воображение, чтобы разнообразить наше меню. То майонез без яиц, то кофе без кофе... Иногда с фермы присылают мясо, яйца, овощи или муку. Мы делаем вид, что это посылки от любящих родственников, но немцы не зевают.

Зима, цветет мимоза. Я иду в мэрию за карточками, и в животе у меня урчит. Карточки требуют строгого учета, тем более нельзя их терять. У мамы есть толстый кошелек, и я туда складываю все цветные бумажки: карточки на одежду, табак, семена, вино, на школьные товары, была даже карточка на купальный костюм! Милая моя, нетрудно догадаться, что я берегла их как зеницу ока.

По дороге домой я встретила Люсьену. Бедняжке девять лет, но ей с трудом дашь семь. Она выживает благодаря щедрости соседей. Ее мать болеет, и малышка находит себе пропитание как может.

Люсьена, как обычно, гуляет с Жанно под мышкой. Он в ошейнике, который хозяйка ему смастерила из синей ленточки. Кролик ужасно милый, и Люсьена никогда с ним не расстается, даже в школе, боится, как бы не отняли. Кладет его в портфель и насыпает туда немного травы. Об этом знаю только я.

Сидя рядышком в переулке, мы разговариваем о войне, о мальчишках, которые дергают ее за волосы, и играем в кости. Я даю ей свой самокат. А сама сижу с закрытыми глазами, прижав к груди кролика, и слушаю, как самокат стучит по брусчатке. Просыпаюсь от глухого звука – мамин кошелек выпал у меня из передника. Жанно прыгивает с моих коленей, шевелит носом. Земля подо мной усыпана цветными конфетти. Со сна я не отдаю себе отчет в размере трагедии: пока я спала, Жанно сгрыз половину карточек. Теперь мы сможем купить только немного хлеба и молока. Я рыдаю, но горю уже не поможешь.

Вечером я стою перед отцом, глядя в пол. Не смею посмотреть ему в глаза и пытаюсь найти какое-то оправдание. Он спрашивает:

«Что это за животное?» Следы от зубов на карточках говорят сами за себя. Я что-то мямлю, отец злится и требует говорить громче.

– Это Люсьена виновата. Ее кролик все сгрыз.

Отец выслушивает меня молча. Кладет свою трубку на стол и выходит из комнаты. С улицы доносится крик, я узнаю голосок Люсьены, она рыдает взхлеб. Отец вернулся в дом, из кухни раздался глухой звук. С того дня мне в горло не лезет рагу из крольчатины.

Джулия, Феликс и Жанина идут по главной аллее маленького сент-амурского кладбища.

Небо серое, но на улице тепло. После Дня Всех Святых на кладбище осталось несколько увядших букетов^[30]. Прогулка приятная, а вид на долину просто потрясающий. Джулия и Феликс читают эпитафии, восторгаясь своими находками.

– «Подумай обо мне и улыбнись». Красиво, правда? – говорит Джулия.

– А это, – хихикает Феликс. – «Моему мужу, умершему через год после свадьбы. От благодарной жены».

– Послушай вот это: «Важно не сколько лет было в жизни, а сколько жизни в них было». Здорово!

– Мадлене точно понравилось бы, – подмигивает Феликс.

Джулия окаменела, пораженная своей мыслью.

– А что она делает со всеми этими шапочками?

– Мадлена? Дарит. Постояльцам, персоналу, родственникам, соседям, родственникам соседей... Она вяжет чаще, чем идет снег...

– Она могла бы их продавать, только представь, – воодушевляется Джулия. – Клуб бабушек, которые вяжут шапочки с посланиями! О Мадлене заговорят!

Жанина показывает на могилу. Джулия останавливается и берет бабушку за руку. Феликс деликатно отходит. Джулия и Жанина стоят рядом и слушают, как на вершине сосны поет дрозд. На кладбище тихо. Внучка смотрит на бабушку. «Она выглядит такой хрупкой», – думает Джулия. В ней трудно узнать молодую женщину с фотографий. О чем она думает? О своем муже? Об уходящем времени? По каким лабиринтам блуждает ее колеблющийся разум? Джулия вспоминает слова Люсьены. Интересно, могила Поля тоже здесь? Почему бабушка никогда не рассказывала ей о своем кузене, которого любила, как брата?

Феликс возвращается, и Джулия тихо спрашивает его:

– Бабушка тебе говорила о Поле, своем кузене?

– Нет, насколько я помню. А что?

– Я нашла в ее вещах фотографию со стенографической надписью. Люсьена мне прочла ее, и...

– И что?

– И ничего. Не знаю. Мне кажется, бабушкины воспоминания не вяжутся с настоящим. Не знаю теперь, что и думать и о моем прадедушке, и о Люсьене. Жанина говорит о них с такой нежностью, а я никак не могу связать все воедино...

Джулия смотрит на бабушку, та по-прежнему молчит. Жаль, что нет с собой фотографии, можно было бы показать ее Жанине.

– Бабушка, расскажи о Поле.

Жанина с удивлением смотрит на нее.

– Кто такой Поль? Надеюсь, ты не о директоре. В саду посадили герань. Пришлось выставить детей за дверь, они бы испачкали весь дом.

Джулия смотрит на Феликса, тот грустно качает головой. Все трое медленно идут дальше. Жанина продолжает свой монолог:

– Вчера заходила Мирей. Я сказала, чтобы она следила за своей кошкой, мне они дома не нужны! Видела бы ты ее! Просто умора! – хихикает она.

Джулия и Феликс невольно улыбаются.

– Прямо сказать, она не семи пядей во лбу! Машину приходится чинить Анри – она, бедняжка, ничего в этом не понимает. Конечно, у нее нет образования, и она в этом не виновата, но я все-таки хочу приготовить лазанью. Джулия, ты любишь лазанью? Кстати, который час? Не хочу пропустить передачу Наги! А ты смотришь Наги? Вот уж точно красавец-мужчина!

Феликс подтверждает. Джулия насторожилась. Ее память откликнулась на что-то из этого словесного потока. Она силится, но не может поймать этот отклик. И вдруг вспоминает свой вчерашний разговор с Мадленой и Жизель. Четверо друзей смеются над старушкой с повадками мыши, магазин розыгрышей, фотография и... Мадлена сказала... Она сказала: «Мне не удалось получить образование». Что-то в этой фразе ее смущает, но что?

Список маленьких радостей жизни (продолжение)

Оказать услугу незнакомому человеку.

Дотронуться до рожек улитки.

Обмакнуть хлебную палочку в яйцо всмятку.

Увидеть, как всходят первые ирисы.

Свистеть, зажав травинку в кулаке.

Поделиться едой с голодным.

Бродить по галантерейной лавке.

Бросить монетку в копилку.

Кататься на качелях.

Хрустеть редиской.

Смотреть, как козы спускаются с горы.

Рассказать анекдот, не забыв конец.

Идти по зарослям кустарника, распугивая кузнечиков.

Когда тебя целуют в первый раз.

Джулия едет по грунтовой дороге. Старенький «Пежо» подскакивает на выбоинах. Вдали виднеются старая каменная постройка, импровизированный загон, в котором бездельничают два серых осла, и латаный фургончик, виденный ею на рынке. От постройки тянется лавандовое поле и вереница вечнозеленых дубов. Джулия идет вдоль длинного сарая, где хранятся инструменты, деревянные ящики и рассада. Ступает осторожно, боясь испачкать белые кроссовки.

Она подходит ко входу, и дверь открывается. Брюнетка лет сорока встречает ее презрительным взглядом. Худая, даже тощая, с синяком на щеке, что придает ее внешности изюминку. «Очень красивая», – думает Джулия и представляется:

– Джулия.

– Ева.

Пауза. Девушка не сводит глаз с Джулии. В проеме двери появляется Антуан.

– Спасибо, – говорит ему брюнетка, держась за щеку.

Джулии кажется, что он немного покраснел.

– Все в порядке? – спрашивает он вполголоса.

В ответ едва заметный кивок. Похоже, она плакала.

– Если что, звони, – говорит он напоследок.

«Я им не мешаю?» – злится Джулия. Но через минуту машина Евы исчезает в облаке пыли. Антуан приглашает Джулию в дом.

– Кофе?

– Да, спасибо.

Ей хочется спросить о Еве, но Джулия тут же отменяет эту мысль. «Хочешь, чтобы он тебе обрисовал всю картину? – шепчет внутренний голос. – И вообще, какое тебе дело?»

В гостиной пахнет горящими поленьями и жареным луком. В углу потрескивает камин. Стены черные от сажи, на каминной полке стоят фигурки святых – сантоны. В буфете теснятся фарфоровые статуэтки и оловянные тарелки с рельефным рисунком на религиозные темы.

У двери пылятся охотничьи ружья. Навстречу Джулии, виляя хвостом, бежит старый черно-белый пес.

– Зербино, к ноге! – командует Антуан.

– Зербино? Как в романе «Без семьи»?^[31] – улыбается Джулия, садится на корточки и гладит собаку.

– Точно. Сахар? Молоко?

Они усаживаются за дубовый стол. Старые часы с маятником бьют девять. Джулия размышляет, что сказать, Антуан уткнулся носом в чашку и, похоже, не расположен к беседе. Джулия думает о том, как глупо она выглядит в своем платье в цветочек. И зачем вообще было к нему приезжать? Впрочем, это он предложил показать свой участок... Ей не по себе от его мрачного взгляда. Может, отложить беседу на потом? Она придумывает предлог, чтобы уйти, как вдруг Антуан смотрит ей прямо в глаза. По затылку пробегает холодок.

– Трюфелями, значит, интересуешься? – спрашивает он, кивком показывая на блокнот с ручкой, которые Джулия выложила на стол.

Вместе с насмешливой улыбкой в уголках губ появляются ямочки. Джулия нервно сглатывает.

– Да, я... в общем, я пишу книгу, о Провансе, и...

– Надевай пальто.

Он натягивает охотничью куртку с огромными карманами. Зербино уже у двери, отбивает такт хвостом. Джулия идет за ними с фотоаппаратом в руке. Антуан оборачивается и раздевает ее взглядом.

– Так одеваются любительницы приключений? – веселится он, глядя на ее безупречно белые кроссовки. – На, бери. – Антуан протягивает ей пару сапог.

Джулия послушно обувается, испытывая неприятное чувство, что с ней обращаются как с ребенком. Так ли уж хороша эта идея с книгой? Над горизонтом сгущаются тучи. Пока ничего хорошего не намечается, и Джулия думает о Феликсе – будет что рассказать ему вечером.

Вслед за Антуаном она подходит к двум большим клеткам. Завидев людей, собаки мечутся и лают. Накануне Джулия прочла пару статей и знает, что без ищеек трюфели не найти.

– Это – Капи и Дольче^[32], – говорит он, глядя собак. – Они еще учатся.

В его голосе звучат ласковые нотки.

– Без этих собачек ничего не получится. А лучший нюх – у Зерба.

Джулия для вида чиркает в блокноте и делает несколько снимков. Антуан совсем другой, когда возится с собаками. Заметив ее взгляд, он смущенно поднимается.

Они молча отправляются в путь. Ряды дубов тянутся до самого горизонта. Джулия вспоминает, что гриб, который еще называют «черным золотом», растет под дубами, живет с ними в симбиозе и созревает ближе к зиме.

– Год выдался засушливый, и урожай будет неплохой, – говорит Антуан, глядя вдаль.

Он широко шагает, Джулия еле поспевает за ним.

– Старики говорят, что раньше трюфели росли даже под электрическими столбами. Их ели, когда кончалась картошка, это была еда бедняков, столько было грибов. А потом, непонятно почему, их становилось все меньше и меньше.

Зербино насторожился, вроде бы что-то учуял. Но тут же разочарованно побежал дальше. Так же молча они идут за псом, все дальше углубляясь в лес. Зербино радостно носится, постоянно подбегая к ним, чтобы убедиться, что они не потерялись. Джулия чувствует, что их молчание имеет смысл. Неспроста Антуан – молчун, сбор трюфелей похож на погружение в себя. Автор одной из только что прочитанных ею статей назвал трюфели одной из последних загадок природы.

Наконец Джулия решается спросить:

– Как ты занялся разведением трюфелей?

– Погоди, он что-то нашел.

Пес быстро роет землю и всего через несколько мгновений уже держит в зубах маленький черный гриб, гордо протягивая его хозяину.

– Молодчина, Зерб!

Антуан дает псу печенье и с чувством гладит его. Между ними такая связь, что Джулия почти чувствует себя лишней.

Антуан достает из кармана небольшой пучок зелени и кладет в ямку. На вопрос Джулии, что это, он отвечает:

– Листья оливы, вымоченные в дождевой воде. Нужно вернуть жизнь в ямку – иначе дуб больше не даст грибов.

Джулия начинает писать. Но Антуан уже идет дальше.

– Никому еще не удалось открыть тайну трюфеля. Мы знаем, что он любит холодные зимы с градом и известковый грунт. Но это не все.

В одинаковых условиях одни дубы дают грибы, другие – нет. Поди разбери почему... У каждого трюфелевода свои суеверия. Кто говорит, что нужно оставлять часть гриба в земле, кто советует трясти ветки дерева, а еще – слушать лозоходов^[33], сажать в северном направлении, соблюдать фазы луны...

Он останавливается и скребет землю палкой.

– На самом деле трюфелеводы не выдают своих секретов. Я знаю только то, чему меня научил старик Флавио.

Антуан подходит к Джулии и внимательно смотрит на нее.

– Чтобы заниматься этим, надо слушать природу. Остальное не важно. Природа – не торговец. Это женщина. И она боится мужчин. Она отдается только тому, кто отдается ей.

Ручка Джулии бежит по бумаге. Она старается все запомнить и записать, как вдруг Антуан кладет руку на блокнот.

– Ты слишком много думаешь. Перестань.

Неожиданно он ложится на ковер из опавших листьев и закрывает глаза. Джулия с блокнотом в руках чувствует себя нелепо. Ей тоже лечь? Она мнетя, потом аккуратно складывает вещи в сумку, одергивает платье и ложится на землю. Антуан молча глядит в небо, которое виднеется где-то там, над верхушками деревьев.

Съежившись, Джулия думает о насекомых и сырости, от которой стынет спина. Она дрожит, мысли в ее голове сменяют одна другую: ускользящее время, бабушкин дневник, Антуан... Что он о ней думает? Она тут же злится на себя, что придает этому такое значение, и делает глубокий расслабляющий вдох. В лесном воздухе слышится треск. Ветер в деревьях насвистывает легкую мелодию, поддержанную птичьим щебетанием. Джулия пытается улечься поудобнее, убирает веточку, которая царапает ей ногу. Понемногу сердце начинает биться тише.

– Послушай. Деревья разговаривают между собой, – шепчет Антуан.

Джулия закрывает глаза. В густой тишине ей кажется, что лес обнимает ее. Корни переплетаются, как пальцы. Она слышит, как потрескивают деревья, они дышат. Запах земли успокаивает, тело становится легче. Она открывает глаза, и от мешанины веток наверху начинает кружиться голова. Но спокойное дыхание Антуана убаюкивает. Она подстраивается под его ритм, ее грудь расслабляется.

Она парит где-то между небом и землей, в самом сердце доброжелательной природы, которая ласкает ее, словно мать. Джулия могла бы остаться здесь на целые столетия.

Вдруг раздается резкий звук. С лаем прибегает Зербино. Джулия встает, отряхивает пальто, поправляет платье. Антуан протягивает руку к ее лицу. Сердце замирает. Лес смотрит на них. Ее ноги уходят в землю. Джулия вздрагивает, пальцы Антуана обжигают, когда он касается ее щеки. Он осторожно убирает застрявший у нее в волосах листок и пристально смотрит на нее своими темными глазами.

– Ладно, возвращаемся, – бросает он напоследок и свистом подзывает Зербино.

Список запахов, которые делают меня счастливой

Запах постельного белья, высушенного мистралем,

абрикосового варенья,

бессмертника под июльским солнцем,

камней после летнего дождя,

марсельского мыла, которым стирала мама,

талька на попке моего малыша,

оливок под прессом на маслобойне,

страниц моей старой кулинарной книги,

натертого воском буфета,

земли, приставшей к кабачкам,

жимолости после заката,

камфары на моих измученных коленях,

одеколона Жана.

Решительным шагом Люсьена проходит мимо бакалейной лавки и заросшего травой фонтана.

Седые волосы прикрывает целлофановый пакет – сегодня обещали дождь. На руке у нее висит большая плетеная корзина. Она несет ее Камилле – розовощекая молодая женщина с веснушками на носу только что родила мальчика. По провансальской традиции роженице дарят «корзину новорожденного» с пятью подарками. Шагая по булыжной мостовой, Люсьена мысленно их пересчитывает. Пять даров – как пять пожеланий, которые произносят над колыбелью. Соль – чтобы малыш рос здоровым. Яйцо – чтобы он был осыпан материальными и духовными благами, мед – чтобы был нежным, как ангел, спичка – символ прямоты и честности, и хрустящий каравай, который старушка вручит Камилле со словами: «Que siègue bon soume dou pan»^[34].

Люсьена отщипывает кусочек корочки и кладет в рот крошку. Вот бы и ей кто-нибудь в свое время поднес мед со спичками! Но у Неба есть свои любимчики. Глядя куда-то вдаль, она отламывает краюху хлеба. Все одно мальчуган, которого сейчас балуют в лучших провансальских традициях, через пятнадцать лет будет среди ночи будить жителей Сент-Амура пальбой из выхлопной трубы своего мопеда, Люсьена голову дает на отсечение. Странное нынче время, как подумаешь...

Она садится на отшлифованный годами камень прачечной. У нее ноет бедро, а журчание воды немного успокаивает. В последнее время по ночам ее обступают темные призраки и бессонница забирает жизненную силу. А Люсьена не из тех, кто без конца меряет давление. «Не то что Мирей!» – думает она, растирая ногу узловатыми пальцами. «Работа – это здоровье», – любит повторять Люсьена.

Она боится себе признаться, что ее беспокоит странное ощущение в груди, как будто там застряла оливковая косточка и разбухает, разбухает. В ушах шумит, сердце часто бьется. Люсьена окунает руки в прохладную воду и, глубоко вдыхая, кладет их на щеки. Уже второй

раз за этот день силы покидают ее. Утром в церкви, когда она присела на скамью перевести дух, в ризницу вошел отец Мариус.

Он так чудно на нее посмотрел и спросил, как она себя чувствует. В тот момент она готова была все отдать, лишь бы он ушел. В последнее время у нее странное ощущение, будто он хочет из нее что-то вытянуть. Ей кажется? Или он заметил ее лихорадочное состояние? Суеверная Люсьена задумалась, не умеет ли кюре читать мысли.

Она боится ходить на исповедь, особенно после истории с фотографией. А если отцу Мариусу удастся ее разговорить? Она злится на себя. «Вот ведь дура!» – твердит она себе с утра до вечера. Надо же было выдумать кузена! Поль, погибший двоюродный брат, что может быть глупее!

Люсьена вынимает из-под поношенной блузки черно-белую фотографию и нежно гладит улыбающиеся лица. Как они были молоды... А она... Люсьена вспоминает, какой была в детстве. Взбалмошная уродина, не заслуживавшая ничего, кроме того, что дала ей жизнь! Люсьена стискивает зубы, ругая себя с новой силой. Чем все это кончится?

1944 год. Лето, когда мне исполнилось пятнадцать, выдалось знойным. Горожане потянулись в горы в поисках пролады. У всех были ушки на макушке: из достоверного источника (отец состоит во Французских внутренних силах^[35]) стало известно, что союзники скоро высадутся. Американцы уже ступили на песок Нормандии^[36], но немцы по-прежнему удерживают наш Юг. Дни летят, неизвестность и пугает меня, и радует. Мне пятнадцать лет, и мое сердце так и колотится от предвкушения необыкновенных приключений.

Правду сказать, скучать не приходится! Часто звучит сигнал воздушной тревоги – мы выходим из убежища только на мессу, в кино и за покупками. Прильнув к радиоприемникам, считаем дни. Что принесет нам утро?

Как-то вечером в небо взлетают три красные сигнальные ракеты. Отец приказывает нам идти в убежище. Союзники предупреждают, что самолеты уже в пути! Деревня ликует. Но только не я. Я так ждала танцевального вечера 15 августа!^[37] Молча злюсь – теперь уж точно война нас лишила всего!

Отец требует, чтобы мы держались подальше от окон, а мама ставит на огонь рагу. Отец ее ругает. Она хочет, чтобы ее убили? «Мы и так редко едим мясо, не пропадать же ему», – отвечает мама. И между взрывами помешивает в кастрюле деревянной ложкой.

Наутро в деревне тихо, слишком тихо. Электричества нет, новости не слушаешь. Слухи ползут из деревни в деревню: поезда останавливают, дороги перекрывают. Бойцы Сопротивления заняли мэрию и раздают галеты. Это обнадеживает – часы ожидания меня вымотали. Мы с мамой стоим в очереди на площади, когда внезапно с быстротой молнии разносится слух: американцы идут, с холма уже видны их блестящие каски! Американцы в нашем Провансе? Меня охватывает сомнение: а вдруг это немцы хотят нас проучить? У отца такое же предчувствие, он хочет, чтобы мы спрятались в убежище. Деревня бурлит, и вдруг в ясном небе взрываются пулеметные очереди. В наших переулках идет бой! Война стучится в двери нашей деревни. Солдаты уже в прачечной, из дома мы слышим выстрелы. Пули свистят и отскакивают! Мы быстро залезаем под лестницу, мама и я садимся на колени к отцу. Он успел закрыть двери и окна, несмотря на приказ немцев держать их открытыми. Я рыдаю, сжимая мамину руку, она шепотом молится и дрожащими руками перебирает четки.

Мне кажется, бой шел несколько часов, и наконец наступила тишина. Под палящим солнцем снова запели цикады. Мы прислушиваемся, пытаюсь уловить подсказку, угадать, кто же там сражается! Представляешь, милая Лили, в каком мы были смятении...

Под нашим окном раздаются шаги. Как страшно, сердце колотится. Что, если сейчас войдут фрицы? Отец закрывает мне рот рукой и достает из кармана нож.

Всего в нескольких метрах от нас разговаривают два солдата. «Где Рашид?» – спрашивает один. «Пошел к мэрии», – отвечает второй. Мы растерянно прислушиваемся. Это точно не немецкий и даже не английский! Отец в изумлении кричит: «Да это же французы!» Мы тихо подходим к окну, посмотреть, что происходит.

Увидев форму и каски, отец ликует. Нас спасли алжирские солдаты! С улицы все громче доносится: «Французы! Это французы!»

А потом торжествующие крики: «Да здравствует Франция! Браво, солдаты!»

Мы радостно выбегаем на улицу, и отец берет меня за руку. Он щурится под палящим солнцем, а по его впалым щекам катятся две огромные слезы. Кажется, даже цикады поют с большим воодушевлением, чем раньше! Жители обступают солдат. Протягивают им фрукты, галеты и вино. Солдаты отказываются от вина и просят немного простой воды. Все их трогают, как будто хотят убедиться, что они настоящие. Мне хочется их всех расцеловать!

Как приятно видеть алжирцев! Наше счастье еще больше оттого, что нас освободили французы! А мы-то ждали американцев, вот смех!

Поздно ночью все деревенские высыпали на площадь. Мы хлопаем в ладоши, поем, целуем и обнимаем солдат, гордо выставяем свои трехцветные ленточки. Мне кажется, я сплю! Неужели война, съевшая все мое отрочество, закончилась?

В сарае Антуан положил недозревший трюфель в корзину и открыл холодильник. Оттуда хлынул насыщенный аромат. Джулия восторженно вздыхает.

– Понюхай-ка, – Антуан протягивает ей коробку с огромными трюфелями.

Джулия закрывает глаза, взволнованная видом этого сокровища. В воздухе сталкиваются запахи мускуса, перегноя и лесного ореха. Вдруг со двора доносится хруст гравия под колесами машины. Слышны два коротких веселых гудка.

– А вот и патриарх, – говорит Антуан.

Через пару минут Джулия, сняв промокшие сапоги, идет в гостиную, к старику Флавио. Он сидит в кепке. Антуан подкладывает в камин полено и ставит на огонь кофейник.

– Сейчас вернусь, схожу за дровами, – говорит он и уходит, взяв большую корзину.

Дверь хлопает, в комнате повисла тишина, которую нарушает только потрескивание огня в камине.

– Он хороший парень, – наконец произносит старик. – Не слушай, что говорят в деревне... Местные трюфелеводы ревностно берегут свои секреты. Они хитрые, не всегда действуют честно и воображают себя Господом Богом. Антуан молчун, но не лежебока, уж ты мне поверь. Работать-то он еще как работает! А в последние годы зарабатывать стало труднее... Кабаны, понятно, так теперь еще и воры...

– Воры?

– Да, ходят по грибницам ночью, когда не возьмешь собаку, и воруют! А вот Антуан, ей-богу, приличный человек!

Джулия берет блокнот.

– В чем ваш секрет? Я про поиск трюфелей. Антуан сказал, что это вы его всему научили.

– Честно говоря, я давно бросил это дело. В моем возрасте, сама понимаешь... Когда я сюда приехал – мне было лет двадцать, – у меня это засело вот здесь, – он показывает на голову. – Решил заняться

трюфелями. Люди мне ничего не рассказывали, в этом деле действует закон молчания, как у мафии! Я работал на одного старика-соседа. И он мне все передал. Трюфель, ему жизнь нужна. Прованские травы, насекомые, муравьишки, земляные черви... Без деревьев трюфелей не бывает. У деревьев есть энергия, аура. Ты знала? Тё, в деревне даже есть лозоход, ищет трюфели своими палочками! Говорит про какие-то теллурические волны, не понимаю я этой тарабарщины! Аура корней, скажи пожалуйста...

Старик Флавио смеется беззубым ртом. За окном Антуан играет с собаками.

– Раньше, давным-давно, трюфель рос повсюду. Даже на площади Сент-Амура. Кюре оставалось только нагнуться, черт возьми! Запах в домах стоял такой, что аж тошнило. А сейчас у тебя в машине лежит десять кило, и ты думаешь, не забыл ли собрать трюфели!

Джулию забавляет, что от их разговора у старика заблестели потускневшие глаза, похожие на крупные серые жемчужины.

– Раньше трюфель был дешев! Черт возьми, я это видел и больше не увижу! А секрет, о котором ты говоришь, я так и не нашел – иначе меня бы здесь не было! Единственное, что я могу сказать, поверь мне на слово: чтобы были трюфели, нужна любовь...

«Бабушка тоже добавляла немного нежности в свой суп с базиликом», – думает Джулия.

– Ты знаешь Роже? У Роже был лучший в регионе участок, там, сразу за холмом. Голубые и вечнозеленые дубы давали трюфели без перерыва. И вот Роже заболел и умер. А когда его сын унаследовал участок, видишь ли, Джулия, земля перестала давать грибы. Так что Роже ушел вместе со своими трюфелями!

Разморившись у жаркого очага, Джулия сонно пишет в блокноте. Она не сомневается, что старик Флавио говорит правду. Несколько часов назад она сама ощутила эту энергию земли. В голове всплывают слова Феликса: *делает тебя живым*. Лежа на земле под деревьями, Джулия почувствовала силу жизни как никогда раньше.

– Как там Жанина? – спрашивает Флавио, по-доброму улыбаясь.

– День на день не приходится. С тех пор, как она упала за домом, понемногу теряет память...

Флавио сочувственно кивает.

– Вы давно знакомы? – спрашивает Джулия.

– Я познакомился с ней после войны, когда переехал сюда. В пятидесятые годы... Она только вышла замуж за Батиста, и они вернулись из Марокко. Я помогал им строить дом на горе. Славный он был парень...

– Я его совсем не помню, – говорит Джулия. – Он умер, когда мне было три года. К сожалению, бабуля уже не в состоянии мне о нем рассказать...

– Люсьена его хорошо знала! Спроси у нее.

Возвращается Антуан. К свитеру в катышках пристали сухие листья. Антуан садится на корточки и укладывает щепки для растопки, а Джулия продолжает:

– Да, Люсьена помогает мне восстановить бабушкину память. Рассказывает о ней, мы смотрим старые фотографии...

Джулия обращается к Антуану, который отряхивает штаны:

– Ты работаешь у Люсьены? Ты не рассказал, что тебя сюда привело.

Антуан мехами раздувает огонь и оборачивается с каменным лицом.

– Ничего, что могло бы заинтересовать твоих читателей. Ладно, еще поговорим, а сейчас у меня дела. Флавио, ты ее проводишь?

Вопрос звучит как приказ. «Что с ним случилось?» – думает Джулия. Она его чем-то обидела? В замешательстве она убирает блокнот и ручку. Старик Флавио смущенно улыбается, Антуан прощается с мрачным видом. Она молча залезает в машину. Старенький «Пежо» перед выездом за ворота два раза глохнет. Она направляется в «Бастиду», лесные чары рассеялись.

Моя хорошенькая стрекозка!

Каждое утро, переворачивая страницу календаря, я понимаю, что месяцы бегут с неслыханной скоростью.

Я всегда удивляюсь, когда ведущая прогноза погоды называет завтрашнюю дату. Она говорит: «Завтра день святого такого-то». На экране появляется дата, и я не верю своим глазам: 2018, представляешь? Сказали бы мне, что я столько проживу, не поверила бы!

В моей голове мне по-прежнему двадцать лет. Я не чувствую разницы. Самое тяжелое в старении, милая моя, то, что тело тебя

подводит. Бесполезно бороться, бунтовать, упираться, ничего не попишешь. Колени слабеют, зрение ухудшается, а теперь еще и память меня покидает.

Эх! Надеюсь, тебе еще не надоело читать этот дневник. Теперь все так ускорилось, даже титры телефильмов! Раньше давали время войти в кинокартину, она начиналась не спеша. Помнишь, ты в детстве смотрела мультфильмы Уолта Диснея? Сначала черный экран, потом нежная музыка, и зритель медленно погружается в сюжет. А теперь все стартует с пол-оборота! Фильмы начинаются с конца, возвращаются назад, ничего не понятно, и в ту же секунду, как актер произносит финальную фразу, зажигается свет. У меня от этого голова кругом!

Я не забыла, что мы с тобой здесь делаем. Я пишу дрожащей рукой, устремляясь вдогонку за прошлым. А ты сидишь и читаешь. Моя дорогая, я тебя знаю, ты всегда была немного нетерпеливой – мило нетерпеливой, ты же знаешь, я считаю тебя совершенством, – но я надеюсь, что ты не будешь спешить. Ведь мне нужно время, чтобы воскресить воспоминания – и принять вызванные ими чувства.

Три встречи ознаменовали мою жизнь. Пришло время рассказать тебе о первой, несомненно, самой прекрасной из трех.

В холле к ней кидается Жизель.

– Я нашла! – восклицает она с горящими глазами.

– Здравствуйте, Жизель, – сдержанно отвечает Джулия.

Ей стыдно, но непонятное поведение Антуана ее ужасно разозлило. Кем он себя возомнил? Элегантная Жизель спешит в гостиную. В углу Пьеро и Фернан играют в карты и спорят. В большом кресле вяжет Мадлена. Она кивком приветствует Джулию. Пушинка мурлычет, растянувшись на клубках у ее ног.

– Не хотите ли чего-нибудь выпить? – вежливо предлагает старушка.

Джулия с улыбкой отказывается. Она хочет одного – найти Феликса и излить на него свою досаду. В конце концов, это он настоял, чтобы она встретила с Антуаном! Бедный парень еще не знает, что ему предстоит пережить не лучшие четверть часа. Жизель видит, что Джулия идет к лифту, и хватается ее за руку. Свободной рукой она тычет в экран своего ноутбука.

– Смотрите, что я вам покажу. Я скопировала символы с фотографии и выложила на форуме специалистов.

Жизель непринужденно переходит от одной вкладки браузера к другой. Джулия с трудом за ней поспевает. И где это она научилась пользоваться компьютером?

– Фотография вашей бабушки! С мужчиной, который смотрит на нее влюбленными глазами! Вы же помните? Только не говорите, что у вас тоже крыша едет, – а то мне будет совсем одиноко!

– Конечно помню!

– Я расшифровала загадочные символы!

– Все это очень мило, Жизель, но Люсьена уже их прочла. Это бабушкин кузен. Там написано: «С Полем, в Сен-Мандрье» или что-то в этом роде.

Жизель громко захлопывает ноутбук. Пушинка подпрыгивает и удирает так быстро, насколько ей позволяет толстый животик.

– Вот видите, Мадлена! Я же говорила, что эта женщина что-то скрывает!

Рукодельница, напевая, склонилась над помпоном. Она соглашается с Жизель. Джулия не понимает, что происходит.

– Люсьена сказала неправду, – бросает Жизель.

У Джулии перехватило дыхание. Она переводит взгляд с Жизель на Мадлену. «Мне не удалось получить образование», – сказала тогда вязальщица. И тут до нее дошло. Люсьене тоже не удалось – конечно же она не знает стенографии! У Джулии по спине пробегает холодок. Как Люсьена могла так уверенно лгать? Жизель протягивает Джулии бумажку. Под символами написано:

Моей любимой. Жан Колоретти

После высадки американцев жизнь забила ключом! Они были божественно красивы в своей форме песочного цвета с холщовыми патронташами. Ботинки на шнурках топают совсем не так, как немецкие сапоги, подбитые гвоздями. Сказочная армия словно свалилась с неба. Американцы смеются и раздают ириски, шоколадки, жевательную резинку, сигареты... Один солдат вынул из сумки бутылочку с черной жидкостью и протянул Люсьене. Она была немного разочарована – зато как же весело смеялась потом! Жидкость пенилась во рту и щекотала зубы. Так Люсьена впервые попробовала кока-колу!

Другой солдат подарил мне увесистую и хрупкую пластинку «Сестер Эндрюс»^[38] на 78 оборотов. Какое чудо! С конверта улыбаются три женщины, и, слушая пластинку, я представляю себя одной из них. Подражая брюнетке из этого трио, я крашу губы красной помадой, рисую брови домиком и закручиваю прядь волос надо лбом. Привезенные американцами диски называются V-discs – «пластинки победы», от слова victory. Это единственное английское слово, которое я знаю: Victory, Победа! Это они открыли нам свинг, а потом и джаз. Ах, моя дорогая! Песня «Сестер Эндрюс» Boogie Woogie Bugle Boy всегда будет звучать для меня как музыка вновь обретенной надежды. Лицо того солдата я совсем не помню, а вот его подарок... Мои старые ноги тотчас пускаются в пляс, как только из граммофона доносятся первые звуки трубы!

Мы с Люсьеной не понимаем ни слова, но отчаянно крутим тощими попками, вдавливая каблуки в пол и держа руки на бедрах, подпевая: «А-тут, а-тут, а-тут-дидл-йада-тут». То-то весело!

Когда я не танцую, то пою солдатам «Марсельезу» и декламирую басни Лафонтена. Они тоже не понимают ни слова, но это очень благодарные слушатели, они задаривают меня сладостями, и у меня набирается целая коллекция конфет, которые я продаю деревенским детям. Так я накопила денег на свою первую пару шелковых чулок и красные кожаные туфли на танкетке, купленные тайком.

Однажды в соседней деревне были танцы. Туда идти целых пять километров, но даже если бы надо было бежать до самого Парижа, я бы все равно туда отправилась. В своих красных туфлях – и в сопровождении родителей!

На площади развеваются разноцветные флажки и французские и американские флаги. Маленькие лампочки светятся как звездное небо. Деревенские музыканты достают свои инструменты. Я узнаю ребят, которые играли в ансамбле «Хэппи Бойз» еще до войны. Жена мэра, как и раньше, исполняет песни Эдит Пиаф и Шарля Трене. Мы с подружками распеваем во весь голос, кружимся, вальсируем, кричим: «Да здравствует Франция!» – в ответ на тосты, которые произносятся за Францию под звон бокалов. Даже дети пляшут допоздна, сверкая в темноте белыми носочками.

Мама краем глаза присматривает за мной, сидя за столом со своим вязаньем и беседуя с деревенскими мамашами, а отец разглагольствует у стола с напитками. На нем, как и на остальных мужчинах, берет и сине-бело-красная нарукавная повязка Французских внутренних сил. Его гордый вид говорит о том, что он участвовал в этой войне и что он в прекрасном расположении духа. Я им восхищаюсь.

Ярмарочный торговец установил чудесную карусель, с большого гриба свисают разноцветные сиденья. Мало кому из нас доводилось видеть такую конструкцию. Я загораюсь желанием покататься, подружки не хотят со мной идти. Ну и ладно! Следом за отцом я поднимаюсь на карусель. Дрожащими руками хватаюсь за цепи, на которых висит сиденье. Сердце бьется со скоростью сто ударов в минуту, но обратной дороги нет. Хозяин аттракциона кричит гнусавым голосом: «Карусель свободы! Четыре франка билет!»

Мужчины занимают места и с бравым видом машут женщинам, сидящим на площади. Я машу Люсьене, которая с беспокойством следит за мной.

Мои ноги висят над пыльной мостовой, и вдруг я замечаю, что одна туфля растегнута. «Внимание, запускаю!» Мне страшно, сердце громко колотится. Дрожь, в панике я порываюсь слезть с проклятого сиденья. Вдруг позади раздается низкий голос. В словах мне слышится ласка. «Ради бога, не двигайтесь!» Голос взволнованный, но меня он успокаивает. Этот мужчина, говорящий с корсиканским акцентом, боится еще больше, чем я! Дергаясь, я раскачиваю его сиденье, настолько хлипкий этот гриб, кажется, он качается от ветра. Я не успеваю ответить, да и боюсь повернуться. Карусель начинает плавно вращаться.

Мелодия аккордеона аккомпанирует кружению карусели, сиденья кренятся, наши ноги парят на отлете. Мужчины перестали разговаривать, чувствуется, что всем страшно. Жена мэра громко запекает известный вальс Мориса Шевалье:

*Старая церковь в закатных лучах,
Франция наша родная!
Цветы и пшеница на летних полях,
Франция наша родная!*

Кружение ускоряется, ветер бьет в лицо, но прическа пока не растрепалась, а вот подол платья приходится держать – какая неприличная карусель. Загадочный голос позади меня кричит: «Ужасное изобретение! Какое ужасное изобретение!» Я раздражаюсь нервным смехом, изо всех сил сжимаю цепи. Поворачиваю голову, чтобы ветер донес мои слова, и кричу: «Пойте! Это придаст вам смелости!»

Незнакомые губы нетвердо выводят эти дорогие для участников Сопротивления слова:

*Знакомые песни вдоль улиц летят,
Франция наша родная!*

Аккордеон играет все веселее, сиденья кружатся все быстрее. Я свободна, я лечу! Меня переполняет счастье, хочется вопить от радости! Тут моя туфля окончательно растягивается, пальцами ноги я пытаюсь ее удержать. Ее срывает порывом ветра, и она исчезает в толпе. Я кричу и машу ногами, а голос позади меня поет еще громче:

*Огромные планы, большие мечты,
Могут они пару дней подождать.
Эта брюнетка так нежно глядит.
Франция наша родная!*

Я не могу сдерживать смех. Мы летим по темному небу. Я упиваюсь двумя последними строчками песни, представляю, что они обо мне, и мысленно рисую на луне лицо таинственного незнакомца.

Сиденья медленно опускаются. Как только адская машина останавливается, я оборачиваюсь – с покрасневшими щеками, растрепанными волосами и безумно колотящимся сердцем. Сзади никого нет.

С босой ногой я протискиваюсь сквозь толпу, умоляя святого Антония помочь мне найти туфлю. И вдруг вижу его – высокий, стройный, с темными волосами и веселыми глазами, он застенчиво улыбается, и в руке у него моя туфля.

Список того, что я надеюсь никогда не забыть

Мамино лицо.

Как танцевать танго.

Правила игры в крапелту^[39].

Секретный ингредиент моего абрикосового пирога.

Смех моих малышей.

Имена тех, кого я люблю.

Басни Лафонтена.

Правила орфографии.

Куда я положила этот дневник.

Джулия откладывает дневник.

Растроганная чтением, она поднимает глаза на Феликса, тот неотрывно смотрит на нее. Жанина уже несколько часов спит в своей спальне рядом. Джулия рассказывает Феликсу о своих находках и неудачах. О прогулке по трюфельным местам, о бабушкиных откровениях и об открытии, сделанном Жизель. Она выложила ему все, а чтобы он лучше понял, прочла ему вслух отрывки из дневника. Повествование Жанины, прерываемое забавными списками, заставило его плакать, грустить и смеяться.

– Ну и характер у нее был! – произносит он.

– И до сих пор есть! – парирует Джулия. – Подожди, вот она поправится, тогда увидишь!

– Думаешь, это он, тот мужчина с фотографии, о котором Люсьена не хотела говорить?

– Ума не приложу, но, судя по годам, похоже. Обалдеть, бабушка никогда о нем не упоминала! Рассказывала некоторые истории по десять раз, а самое главное забыла?

– Читай дальше!

– Мне надо отдохнуть. Перекусим?

В животе у Феликса урчит в знак согласия. Он ставит разогреваться два огромных куска пирога с анчоусами и ловко открывает бутылку розового вина.

– За романтизм и за прошлые времена, когда любили сильнее, а мечтали смелее! – отчеканивает он, поднимая бокал.

Джулия пьет и морщится, вспомнив свою утреннюю встречу с Антуаном.

– Любовь – городская выдумка. И ничего тут не поделаешь.

– Точно! Много у тебя еще таких готовых фразочек?

Она ворчит себе под нос.

– Позвони ему.

– А еще что сделать? – она задохнулась от негодования. – Позвать под венец?

– Есть в этом что-то странное...

– Да уж, одна проводит у него ночь, другая ждет под дверью. А знаешь, что самое смешное?

– Ага, вот оно: смешное.

– Что-что?

– Вот что тебя гложет. Тоненький внутренний голос кричит, что надо остерегаться, не рисковать.

Джулия наливает себе второй бокал.

– А штука в том, чтобы идти искать туфлю. Хотя ты и не видела его лица, – продолжает Феликс.

– Ты говоришь ерунду.

– Прими свою уязвимость. В этом секрет счастья. Согласись с мыслью, что ты можешь прийти голой к одетым людям. Показать себя такой, какая ты есть, открыться для чужих мнений. Только так можно стать по-настоящему живой!

– Каждый раз, когда мы выпиваем, ты об одном и том же! Лично я предпочитаю смотреть издали, как другие прыгают в воду. И оставаться в свитере, шарфе и шапке!

Не обращая ни малейшего внимания на ее сарказм, Феликс вскрикивает и начинает боксировать. Он во весь рот улыбается от счастья.

– У меня идея! Который час?

– Почти одиннадцать, а что?

– Отлично! Попрошу Элиану меня подменить. Идем!

– Куда это? – без особого энтузиазма спрашивает Джулия. – Seriously, если это чтобы принять мою уязвимость в ближайшем ночном клубе, то я пропускаю ход...

– За кого ты меня принимаешь? – улыбается он, надевая кожаную куртку.

– Я без сил, поеду домой, завтра в девять у меня интервью с мельником, и...

Феликс смотрит ей в глаза своими зелеными глазами и прикладывает руку к ее сердцу.

– Пора тебе пробудиться внутри.

Его звали Жан Колоретти.

Моя Лили, сердце у меня начинает биться быстрее, когда я пишу это имя. Вот уже больше семидесяти лет как я не произносила его

вслух. А ведь фамилия очень красивая, не находишь? Словно пение славки.

Он на шесть лет меня старше, и его только что назначили учителем младших классов в соседней деревне. Он стоит посреди кружащихся в вальсе пар с моей туфлей в руках и улыбается. Словно всю жизнь ждал меня на этой площади. Он говорит: «Прости, у меня закружилась голова, но я обожаю Мориса Шевалье. Спасибо, – продолжает он, – спасибо, что подбодрила меня, а то я уж думал, упаду в обморок. Вот ведь проклятая машина! Но если хочешь еще прокатиться, то само собой, то есть со мной, я хотел сказать. Извини, что-то меня бросает в жар». Он очень быстро говорит и прямо держит спину. Гирлянды разноцветных фонариков бросают на его лицо причудливые отблески. В воздухе, кажется, витают запахи жареного мяса, вина и можжевельника. Наверняка играет аккордеон, звучит песня Шарля Трене и слышен смех солдат, но я ничего этого не замечаю. Ничего, кроме его глаз, светлых, как вода в скалистой бухте, они зорко смотрят на меня, ласкают и словно торопятся поскорее рассказать о нем все – как будто я сейчас улечу.

Я разглядываю его изящные ладони, запястья, закатанные рукава рубашки, загорелые руки, подтяжки, брюки с высокой талией. Я пытаюсь отыскать в памяти знак, воспоминание: мне кажется, я его знаю сто лет. Я уже встречалась с этой душой где-то в другом месте, в ином, ускользающем от нас мире.

Я стою в одной туфле и смотрю на него. Вторую он все еще держит в руке, забавно, я думаю о Золушке и сказала бы ему об этом, но боюсь показаться ребенком. И все-таки я хочу, чтобы он знал обо мне все. А еще лучше – угадал! Какой я была, какая я сейчас и какой буду. Нам столько всего нужно сделать, столько всего рассказать друг другу. Хватит ли для этого одной жизни?

Я только успеваю назвать свое имя (он улыбается! и, милая моя, что это за улыбка!), как меня хватает за руку Люсьена. Мама повсюду меня ищет. Напоследок я ныряю в глаза этого темноволосого ангела, которого встретила в небесах, и нас снова разделяет танцующая на площади толпа.

Феликс крутит колесико радиоприемника и останавливается на станции «Ностальжи». Франс Галль^[40] лепечет в микрофон, и Феликс повторяет за ней, прижимая к губам воображаемый микрофон:

– «Он играл на пианино стоя...»

– Надеюсь мы хотя бы не в караоке едем? – спрашивает Джулия, крутя руль.

– Здесь направо. «Просто он был свободен, счастлив, несмотря ни на что!» – Феликс извивается на сиденье, Джулия с трудом сдерживает смех.

– Когда ты поедешь к Люсьене? – спрашивает он.

– Думала завтра...

Она вздыхает и продолжает:

– Я боюсь. Раз она так врет, значит, есть причина, и...

– Вот именно. Ты слишком далеко зашла, чтобы сдавать назад! – идет в атаку Феликс. – Мой тебе совет: прижми ее к стенке, ткни носом в эту ложь и заставь говорить! Если надо, я принесу перья и буду щекотать ей пятки – она во всем признается. О, обожаю, слушай, это моя песня!

*Мы делаем из жизни кино,
Влюбляемся в воспоминание,
В тень, все равно^[41].*

– Далида? – хихикает Джулия.

– Что – Далида? Королева, богиня, самая-самая! Да ей никто в подметки не годится, ну только если Мадонна, но это еще неизвестно.

– Кстати, о королевах, Жизель – настоящая компьютерная королева...

– Ты заметила?

– Щелкает мышкой как молния. Марку Цукербергу стоит иметь в виду...

– Я рядом с ней чувствую себя старым. Это Билли ее всему научил.

– Билли?

– На самом деле его зовут Серафим, но мы зовем его Билли. Как Билла Гейтса.

Джулия хохочет.

– Из дома престарелых?

– Нет, у него пока голова отлично работает! По-моему, ты его видела. Уши торчком, краснеет, если с ним заговорить...

Джулия мотает головой.

– Золотой человек, тебе понравится. Пенсионер, преподает информатику постояльцам «Бастиды». Так, сейчас налево, приехали!

Фары освещают поворот, старый «Пежо» въезжает в темный переулок.

– Ты уверен, что все делаешь правильно? – спрашивает Джулия, выключая радио.

Но Феликс уже захлопнул дверцу и направляется к узкой двери под неоновой вывеской.

– «Кабаре»? – спрашивает Джулия, догоняя его почти бегом.

Вместо ответа Феликс загадочно улыбается.

Подходит Люсьена, что-то пряча за спиной. Она в клетчатом платье до колен.

Я сижу на скамейке в тени платана. Взглянув на нее, спрашиваю, что она прячет.

– Если скажу, обещаешь попрыгать со мной через скакалку?

Я пытаюсь ее поймать, она вырывается, и я злюсь. Потом делаю вид, что мне нет до нее дела, и погружаюсь в номер Marie Claire, который раздобыла на черном рынке. Я в восторге от душещипательных рассказов, которые печатают в журнале. Расстроенная Люсьена садится рядом и кладет голову мне на плечо. В одиннадцать лет она с трудом читает и в журналах довольствуется картинками. Я поворачиваюсь к ней.

– Ну же, покажи!

С хитрой улыбкой она протягивает мне сверток, упакованный в цветную бумагу. На бумаге каллиграфическим почерком написана

буква «Ж». Я вопросительно смотрю на нее, а она достает из кармана маленький кулек миндаля в глазури.

– Кто тебе это дал?

– Он.

– О ком ты говоришь?

– О Жане, конечно! Кого ты ждешь с воскресенья?!

– Когда ты его видела? Говори!

– Утром, когда вы с мамой ходили за покупками. Он искал тебя на площади, а вы были на мельнице.

Сердце подпрыгивает в груди. С нетерпением рву бумагу, под ней пластинка Даниэль Дарьё^[42]. «Первое свидание». В конверт вложен листок, на котором Жан своим изящным почерком написал слова песни.

*Когда господин Время
В один прекрасный весенний день
Делает простую девчонку
Почти что женщиной
И в голубых мечтах
О счастливом будущем
Закрывает ее глаза,
Она в глубине души вздыхает.
Ах! Как нежен и волнителен
Момент первого свидания,
Когда сердце, уставшее биться в одиночестве,
Дрожь, улетает к тайне.
Вы, незнакомец из безумного сна,
Сделайте так, чтобы он нам принес
Счастье любить друг друга всю жизнь,
Этот момент первого свидания.
Зарождающаяся любовь –
Это первый роман,
В который мы нежно играем.
Персонаж
Никогда не знает,
Будет ему грустно или весело,
Но хотелось бы*

Поскорее прочесть все страницы.

Ты подарить мне первое свидание?

Жан К.

Вышибала кивком приветствует Феликса. Похоже, он завсегда так этого заведения. Джулия проскальзывает вслед за Феликсом за большую красную портьеру. Им навстречу идет огромная фигура. Голубые веки, обклеенные стразами накладные ресницы и водопад бриллиантов под густой бородой. Мужчина в рыжем парике приветствует их теплой улыбкой.

– Добро пожаловать к мадам Артюр!

Джулия теряет дар речи. Она ожидала всего, только не этого. Она с трудом понимает, что Феликс представляет их друг другу. Кто бы мог подумать, что в такой глуши есть кабаре. Джулия идет за Феликсом в узкий темный зал. Восторженная публика сидит за круглыми столиками, тускло светят лампы под абажурами с бахромой. В тумане от дымовых машин играют блики зеркального шара. На сцене мужчина в шубе и сапогах со стразами обращается к зрителям:

– Наш следующий номер обязательно понравится тем, кто сидит в первом ряду! Артистка, которая делает «уим! чик! крак! бам! пам! вжик!». Поприветствуйте несравненную, женственную, венероподобную Кики Генгет!

Публика аплодирует что есть силы, и на сцену выплывают два огромных голубых веера. Подсвеченный со спины, появляется полуобнаженный силуэт, хорошо видны только перчатки. Веера сходятся и расходятся, из них появляется изящная молодая женщина, затянутая в переливающееся платье из латекса. Она кокетливо кладет руки на бедро и улыбается. Звучит музыка тридцатых годов. Джулии нравятся и ее позы, и ее сценическая игра – она бросает лукавые взгляды, хитро подмигивает, невинно хлопает ресницами. Подбадриваемая зрителями, танцовщица медленно распускает корсет и обнажает круглые ягодицы.

Феликс вручает Джулии бокал шампанского и чокается с ней.

– За тех, кто умеет быть уязвимым!

Джулия не может отвести глаз от танцовщицы: та плавно извивается, и длинные русалочьи волосы ласкают ее тело, грациозное, но настоящее – не то что на отретушированных журнальных снимках.

У Кики пышные формы, и она их так преподносит, что начинаешь завидовать ее округлому животу и полным бедрам.

– Ты когда-нибудь была на бурлеске? – Феликс пытается перекричать музыку.

Джулия мотает головой.

– Она невероятно красивая! Как актриса немого кино.

Чувственность танцовщицы завораживает ее и бросает ей вызов. Кики Генгет в серебристых лодочках – лучшая иллюстрация фразы «полюби себя сам».

Теперь она полностью обнажена – остались только цепочки со стразами, подчеркивающими ягодицы, и блестящие помпоны на сосках. Она осторожно поднимает большую морскую раковину и, соблазнительно подмигнув, опрокидывает на себя водопад блесков.

Зрители аплодируют. Феликс хлопает и что-то кричит. На сцене в свете софитов вновь появляется месье Луаяль, теперь он в длинном черном платье с перьями и глубоким вырезом ниже спины. Феликс едва заметно машет ему рукой.

Номера идут один за другим. Исполнительница ретроstriптиза в стиле двадцатых годов уступает место паре танцоров-андрогинов, затем выходит мускулистый мужчина в набедренной повязке из бананов, золотой шапочке и с длиннющим жемчужным ожерельем на шее – один взгляд на него вызывает в памяти легендарный образ Жозефины Бейкер. Джулия в восторге и громко кричит: «Браво!»

– Это волшебно! Ты здесь часто бываешь? – спрашивает она, поворачиваясь к Феликсу. Но он куда-то исчез. Джулия высматривает его в зале и в баре, как вдруг снова раздаются аплодисменты.

– Дамы и господа, он волнует сердца своей золотистой кожей и глазами зеленее зеленых холмов. Он танцует так же хорошо, как поет. Поприветствуйте изумительного, невероятного, непредсказуемого Великого Гэтсби!

Зал неистовствует. Сцена погружена в темноту, только на полу круг света. Раздаются первые аккорды знакомой песни. В свете прожектора блестит золотистая туфля, потом в разрезе платья показывается мускулистая нога. Когда наконец длинноволосый блондин появляется целиком, Джулия вскрикивает от восторга. Феликс! Накладные ресницы и алые губы контрастируют с волосатым торсом, но он прекрасен, великолепен.

Гэтсби с необыкновенной нежностью берет за микрофонную стойку, и в полумраке раздаются первые строчки песни:

*Чтобы не быть одинокими,
Люди заводят собаку,
Люди разводят розы
Или несут свой крест.*

Джулия не может прийти в себя. Феликс, ее Феликс, танцует и поет перед всеми. Он медленно растворяется в сиянии Гэтсби. Раскатистые «р», воздетая к небу рука, взволнованный взгляд: на сцене оживает Далида, андрогинная и шокирующая.

*Чтобы не быть одинокими,
Девочки любят девочек,
А мальчики любят мальчиков
И женятся на них.
Чтобы не быть одинокими,
Другие заводят детей,
Детей, таких одиноких,
Как дети всегда и везде.
Чтобы не быть одинокими,
Люди строят соборы,
Где все одинокие люди
Цепляются за звезду.*

По щеке Джулии катится слеза, зрители бурно аплодируют Феликсу. Чистым голосом он повторяет последние строчки:

*Чтобы не быть одинокой,
Тебя я люблю и жду
И могу представлять себе,
Что я – не одинока.*

До мурашек. Феликс раскрылся, показал себя таким, каков он есть. Джулия хочет расцеловать его, стиснуть в объятиях, утешить в той печали, которую он только что излил на замороженную публику.

Джулия бежит за кулисы, поднимается по ступенькам и протискивается за портьеру. Феликс принимает поздравления от товарищей по сцене, некоторые вытирают слезы. На каблуках он просто огромного роста. Увидев Джулию, он тут же открывает ей объятия, согревающие ее какой-то особенной теплотой.

– Спасибо, что привел меня сюда... – шепчет она.

Он улыбается своей щербатой улыбкой.

– Идем, я тебя со всеми познакомлю.

Феликс ведет ее в маленькую гримерку, освещенную яркими лампочками, отражающимися в двух зеркалах. Здесь словно взорвался чей-то чемодан: перья, стразы, каблуки, меха – веселый бардак. Сидя в бархатном кресле, огромная Жозефина Бейкер вовсю преображается и наносит на тело искусственный загар.

– Простите за беспорядок! – говорит она. – Мы тут едим блески и пукаем звездной пылью!

Джулия хохочет.

– Знакомьтесь, это Джулия. Я привел ее, чтобы показать, что значит оказаться в центре внимания и в свете софитов. Соответствует ли пункт прибытия нашим ожиданиям? Вот уж не знаю...

– ...Значит, будем наслаждаться дорóгой! – хором произносит труппа.

– Аминь! – кричит Жозефина Бейкер.

– Хорошо сказано! – добавляет танцовщица-стриптизерша с огромными перьями на голове.

Феликс впивается глазами в Джулию:

– Ставлю пятьдесят евро, что ты не решишься выйти на сцену.

Джулия снова хохочет, но вдруг понимает, что Феликс не шутит. Жозефина Бейкер щелкает языком и поднимает бровь. Джулия чувствует себя такой маленькой. Ее охватывает паника. Бесформенные джинсы, огромный свитер, балетки на плоской подошве. Никакого блеска, никакой элегантности, одни комплексы. Ей не нравится, когда на нее смотрят, и она не помнит, когда мужчина в последний раз видел

ее голой при свете. Но в этот вечер Джулия решает быть другой. Она отвечает на взгляд Феликса и задорно спрашивает:

– Кто-нибудь одолжит мне боа?

Наша история началась под вальс на аккордеоне. И на каждом свидании Жан Колоретти дарил мне пластинки. Он очень застенчив и, чтобы открыть мне свое сердце, прибегает к помощи современных поэтов. Наш роман складывается из названий песен – как будто мы играем в «чепуху».

После каждой нашей встречи я в своей комнате снова и снова слушаю эти пластинки. С утра до вечера и с вечера до утра. До сих пор помню наизусть каждую песню. Но долго ли еще буду помнить, милая моя... Хочется верить, что самые прекрасные переживания не исчезнут никогда.

Жан вежлив и деликатен. Когда он впервые пришел к нам домой, его единственным козырем были корсиканские корни. Больше всего я боялась реакции отца. Мало ли что он мог сказать! Но Жан держался спокойно и уважительно. Сильный акцент и широкий кругозор победили настороженность отца. Мама втихомолку подбадривала Жана – в конце концов, мне уже скоро шестнадцать. А по виду можно дать и все восемнадцать!

Сейчас я поражаюсь свободе, которую мне давал отец, обычно такой строгий! Может быть, за его тяжелой рукой и разрушительной импульсивностью скрывалось сердце романтика... После его смерти я нашла в табакерке несколько неуклюжих любовных стихотворений. До сих пор не могу в это поверить, вспоминая о том, как он разрушил мою жизнь.

Это лето 1944 года – самое прекрасное в моей жизни. Долгие дни на берегу моря и лимонное мороженое. Я наткнулась на снимки, сделанные на пляже Сен-Мандрье. Мы с Жаном позируем, стоя рядышком на гальке в купальных костюмах. Ты видишь, как сияют мои глаза? Волшебство во взгляде – вот к чему ты должна стремиться, моя дорогая. Только этот свет придает жизни особенную яркость. На заднем плане Люсьена, очень худенькая, совсем еще ребенок, в панамке собирает ракушки. Жан заботится о ней, как о сестре, и мы часто берем ее с собой на прогулки. Мне кажется, она немного влюблена в него, невинной любовью. Она нашла в нем ту нежность, которую не видела ни от кого.

В тот день поднялся сильный ветер. На море волны, они лизжут нам ноги. Отдыхающие уходят с пляжа, собирая зонты и полотенца, свое веселое хозяйство. А я тону в глазах моего прекрасного учителя, упиваясь его словами, и мне нет дела до надвигающегося шторма. Люсьена резвится в воде. Она не умеет плавать и возится у берега, бросая гальку. При каждом откате волны она прыгает и визжит от радости. Слышно, как она кричит: «Ух, по ногам! Mèfi^[43], еще одна идет!», и мы с Жаном смеемся, не сводя друг с друга глаз.

Нам дорог каждый миг, и я боюсь каждой минуты, которая приближает разлуку, хотя от мысли о пластинке, которую я получу, мне становится немного легче. Меня в нем восхищает все: тонкие волосы, которые треплет ветер, аккуратные ногти, мягкий смех, яркие белки глаз и даже наши имена, которые так прекрасно сочетаются (это знак!), – решительно все приводит меня в восторг. Ах, как это прекрасно – любить!

Жан встрепелся – на пляже вдруг стало тихо. Волны уже высокие, а Люсьены нигде нет. Он бежит к морю, выкрикивая ее имя. Я, как безумная, бегу за ним. Может, она ушла, не предупредив? Верчу головой, волны разбиваются с ужасным грохотом. Жан без колебаний бросается в воду. Я издаю вопль ужаса, когда он наконец выныривает с Люсьеной на руках. Кладет ее на песок, она приходит в себя и выплевывает половину Средиземного моря. Я крещусь и благодарю Небо за то, что она осталась в живых. И тут же начинаю ее ругать. Как она меня напугала! Как она додумалась зайти так далеко в воду – ведь ясно было, что ее смоеет волной! Люсьена встает, опираясь на Жана. С его волос ручьями стекает вода.

– Хватит! – выплевывает она вместе с гневным рыданием. – Это ты виновата!

Глаза у нее чернее ночи – никогда я не видела ее в таком бешенстве.

– Почему все всегда вращается вокруг тебя? – вопит она. – Мне надо умереть, чтобы меня наконец заметили? И хватит меня ругать, как будто я глупая! У меня месячные начались на прошлой неделе, я больше не ребенок!

Вызов брошен. Она смотрит Жану в глаза и утыкается головой в его шею.

Мы уходим с пляжа под свист ветра, задирающего наши подолы. Песок хлещет по голым ногам. Сжав зубы, я мысленно каюсь, расстроенная и виноватая. В автобусе едем молча. В тот день Жан забыл вручить мне пластинку.

О, моя дорогая! От этих фотографий такая ностальгия... Вот бы мне еще раз прожить то лето! Кто-то скажет, что это была всего лишь юношеская влюбленность. Поверь, это было нечто гораздо большее. Пожилая дама, в которую я превратилась, с высоты прожитых лет может поклясться: мне уже не дано было никого любить так, как я любила Жана. Это был самый прекрасный роман моей жизни. Страстный. Незабываемый.

Надеюсь, моя память угаснет на воспоминании о нем.

За бокалом шампанского, неизвестно каким по счету, Джулию одолевают сомнения.

«Во что я ввязалась? И ради чего? Чтобы не потерять лицо перед Феликсом! Правда, надо признать, что с ним я чувствую себя другой. Словно он видит меня такой, какая я на самом деле, – думает она. – Видит женщину, способную на большее, чем эта размеренная куца привычная жизнь». И она не хочет его разочаровывать.

«К тому же танцы – мой конек!» – успокаивает себя Джулия. С Жаниной она прошла хорошую школу. Бабушка передала ей свое чувство ритма. Ну же, вперед! Всего несколько па на сцене, ничего выходящего из ряда вон. Надо всего лишь представить, что она в ночном клубе, забралась на динамик и виляет бедрами под музыку. Джулия безуспешно пытается вспомнить, когда в последний раз была на дискотеке.

Она выпрямляется в кресле и смотрит в зеркало. Круги под глазами, прилизанные волосы и чересчур пухлые щеки. Реальность слишком жестока! Она сутулится и кусает губы. Феликс и его друзья живо обсуждают ее наряд. Здесь слишком много блесков, это слишком скромно, то недостаточно ярко... У Джулии голова идет кругом. Она уже готова сдаться, когда Феликс накидывает ей на плечи кружевной костюм и торжественно кричит:

– Кое-что есть!

Жозефина и русалка хлопают в ладоши.

Сбитая с толку странным нагромождением воланов, Джулия мямлит, что это – сплошное недоразумение, ей лучше остаться здесь, и... Феликс поднимает бровь.

– Минуточку! Мне кажется, сестра Мария-Джулия хочет нам что-то сказать, – язвительно говорит он.

Смерив взглядом Феликса, Джулия берет кружева и уходит за ширму. Мучительно пытается разобраться, где в ее костюме верх, где низ. Под нетерпеливые и подбадривающие возгласы она натягивает комбинацию и надевает лодочки на каблуках. Когда Джулия выходит, артисты поднимают такой крик, что их слышно даже в зале.

– Дорогуша, да ты нас всех тут затмишь! – восклицает танцовщица в перьях и пудрит ей нос.

Джулия вновь смотрит в зеркало. Алые губы, огромные ресницы загнуты вверх, старательно нарисованная на скуле мушка – она словно оказалась в чужом теле. Русалка щипцами завивает ей пряди, а Феликс обвивает вокруг шеи боа.

– Ты великолепна...

Он восхищенно улыбается. В гримерку врывается месье Луаяль в желтом комбинезоне.

– Друзья, пора на сцену!

– Мы готовы! – отвечает Феликс.

– А музыка?

Джулию бьет дрожь, она уже не знает, смеяться или плакать. В голове – черная дыра. Веселая компания снова спорит, у каждого есть что предложить, но вдруг со сцены раздается голос месье Луаяля. У Феликса от волнения расширяются глаза, что пугает Джулию еще больше.

– Беги, это тебя объявляют! Мы решим с музыкой, что-нибудь найдем...

– Но... что же я должна делать?

Феликс берет ее за плечи и смотрит в глаза:

– Задать им жару!

Тем временем ведущий разогревает зал:

– Сегодня на этой сцене отважится выступить одна молодая танцовщица! Вы знаете, мы обожаем давать шанс новичкам. Иногда мы плачем, иногда смеемся, но никогда не жалеем, что пригласили их! Прошу встретить громом аплодисментов потрясающую, непредсказуемую...

Он поворачивается к кулисе:

– Имя! Мне нужно имя!.. Неутомимую, искрометную, пламенную... – продолжает он, выразительно вращая глазами в их сторону.

Джулия в полном смятении, она словно застряла в вате, все вокруг кажется нереальным.

– ...великолепную, сногшибательную...

Внезапно Феликса озаряет:

– Лулу Беген!

Джулия в ужасе таращит глаза. Лулу Беген, можно ли выдумать имя смешнее?^[44] Свет гаснет, и Феликс выталкивает Джулию на сцену. – Черт возьми, Лулу! Они будут от тебя пускать слюни!

Джулия стоит в темноте. Боясь лишней раз ступить на высоченных каблуках, прислушивается к затихающим аплодисментам. Жаль, что она не захватила из гримерки два больших веера. Это еще хуже, чем самый жуткий из ее кошмаров, в котором она оказывается голой на улице. Джулия машинально одергивает кружево, которое ничего не прикрывает. Как ей хотелось бы исчезнуть... Темноту пронзает пленительный голос Этты Джеймс^[45]:

Oh oh, sometimes I get a good feeling... yeah...

Джулия сглатывает, узнав знакомую мелодию, в которой смешались соул, госпел и блюз. «Одна из моих любимых. Да, Феликс определенно меня хорошо знает», – думает она. Впрочем, уверенности это не прибавило. Прожектор резко освещает ее фигуру. Время останавливается. В луче света танцуют пылинки. Сердце колотится в груди и отдаёт в шею. Джулия могла бы поклясться, что в зале слышен этот грохот. *Бум-бум. Бум-бум. Бум-бум.* Хриплый голос Этты Джеймс вновь разрывает тишину:

I get a feeling that I never, never had before, no no...

Джулия бросает взгляд за кулисы, моля о помощи. Маленькая труппа смотрит на нее затаив дыхание. Русалка прижала руку ко рту. Жозефина Бейкер в ужасе закатывает глаза. Джулии кажется, что под ней сейчас провалится пол. Феликс хмурит брови, кивком приказывая ей начинать. И одними губами произносит: «Живая».

Афроамериканская певица неторопливо допевает вступление своим сильным чувственным голосом:

And I just wanna tell you right now that...

Хор хрипло отвечает, обволакивая Джулию мелодией. Она вспоминает, как бабушка брала ее за руку и ставила себе на ноги, чтобы научить ритму. «Слушай, – говорила она, – и следуй за музыкой». Зал ловит каждый вдох певицы.

I believe, I really do believe that...

Вступают клавиши и ударные. Джулия поднимает подбородок и обхватывает руками талию. Легкое покачивание бедрами, челюсти стиснуты. Зрители подбадривают ее. Она делает несколько шагов в сторону, поводит плечами. Музыка проникает в нее, скользит по позвоночнику, гладит руки и ноги. Голос Этты Джеймс обнимает ее бедра. Джулия делает шаг вперед, ее тело начинает говорить. Слышны одобрительные возгласы. Она отвечает поклонникам робкой улыбкой.

Джулия отпускает себя на волю. Она царит на сцене, чередуя игривые взгляды со сладострастными позами. Руки двигаются согласно с ногами, тело извивается, предлагая себя публике и тут же уворачиваясь. На фортепианных нотах она скользит, на басах – растекается, на синкопах – дергается. Зрители очарованы и не отрывают глаз от чувственного танца. Артисты потрясенно наблюдают из-за кулис.

Джулия парит. Ее тело забывается в танце. Она чувствует себя женственной, соблазнительной, желанной. Невероятное наслаждение, эйфория чувств отзывается в животе, доходит до сердца, душа кричит, что она рада быть живой. Джулия существует здесь и сейчас. На своем месте. И ни за что на свете не хотела бы оказаться в другом.

Она прикусывает длинную шелковую перчатку, делает паузу, краем глаза игриво-вопросительно смотрит на зрителей. Они издают одобрительные возгласы. Разгоряченная Джулия медленно снимает перчатки, словно лаская зрителей огромными ресницами. В ответ – улыбки и крики «браво». Она обводит глазами зал и цепенеет. Среди зрителей – Антуан, он пожирает ее взглядом. «Продолжай! Продолжай!» – уговаривает она себя. Пристально смотрит на него, пока рука медленно спускается по животу. Она поворачивается спиной, извивается, кладет ладони на почти обнаженные ягодицы и замирает на последних нотах.

Зал в трансе. За кулисами раздаётся восхищенный рев. Джулия с победным видом приветствует зрителей и исчезает за занавесом. К ней подбегает Феликс с горящими от восторга глазами.

Список пластинок, подаренных Жаном Колоретти с августа по октябрь 1944 года

Первое свидание (Даниэль Дарьё).

Свидание под дождем (Жан Саблон).

Рядом с тобой, моя любовь (Шарль Трене).

В моей маленькой бухте (Алибер).

Вы – часть меня (Жозефина Бейкер).

На свете я люблю лишь вас (Даниэль Дарьё).

Жизнь под южным солнцем (Андрекс).

Мой милый в день святого Иоанна (Люсьена Делиль).

Если ты любишь меня так же (Жанна Обер).

Милая ножка в милом чулочке (Андрекс).

Любовь, похожая на нашу (Жан Люмьер).

Доброй ночи, любовь моя (Аннет Лажсон).

– До встречи, Лулу! Заходи, когда пожелаешь, – покоренный ее чарами вышибала распахивает дверь.

Джулия слегка пьяна от аплодисментов и шампанского. Только что она стояла на сцене и под крики «браво!» благодарила зрителей рука об руку с Феликсом.

– Я поеду с Кики, – говорит Феликс, запахивая пальто. – Она живет рядом со мной. Браво, Лулу, ты произвела фурор. Жанина гордилась бы тобой.

Феликс обнимает Джулию. Мистраль играет ее светлыми локонами. Артисты не успели снять грим, в маленьком переулке их компания выглядит диковато. Хлопают дверцы, машины одна за другой исчезают в ночи, пока Джулия, поеживаясь от холода, усаживается в старенький «Пежо». Ее мысли далеко, она снова и снова прокручивает в голове свой номер. Джулия не успела завести машину, как вдруг кто-то постучал в стекло. Она вздрогнула.

– Можно?

Антуан! Антуан, с трехдневной щетиной и карими глазами. От неожиданности Джулия потеряла дар речи. Она искала его после выступления и не нашла.

– Подбросишь меня?

Она кивком приглашает его в машину. Оба молчат.

– Не ожидал тебя здесь увидеть. – Он смотрит на нее искоса.

– А я – тебя, – весело отвечает она.

Когда она моргает, искусственные ресницы щекочут веки.

– Я иногда там готовлю в ресторане... – говорит он словно в оправдание.

Снова молчат. Он делает вдох и выпрямляется на сиденье, как бы придавая себе уверенности.

Машина выезжает из деревни, за окнами тянутся темные силуэты деревьев. Джулия впервые ощущает его смущение, от этого ей становится легче. И спокойнее. Она украдкой смотрит на него. Он выглядит уязвимым, более человечным. Трогательным.

– А у тебя какой псевдоним? – шутливо спрашивает она.

– Тонио де ла Вега, – отвечает он, повеселев. – Стриптизерша с перьями – это я.

Она хохочет, представив его голым на сцене.

– Но тебе комбинация идет больше! Ты была очень... в общем, очень красивой.

Джулия под гримом краснеет.

– Мне нравится это место, – продолжает он. – Мы с друзьями-музыкантами иногда пропускаем там по стаканчику.

– На чем ты играешь? – спрашивает она с облегчением, довольная, что он сменил тему.

– Только на кухонной плите... Отец у меня был музыкант. Он пел и брэнчал на гитаре, пока я читал «Великолепную пятерку»^[46]. Под эту музыку, можно сказать, прошло мое детство.

– А мне больше нравилась «Фантометта»^[47].

– Девчонка на самокате, которая по ночам борется за справедливость! Честно говоря, я не удивлен...

Улыбаясь, он уворачивается от локтя Джулии.

– Да, и к тому же феминистка! Я мечтала выучить языки, овладеть боевыми искусствами, ходить на лыжах, на каяке и расстраивать коварные шпионские планы... Признаюсь, что мне нравились ее придурковатые подружки, худышка Фисель и...

– Толстушка Булот?

Джулия с удивлением смотрит на него.

– Я читал все, что попадалось под руку... – оправдывается он.

– И Рысий Глаз, помнишь? – воодушевляется Джулия. – Журналист, который был в курсе, кто она на самом деле. Ты знал, что у них с Фантометтой одинаковая фамилия, и автор так и не объяснил почему? Как будто их связывала какая-то тайна из прошлого...

Антуан улыбается. От этой улыбки у нее на мгновение перехватывает дыхание.

– Сейчас направо, белые ворота.

Джулия узнает длинную аллею, во рту появляется горький привкус.

– Ты здесь вырос? – спрашивает она чересчур сухо.

– Нет, в Марселе.

– А дом?

– Дедушкин.

Машина останавливается.

– Идем, у меня для тебя кое-что есть, – бросает он и исчезает в темноте.

Она выключает мотор. Мистраль свистит в кронах деревьев, гнет ветви. Луна освещает тяжелые ворота сарая. Джулия следует за Антуаном в дом. Из темноты налетает дурманящий запах трюфеля, напрочь отбивая остальные впечатления.

– Сюда.

Она идет на голос. Угадываются очертания длинного деревянного стола. У открытой дверцы холодильника вырисовывается силуэт: Антуан достает свою богатую добычу.

– Мы с Зербом нашли сегодня утром. Попробуй-ка.

Антуан закрывает холодильник, комната снова погружается во мрак. Перочинным ножом он отрезает кусочек трюфеля. Белые прожилки блестят в свете луны. Он осторожно подносит ломтик ко рту Джулии. Она закрывает глаза. На языке взрываются мириады вкусов. Пахнет влажностью, землей и мускусом.

– Ну, что скажешь, Лулу Беген?

Джулия улыбается, и Антуан касается губами ее губ.

Моя стрекозка!

Я вкладываю в этот дневник несколько снимков с Жаном, которые мне удалось сохранить. Я прятала их в конверте в глубине шкафа. Какое облегчение – знать, что его имя не умрет вместе с моей памятью. Как мало мы значим в этом мире...

Какая же я здесь юная! А он – такой статный! Я не устаю разглядывать его нежные глаза. Каким он был добрым!

Наступает сентябрь, и коллекция пластинок занимает уже половину моего туалетного столика. Шарль Трене вполголоса поет свою «Осеннюю песню». Мое сердце бешено колотится при каждой встрече с Жаном. Я с гордостью хожу на курсы машинисток, где меня обучают основам секретарского дела. Поздняя осень выдалась теплой. Иногда Жан ждет меня после занятий. Наши любовные свидания окрашены оранжево-красным цветом виноградников. Будущее протягивает к нам руки.

Жан заходит за мной каждое воскресенье после мессы с букетиком полевых цветов. Месяц спустя он звонит в дверь в своем

синем костюме, белый как полотно, и просит разрешения поговорить с отцом. Я жду на кухне целую вечность, трясясь как в лихорадке. Мама готовит печенья-лодочки. Тесто пахнет эссенцией флердоранжа. Когда она ставит печенье в духовку, отец кричит из гостиной:

– Генриетта, налей-ка нам лимонного ликера!

Я спешу к ним с бутылкой лимончелло. Жан нежно смотрит на меня и становится на одно колено. Я не даю ему задать вопрос и с радостным воплем бросаюсь на шею! Он надевает мне на палец кольцо с маленьким бриллиантом, и мы пьем за будущее счастье. Я очень молода, но большинство моих подруг выходят замуж до совершеннолетия, и я бы хотела поскорей сбежать из-под власти отца.

Мы обсуждаем дату свадьбы, и тут кто-то звонит в дверь.

– Входите! – кричит отец. – Проклятье, стоит только достать лимончелло, сбегается вся деревня, – шутит он, наливая себе вторую рюмку.

В дверях стоит Люсьена. Она переводит робкий взгляд с отца на Жана и не решается подойти к столу. Мое лицо озаряется, я поднимаю руку с кольцом, оно поблескивает на пальце. Люсьена бледнеет и с грохотом сбегает вниз по лестнице. Я тревожусь, встаю, чтобы помчаться за ней, но отец усаживает меня на стул.

– Пусть идет! И научись, наконец, получше выбирать знакомых. Она закончит как ее мать!

Я гляжу на него, стиснув зубы, готовая ответить, но Жан кладет руку мне на запястье, и я молча проглатываю свою гордость.

В следующие дни я летаю, не касаясь земли. Парю в облаке мягкой розовой ваты. По дороге в город мне хочется обнять каждую сосну, каждый виноградный куст и кричать о своей радости солнцу. Я вырезаю из журналов выкройки платьев, а подруги пристают ко мне с расспросами.

Но это счастье длится недолго. Прошло всего несколько недель, и Жан узнал, что его мать при смерти. Теперь у него на уме одно: заставить ее живой. Прованс освобожден, но перемирие еще не подписано. В войну почти весь флот был уничтожен, и почта между Корсикой и материком ходит с перебоями, так же как и

транспорт. Путем невероятных усилий Жану удается достать в префектуре билет в один конец на черно-белый лайнер, реквизированный армией. Он уезжает, страдая, что оставляет меня, и беспокоясь о матери. Я хотела бы поехать с ним, но женщин не пускают на военные корабли. Как я переживу разлуку?

На пристани в Марселе я не перестаю рыдать. Когда пароход дает гудок, Жан вынимает из чемодана еще одну пластинку – песню Фреэль, сует мне и бежит к трапу, который за ним тут же убирают. Я не вижу, как корабль уходит за горизонт, все расплывается от слез. Моя кожа хранит сотни его поцелуев. Кажется, я и сейчас чувствую на щеке его руку и слышу шепот: «Я буду писать каждый день».

Зербино зевает во всю глотку. Потягивается и прислушивается. Нос подергивается – с кухни льются вкусные запахи прованских трав, растопленного сливочного масла, портвейна и флердоранжа. Подняв морду, пес идет по следу. Роза – нет, фрезия, мирабель и немного дубового мха. Зербино заходит в спальню. С кровати сонно свисает рука, и он с любопытством ее облизывает. Вкус кожи незнакомый. Он поднимает глаза, узнает молодую женщину с рынка и ставит лапы на мягкое одеяло.

Медовая на вкус девушка улыбается. Польщенный Зербино радостно виляет хвостом, но потом понимает, что улыбка предназначена хозяину. Антуан в повязанном на бедрах фартуке подходит к ним и садится на кровать. Он откидывает прядь с лица Джулии и целует ее.

– Хорошо спалось?

Джулия притягивает его к себе, Антуан падает на подушку и исчезает под одеялом. Зербино недовольно моргает. Он не привык делить хозяина с другими. Смирившись, возвращается на кухню.

Растянувшись на плитке, он греет спину на солнышке. Глаза закрываются, но спать невозможно, аппетитный запах щекочет ноздри. Он сглатывает слюну, обходит вокруг стола и запрыгивает на стул. Перед ним – три нежных бараньих вырезки, обваленные в рубленом трюфеле. От них поднимается дымок – просто пытка какая-то. Зербино облизывается, повесив голову. Думает об Антуане, о том, как он хмурит брови и грозно говорит: «Зербино, нельзя!» Скрепя сердце пес слезает со стула и вяло идет к своей пустой миске. Смотрит на бьющуюся о стекло муху, решает не обращать на нее внимания и, повертевшись, укладывается в своей корзине. Печально слушает, как маятник отсчитывает секунды. Но запах не дает ему покоя, бараньи отбивные манят, танцуют перед глазами. Зербино тяжело вздыхает и уступает зову желудка. Положив лапы на скатерть, он зарывается носом в тарелку. В глотке потрясающий праздник вкуса. С отбивными покончено в два счета. Зербино носом подталкивает дочиста вылизанную тарелку на середину стола. Может, хозяин ничего

не заметит... Пса тут же начинает мучить совесть. Он залезает под диван, надеясь, что о нем забудут.

Солнце уже высоко, когда, повинувшись естественной надобности, с набитым брюхом и покаянным видом Зербино направляется в спальню. Понурился головой и поджав хвост, он стоит у кровати. Антуан и молодая женщина болтают. Голова Антуана лежит у нее на животе, она гладит его волосы, он ласкает ее нежным взглядом.

– Жионо, Варгас, Кастильон...^[48] Подборка эклектичная, но со вкусом... – улыбается она, разглядывая книги на прикроватной тумбочке.

– Не все же «Фантометту» читать...

Она смеется, ерошит его волосы и снова целует. Зербино стоит тихо. Он хотел бы исчезнуть, но ему надо во двор. Молодая женщина приподнимается на локте. Кожа у нее светлая, почти прозрачная, и когда она двигается, от постели пахнет ванилью и персиком.

Антуан целует ее в живот, потом в губы.

– Нет, подожди, – отбивается она. – Расскажи немного о себе.

Антуан безропотно садится и берет сигарету.

– Мой дед умер молодым, – говорит он, щелкая зажигалкой. – В семье профессия передавалась от отца к сыну – пять поколений трюфелеводов. Однажды на охоте собака прыгнула ему на грудь. А у него на коленях лежала заряженная двустволка, и дуло было направлено в живот. Он умер в карете скорой помощи. В Сент-Амуре до сих пор об этом говорят...

Они помолчали.

– Бабушка только узнала, что беременна. Они тайно обручились за неделю до его смерти. Один старик Флавио знал. Они с дедом были как братья.

Антуан затягивается сигаретой, глядя вдаль.

– Время было другое... В деревнях вроде Сент-Амура на мать-одиночку смотрели косо. И бабушка уехала в Марсель. Для нее это был край света! Она отдала сына сестрам монастыря Ла-Сервиан, потом приезжала его навещать. Отец стал рыбаком в марсельском порту. Настоящим морским волком! Он выходил в море один и страстно любил свое дело, знал его как никто.

При воспоминании об отце глаза Антуана загораются.

– Мать ушла от него почти сразу после моего рождения, это он меня воспитал и научил рыбачить. Мы каждое утро до рассвета выходили на плоскодонке ловить барабульку. Отец любил чаек, называл их чайки-насмешницы. А еще он говорил: «Пессимист жалуется на ветер, оптимист надеется, что ветер переменится, а реалист переставляет паруса!»

Антуан на секунду замолкает. Когда он вспоминает детство, его марсельский выговор становится заметнее. Джулия разглядывает и гладит его руки.

– Отец научил меня готовить. Он умер пять лет назад. Рак горла. Без него все не так... Однажды мне надоело возиться с парусами и пахнуть рыбной чешуей, и я все продал. Кроме этого. – Он показывает на сосновый комод, где стоит маленький черный радиоприемник, изъеденный солеными брызгами. – Его приемник. Когда мы выходили в море, он ставил его на крышу лодки. Мы вытаскивали рыбу из сетей под радио «Ностальжи».

Он улыбается.

– Я приехал в деревню. Выкупил заброшенный дедов участок и освоил новое дело. Прочел все, что сумел найти о трюфелях, а старик Флавио подарил мне Зербино.

При звуке своего имени пес оживает и проводит носом-трюфелем по руке хозяина.

– Почему деревенские относятся к тебе как к чужаку? – возмущенно спрашивает Джулия, вспомнив сцену на рынке.

Антуан мрачнеет.

– Старые дураки, они ничего не знают и не заслуживают что-либо знать!

Зербино скулит, виляя хвостом, и идет к двери, тщетно пытаясь привлечь внимание Антуана.

– А ты?

– Родители развелись, когда мне было три года, отец переехал в Лос-Анджелес. Он работает в кино. Мама живет в Париже со своим новым партнером. Они оба построили жизнь заново, много работали. Думаю, я их немного стесняла, они часто отправляли меня к бабушке, папиной маме...

– К Жанине?

– Ты ее знаешь?

Зербино больше не может терпеть, он прыгает на кровать и лает. Антуан обхватывает его голову руками, трет макушку.

– Что такое, Зерб? Не хватает внимания? Я сейчас, только выпущу его, – говорит Антуан, целуя девушку с медовой кожей. – Через секунду вернусь и устрою тебе пир горой.

Влюбленные смеются. Зербино давно не слышал, чтобы Антуан так смеялся, просто сердце радуется. Пес прыгает от нетерпения, чуть не уронив хозяина с лестницы. Обычно они выходят из дома очень рано. Новая любовь, новые порядки.

У двери старый пес настораживается. Чует опасность. Он лает, но хозяин велит ему замолчать. Зербино напрягся и рвется наружу, пока Антуан отодвигает щеколду.

– Ну, ну, Зерб! Сегодня тебе прямо не терпится!

Зербино выскакивает за дверь и делает стойку. Ветер стих. В нос ударил запах пота и собаки. Зербино лает не переставая, пока Антуан раздраженно натягивает сапоги. Пес поднимает глаза на хозяина – тот мертвенно-бледен. Куда ни посмотришь – повсюду разорение и опустошение. Площадка с трюфелями разграблена, собачьи клетки пусты.

Когда Антуан и Джулия входят в кафе на площади, все разговоры стихают.

– Где эти мерзавцы? – рычит Антуан, глядя на мужчин, сидящих за столиком с рюмками анисовой настойки.

Джулия сжимает губы, ощущая, как накаляется обстановка. Она узнает тех двоих с рынка. Шаретье развалился на стуле, раскинув руки, на губах злая улыбка.

– А марселец-то, похоже, заболел!

Антуан подсакивает к нему, хватая за ворот и поднимает, опрокидывая рюмки, бутылку и стул.

– Ублюдок! Куда ты дел моих собак?

– Пусти! Не знаю, о чем ты говоришь.

– Не держи меня за идиота, Шаретье!

– А ты – отвали от Евы!

Ева? У Джулии сжалось сердце.

– Ты действительно полный идиот! – орет Антуан.

Его держат двое официантов.

– Что здесь происходит? – кричит Люсьена, она только что вошла.

– Этот малый о чем-то толкует, да никто не понимает о чем! – отвечает Шаретье, поправляя рубашку.

Люсьена подходит к нему и недобро на него смотрит.

– Отстань от него! А ты – иди со мной!

Антуан, стиснув зубы, не спускает глаз с Шаретье.

– Шайка чертовых мерзавцев! – выплевывает он и идет к двери.

Джулия кладет руку ему на запястье, но он вырывается.

– Оставь меня.

– Что? – Джулия не верит своим ушам.

– Оставь меня!

Он хлопает дверью кафе и прыгает в фургончик. Джулия не поспевает за ним. Взвизгнув тормозами, машина исчезает.

Джулия побледнела, в груди поднимается гнев. Несправедливость происходящего вызывает яростный протест. Эмоции рвутся наружу. Черт возьми, кем он себя возомнил? Что он себе думает, можно

провести с ней ночь, а с утра пораньше выкинуть вон? Она в бешенстве. Пусть катится к своей Еве! Надо было оставить его на парковке и вернуться домой! Она ненавидит его и злится на себя. Злится на всех. Пусть проваливаются к черту! Вся эта ложь и уловки сводят ее с ума.

Вне себя от гнева, Джулия вдруг замечает хрупкую фигурку Люсьены возле церкви.

– Почему ты мне соврала? – громко спрашивает Джулия, входя вслед за ней в притвор.

Люсьена крестится.

– Я задала тебе вопрос!

Слова отскакивают от холодных стен церкви. Люсьена оборачивается и впивается в нее своими желтыми глазами.

– Значит, ты никого не уважаешь! – цедит она сквозь зубы. – Ни бабушку, ни Бога!

– Почему ты мне соврала? Мужчина на фотографии никакой не двоюродный брат! Почему? – выкрикивает Джулия.

Люсьена встает на колени перед статуей Девы Марии и шепотом молится. Сложенные под подбородком руки дрожат. Джулия с покрасневшими щеками и горящими глазами подходит к Люсьене и цедит сквозь зубы:

– Жанина знает, что ты бросила своего сына?

Люсьена смотрит на нее с ужасом. Джулия возвышается над ней, выпрямившись во весь рост.

– Так я и думала! – говорит она с издевкой. – Люсьена, как далеко ты готова зайти, чтобы сохранить лицо? Что еще ты скрываешь?

Вдруг двери ризницы открываются, и кюре быстрым шагом подходит к Люсьене. Обнимает ее за плечи. Она дрожит всем телом.

– Кто вы такая? Как вы смеете кричать в доме Божиим? – восклицает он.

Джулия кипит гневом и не сводит глаз с Люсьены. По морщинистой щеке бежит слеза.

– Уходите! – цедит сквозь зубы отец Мариус. – Уходите отсюда, пока я не вызвал полицию!

Моя стрекозка!

Вчера я была у врача. Он очень любезен – возится со старыми мозгами вроде моих. Каждый вечер мы делаем упражнения. Иногда играем в «мемори», иногда читаем газету, и я пересказываю прочитанное. Он часто просит рассказать о тебе и о том, как я провожу время. Какой день был вчера? Что я буду делать завтра? От этого у меня голова идет кругом, но я не сдаюсь. Хочу быть в хорошей форме к твоему приезду!

Каждую неделю в приемной сидит одна пара. Удивительно, как некоторые супруги с годами становятся похожи. Она всегда хорошо одета, это он болеет. Он почти не разговаривает, только без устали повторяет: «Почитай мне их». У жены всегда какие-то белые карточки в руках. Вчера я наконец решилась спросить, что она ему читает.

Со слезами на глазах она объяснила, что перед каждым визитом в клинику муж паникует. Насколько я поняла, он раньше преподавал в университете – какая-то знаменитость, писал книги, – как ты, моя милая Лили. Память этого бедолаги начала сдавать, и больше всего он боится неверно ответить на вопросы врача. Поэтому во время приемов жена делает заметки, и они потом по ним готовятся.

Меня беспокоит, что время уходит, а воспоминания от меня ускользают. Я молюсь о том, чтобы закончить этот дневник, пока не будет слишком поздно, пока я не останусь одна на этом тонущем корабле.

Иногда я захожу в какую-нибудь комнату, не понимая зачем, и мне становится стыдно. Все чаще забываю, какой сегодня день. Конечно, на часах стоит дата, но какой это месяц и какой год? Я стала класть в карман халата печать с датой – я пользовалась такой, когда работала секретаршей. Каждый вечер, слушая прогноз погоды, я передвигаю цифры на печати и думаю о тебе.

Феликс выключает фен.

– Ну что, Жизель, как подвигаются уроки информатики? – спрашивает он. – Все успешно?

Жизель в бигуди не поднимает головы от ноутбука. Сегодня, как и каждый вторник, она ходила на занятия для начинающих, которые ведет Билли, застенчивый, но очень милый пенсионер. Учеников немного. Жизель занимается прилежно.

– Как говорится, понимаю я быстро, но объяснять мне нужно долго. Вы знаете, что такое «собачка»? Это как индекс, только с хвостом. Если не нарисовать хвост, собачка не отнесет ваше письмо.

Входит Джулия, осторожно прикрыв дверь.

– Ну, Лулу, рассказывай! – Феликс встречает ее хитрой улыбочкой.

Она молча снимает куртку.

– Бабушка у себя?

– Что-то не вижу радости! Или Аполлон не оправдал свою репутацию? Успокой меня: вы хотя бы вместе провели ночь?

Жизель заинтересованно поднимает голову. Феликс орудует щеткой для волос.

– А, покраснела! Выкладывай, Лулу, хочу знать все подробности! У кого такие красивые большие руки, у того обычно...

– Потом, – обрывает его Джулия. – Пойду проведу бабушку.

Феликс огорченно пожимает плечами:

– Бедняжка Жизель, ей придется зайти за подробностями позже.

И снова включает фен.

Джулия выходит из гостиной. Ей стыдно. За себя, за свое плохое настроение, за нападки на Люсьену. Но поведение Антуана, ложь Люсьены и угасающее бабушкино здоровье – слишком большое испытание для ее нервов. Да еще редактор почти каждый день дергает ее насчет книги. Она не выдерживает.

Джулия вспоминает ночь, проведенную с Антуаном. Фотографию у него на комод. На ней – мужчина перед лодкой. Вдали на фоне ясного неба виднеется собор Нотр-Дам-де-ла-Гард. Изрезанное морщинами лицо, мозолистые руки – в одной мужчина гордо держит

рыбину, другой обнимает за плечи сына. Антуану здесь не больше двадцати, он улыбается в объектив. Справа от него стоит женщина, суровая и тощая как палка. Люсьена.

Сперва ей это показалось трогательным. А теперь она не уверена. Что, если Антуан тоже участвует во вранье Люсьены? Джулия проклиная себя, что так легко упала в его объятия. Она в ярости от того, что горе застряло словно ком в горле, после того как он бросил ее в кафе. «В конце концов, он тебе ничего не обещал!» – поддает жару внутренний голос.

Джулия на мгновение закрывает глаза. Надо взять себя в руки перед встречей с Жаниной. Делает глубокий вдох и открывает дверь. Полумрак, бабушка лежит на кровати. Ее грудь медленно вздымается. Джулия осторожно садится на кровать и берет бабушкины руки в свои. На сухой прозрачной коже виден синяк. От прикосновения Жанина открывает глаза. Сосредоточенно смотрит. И вот ее лицо озаряется:

– О, моя стрекозка! Как я рада тебя видеть!

Моя стрекозка. «Как долго еще бабушка будет помнить мое прозвище?» – думает Джулия, и сердце выпрыгивает у нее из груди.

«Вот стрекоза, закрыв глаза, летит-летит куда-то». В детстве она была без ума от этой песенки, которую ей пела Жанина. Джулия наклоняется ее поцеловать. От знакомого аромата духов перехватывает горло, она изо всех сил старается не заплакать.

– Бабуля, как ты себя чувствуешь?

Жанина слабо улыбается.

– Все хорошо. Извини, я задремала! А у тебя, милая Лили, как дела?

Джулия становится веселой и оживленной. Рассказывает о деревне, о людях, которых видела на рынке, не скупится на теплые слова.

– Старик Флавио просил тебя поцеловать.

– А! Передай ему от меня привет! – воодушевляется Жанина.

Джулия гладит ее руку, целует ладонь. Прижимается к бабушке, словно боится, что та улетит. Снимает один из своих браслетов и надевает на бабушкину руку, поправляет ей прическу, гладит по щеке. Так делала Жанина, когда Джулия была маленькой. Теперь внучка рассказывает бабушке те забавные истории, что некогда слушала с упоением и просила повторять снова и снова. Жанина

смеется тоненьким заоблачным смехом. Смеется, а глаза смотрят куда-то далеко-далеко.

– Бабуля, я тебя люблю.

И добавляет, как ей говорила бабушка:

– Больше, чем вчера, и меньше, чем завтра.

Беспокойная тень пробегает по лицу Жанины.

– Какой сегодня день?

– Среда.

– А, среда, точно.

И тихо добавляет:

– Знаешь, мне иногда стыдно.

Джулия разглядывает морщинистое лицо, много повидавшие темные глаза. И не знает, что сказать.

– Покажи-ка, что у тебя там. Новая книга?

Джулия улыбается, отпускает бабушкину руку и открывает толстый дневник.

– Нет, это одна красивая история, которую мне доверили. Тебе почитать вслух?

Лицо Жанины озаряется по-детски наивной спокойной улыбкой. Джулия вспоминает, как бабушка читала ей перед сном, и у нее опять щемит сердце. Ирония жизни бывает так болезненна. Прежде чем начать читать, она вынимает из дневника фотографию Жана Колоретти и кладет на прикроватную тумбочку. Затем аккуратно разворачивает истрепанное письмо.

Сан-Гавино-ди-Карбини, 14 октября 1944 года

Моя дорогая, мое солнце, мой душистый кустарник!

Я передал это письмо одному моряку, молясь, чтобы оно до тебя дошло. Боюсь, твой ответ нескоро достигнет наших берегов, но это не может помешать моему счастью – вспоминать твою улыбку.

Маме совсем худо, и врачи бессильны. Я провожу дни у ее постели, но не могу ей помочь. Каждое мгновение – мука. Говорят, она не доживет до Рождества. Даже не знаю, чего ей пожелать.

Я постоянно думаю о тебе. Надеюсь, что музыка немного тебя подбодрит и что ты по-прежнему хорошо учишься.

Чтобы утешиться, мои сестры много готовят, и боюсь, ты найдешь, что я поправился. Я привезу тебя сюда в наше свадебное путешествие, и мы будем на пляже есть печенье канистрелли. А пока я об этом только мечтаю вдали от тебя, у козьего сыра один вкус – печали.

*На моей горе оглушительно тихо.
Мое сердце скучает по твоему смеху,
Моя душа скучает по твоим глазам.*

*Целую тебя,
обожаящий тебя твой жених*

Жан

– *Моя душа скучает по твоим глазам.*

Голос Жанины вторит Джулии. По морщинистой щеке катится слеза. «Она до сих пор знает это письмо наизусть», – думает Джулия.

– Бабуля, расскажи мне о Жане.

Джулия знает, что найдет ответы в дневнике. Но сейчас ей хочется одного: услышать эту историю от Жанины. Ей очень не хватает бабушки, никогда еще ей не было так одиноко. Куда уходят воспоминания? Испаряются, оставляя след, эмоцию, неясное ощущение счастья? Возвращаются ли они во сне?

Жанина сжимает руки внучки.

– Мы любили друг друга... Мы любили друг друга так, как мне больше не дано было любить. Наверное, в прошлой жизни я совершила какой-то страшный грех, раз мне дали такую любовь и отняли ее...

Ее голос слабеет.

– Знаешь, он был очень красивый!

– Ты его никогда больше не видела?

– Нет...

– Бабушка, почему?

Ей кажется, что Жанина стоит в лодке, привязанной тонкой нитью, которая вот-вот порвется.

– Виноват мой отец. Я никогда не смогу его простить. Но сейчас все это кажется таким далеким...

Джулия задерживает дыхание.

– А мои герани... не знаешь, где они?

Джулия глотает слезы. Бабушку снова унесло течением. Она гладит ее волосы и нежно целует. Жанина ходит туда-сюда между этим миром и тем. «И однажды, – думает Джулия, – она не вернется».

– У вас все хорошо?

Джулия поднимает на Элиану глаза, полные слез. В коридоре пусто.

– Идемте со мной.

Медсестра привела Джулию в просто обставленную комнату. Маленький стол, несколько стульев, забытый кем-то журнал. Элиана включает чайник и кладет руку ей на плечо.

– Улыбнитесь.

Джулия может только кивнуть.

Медсестра притягивает ее к себе и крепко обнимает своими полными руками. Джулии ничего больше и не надо, чтобы отдалась горю.

– Жанине здесь хорошо. Ваш отец позаботился, чтобы за ней хорошо ухаживали. Ей очень повезло, что вы здесь, рядом! Как вы приехали, она все время сияет.

Джулия берет бумажный платок из протянутой коробки.

– Феликс каждый день с ней танцует... Когда они не отправляются в путешествие на край света! Эти двое нашли друг друга.

Джулия улыбается сквозь слезы. Сколько семей утешила Элиана? А кто утешает ее? Каково это – жить рядом с теми, кто скоро умрет? Джулия злится на себя, что так раскисла.

– Простите... Простите меня, вам, наверное, уже надоело нянчиться с родственниками...

– Не извиняйтесь. Горевать – естественное человеческое чувство, – успокаивает ее Элиана. – Тяжелее всего не больным, а близким. Для них этот дом – как вокзал перед большим путешествием. Перрон, на котором надо попрощаться. Хорошо, что наши постояльцы часто выглядят веселее посетителей!

От медсестры с большими светлыми глазами исходит спокойствие, сияние. Соприкасаясь со старостью, она обрела мудрость и безмятежность, которым Джулия завидует.

– Сегодня смерть под запретом. Ее прячут, отрицают. Неудивительно, что встреча с ней пугает. И старость нас пугает,

и болезни – их тоже прячут. Родственники приходят, у них в глазах всегда один и тот же вопрос: «Неужели я следующий в этом списке?» Они сразу представляют себе, как через тридцать или пятьдесят лет будут сидеть в кресле-каталке, все на свете позабыв... Раньше не задавали столько вопросов, и было лучше. А теперь люди хотят все сами решать, все контролировать – и пол ребенка, и дату своей смерти. Но правда в том, что мы лишь часть целого, и мы над ним не властны. Если ослабить хватку, будет только лучше – вы не находите?

Джулия вспоминает советы Феликса. Книгу, которую никак не может написать. Антуана.

– У жизни больше фантазии, чем у нас, – улыбаясь, добавляет Элиана. – Надо позволить ей вести тебя, куда она пожелает.

Звонок. Кто-то из постояльцев. Медсестра смотрит на часы. Скоро одиннадцать.

– Пойдемте со мной.

Джулия идет за ней по пустым коридорам, заходит в комнатку, освещенную ночником. Комод, кровать и маленький гардероб, ничего лишнего, но уютно. Шкаф, наверху стоит раскрытый пустой чемодан. *Вокзал перед большим путешествием.* Сердце щемит. Слабый голос зовет на помощь из ванной:

– Элиана! Элиана, где я?

– Вы в «Бастиде у смоковницы». Теперь это ваш дом, – успокаивает старушку Элиана.

С кровати искоса смотрит кошка. Пушинка. Под руку с Элианой выходит Мадлена, растрепанная, в ночной рубашке. «Похожа на привидение», – думает Джулия, сразу устыдившись этой мысли.

– Что же будет на мой день рождения? – взволнованно спрашивает вязальщица, с трудом забираясь в постель.

– Большой праздник!

– С шариками?

– И конфетти.

Лицо Мадлены озаряется.

– А про свечи не забыли? Двадцать пять – не ошибитесь! Каждый день рождения нужно отмечать как последний. Это важно.

– Все есть – свечи, шарики и даже торт, – отвечает Элиана.

– Хочу есть.

Медсестра делает недовольную гримасу.

– Только одну, Мадлена. А потом – спать. Хорошо?

Она достает из большой круглой коробки на тумбочке конфету в золотой обертке. Вязальщица дарит ей свою самую прекрасную улыбку и шепчет:

– Только одну?

– Вы неисправимы, – улыбается Элиана и выдает вторую конфету.

«Шоколад? На ночь? Эта медсестра мне определенно нравится», – повеселев, думает Джулия. Мадлена торопливо разворачивает конфету и засовывает в рот. Она достает из ящичка карманный фонарик и разглядывает фантик.

– Пушинка, слушай, – говорит она с набитым ртом. – «Есть только два способа прожить свою жизнь. Первый – так, будто никаких чудес не бывает. Второй – так, будто все на свете является чудом».

Мадлена в восторге. Она извлекает из ночной рубашки крошечный блокнот на веревочке и прилежно пишет тонкими скрюченными пальцами. Джулия улыбается, думая о шапочках, и вдруг замечает на комодке коллекцию стеклянных снежных шаров.

– Когда кто-нибудь едет в путешествие, привозит ей такой сувенир, – говорит Элиана, трясая шар. Гондола внутри покрывается снегом. – Она их собирает.

– А это! – радостная Мадлена обращается к кошке. – «Хорошие девочки отправляются в рай, остальные – куда захотят»!

– Ну, уже пора спать.

– Обещают снег. Вы не забыли про свечки?

– Конечно нет.

Элиана гасит фонарик и старательно подтыкает одеяло.

– Все будет хорошо, Мадлена, – шепчет она.

Вязальщица берет ее за руку, усталый взгляд тонет в глазах Элианы.

– Вы прекрасный человек.

Неделями я ношу свое горе между школой и домом. Приближается День Всех Святых, а вестей от Жана все нет. Я без конца слушаю пластинку, которую он подарил мне в день отъезда, печальные строчки Фрезль каждый раз доводят меня до слез.

*Как могла бы я жить,
Не будь тебя со мною?*

Милая, помнишь, мы вместе слушали эту песню?

«Война еще не кончилась», – успокаивает меня мама. Почта доставляет письма с перебоями. Я каждый день молюсь о его возвращении, иногда – чтобы его мать поскорее умерла, и потом ужасно себя ругаю. А то начинаю сомневаться, что наш роман действительно был. И только кольцо на пальце заставляет верить в лучшее будущее.

Я снова общаюсь с Люсьеной. Перед отъездом Жан показал ей новый метод, как научиться читать. Добросовестный учитель, он журил ее за пробелы в грамматике и хвалил за прилежание. К его приезду Люсьена решила научиться читать без запинки и занимается каждый день после школы. Я часто вижу ее у фонтана: закутавшись в большое дырявое шерстяное пальто, она сидит там с книжкой, пока не стемнеет.

Через спальню ее матери по-прежнему идет поток мужчин, поэтому, когда отца нет дома, я приглашаю Люсьену к нам. Мы почти не говорим о Жана. Из стыдливости, из суеверия? Привязанность к нему объединяет нас в нетерпеливом ожидании его возвращения. И вот однажды прибегает мама, растрепанная, с улыбкой до ушей.

– Тебе письмо!

С колотящимся сердцем я накидываюсь на него. Благословляю Небо, пославшее мне Жана. Мечтаю о нашем будущем счастье, о встрече, о свадьбе, о нашей совместной жизни и краснею, думая о свадебном путешествии. Вечером за ужином я болтаю без умолку, и мама счастлива, что ко мне вернулась радость жизни.

Не удержавшись, я делюсь новостями с Люсьеной. Она слушает вполуха, уткнувшись в учебник. Она стала забывать Жана? Иногда я вижу ее с Эмилем, долговязым, тощим и прыщавым деревенским пареньком, у его отца на горе участок с трюфелями. Но недели идут, день за днем я открываю почтовый ящик, с ужасом убеждаясь, что он пуст. Зима сменяет осень. Меня так тревожит отсутствие Жана, что я боюсь об этом думать. Неужели он меня забыл?

– Люсьена – бабушка Антуана? – с удивлением переспрашивает Феликс.

Джулия, Феликс и Жанина гуляют вокруг фонтана. Закутанная в шаль старушка тихо сидит в кресле-каталке.

– Знал бы ты, как я себя ругаю, что вот так накричала на нее в церкви... Не знаю, что на меня нашло.

– Сходи извинись... и позвони Антуану!

– Феликс, но он же меня бросил! Как вспомню, хочется выть.

Он накрывает ее ладонь своей.

– Лулу, погоди, не горячись. Очевидно, Антуан невольно разбередил твои старые раны и...

– Великий Гэтсби, специалист по кухонной психологии! – перебивает Джулия, выведенная из себя его словами.

Разве наш гнев – не отзвук прошлых обид?

– Насмехайся! Все равно ты знаешь, что я прав. Просто Антуан задел больную струну. Его поведение! Я горжусь своей Лулу... Прежняя Джулия никогда бы не оказалась в его постели – а попивала бы свой травяной чай!

Она опускает голову, пряча слезы.

– Хватит писать чужие истории, займись своей. Ну и пусть это может быть страшно. Ты отдалась чувствам целиком, без оглядки, и готов поспорить, это была лучшая ночь в твоей жизни. Или я не прав?

Она пожимает плечами и одним махом отменяет все его аргументы:

– А может, Люсьена велела ему за мной приглядеть, чтобы я не узнала правду...

– Ты говоришь ерунду. А хоть бы и так, что он может сделать? Если честно, наверняка ему плевать на старые истории. Лично я думаю, это касается одной Люсьены. Кстати, ее здесь давно не видно, – замечает он. – Я, конечно, не собираюсь защищать Антуана, но у него были причины злиться...

Они молча идут по аллее. Пахнет скошенной травой – на другом конце парка тарахтит газонокосилка.

– Видел бы ты его участок! – говорит Джулия. – Одни ямы. Как будто там поселился выводок кротов. Воры, похоже, приходят с налобными фонарями, может, даже с приборами ночного видения, как у военных, чтобы издали заметить хозяев. И все ради трюфелей! Ну и конечно, никто ничего не слышал...

– Даже его собака?

– Участок огромный, а бедняга Зербино туговат на ухо.

– И ты думаешь, в этом замешаны деревенские старики?

– Антуан в этом не сомневается. Им не нужны чужаки, и они на все пойдут, лишь бы он здесь не остался. Что за бред! Ведь он не чужой на этой земле!

– А по-моему, бред – считать, что шестьдесят лет спустя Люсьена настолько боится косых взглядов, что запрещает своему внуку говорить, кто он на самом деле!

Лицо Джулии мрачнеет.

– Я собираюсь узнать всю правду! Уверена, что Жозеф и Люсьена разрушили бабушкину жизнь. Почему? Пока не знаю, но сдается мне, Люсьена гнется под тяжестью вины. Не могу прийти в себя от мысли, что она всю жизнь прожила с этим и не решилась никому открыться.

Она кладет руку на плечо Жанины, которая, похоже, витает где-то далеко.

Втроем они проходят мимо Пьеро и Фернана. Оба друга в шерстяных шапочках сидят за каменным столом и спорят из-за партии в шашки.

– А ты потом видел малышку Мишель, дурик? – кричит Пьеро.

– Видел ли я ее? Черт возьми, да я на ней женился!

Феликс подмигивает Джулии.

– Встреча старых друзей?

– И это никогда не надоест!

Решительным шагом подходит Жизель с ноутбуком под мышкой.

– Я должна вам кое-что показать! – гордо заявляет она.

Все трое усаживаются в широкие плетеные кресла на веранде. Взгляд Жанины устремлен вдаль. О чем она думает?

– Джулия, я тут подумала, мне очень нравится ваша идея насчет шапочек с посланиями, – говорит Жизель с серьезным видом.

– Вы о шапочках Мадлены?

– Да, Феликс мне сказал, что вы хотели бы их продавать в Париже. Джулия весело кивает.

– Шайка бабушек, которые вяжут наперегонки!

– Мы поговорили с Феликсом и решили, что будущее за интернетом.

Жизель делает паузу, чтобы Джулия могла переварить эту потрясающую мысль.

– Перед тем как Селестен потерял память, он купил ноутбук. Говорил, что компьютер продлит нам молодость! Забавно, если подумать. В общем, после того разговора об интернете и о Мадлене я решила походить на уроки информатики. И попросила Билли показать мне, как сделать сайт. Вначале он был настроен скептически, но понемногу – можно сказать, петелька за петелькой, строчка за строчкой – втянулся. В отличие от Билли, я не из терпеливых, от всех этих слешей, кавычек и тройных щелчков у меня быстро голова пошла кругом. И мы решили, что он делает сайт, а я осуществляю общее руководство. Ясное дело, пришлось повозиться. Но посмотрите, что получилось. Ручная работа!

Страшно довольная собой, Жизель торжественно открывает ноутбук. Крутя колесико огромной мыши, она листает страницы. С экрана смотрят Пьеро и Фернан, их поредевшие шевелюры прикрыты разноцветными шапочками. Вокруг мигают гифки, прямиком из девяностых.

– Mad'Laine? – читает Феликс между фотографиями кошки и радуги.

Жизель вся светится.

– Так называется наш магазин! Английские названия хорошо продаются. Так сказал внук Билли. Это была его идея, а поскольку он маркетолог, я согласилась. Я так подробно рассказываю, чтобы вы ничего не упустили! Выбираешь шапочку, щелкаешь мышкой – и деньги в кассе. Называется он-лавка.

– Онлайн-лавка?

– Вот именно, он-лавка.

Джулия с Феликсом улыбаются. Из большой гостиной доносятся аплодисменты.

– Мадлена вяжет в ускоренном темпе. К открытию все должно быть готово! Хорошая новость: Билли всех знает в деревне, многим рассказал о проекте, и каждый захотел внести свою лепту. У нас уже десять заказов, три – для мясника, похоже, в его холодильнике не больно жарко. Хозяйка галантерейного магазина прислала в «Бастиду» две большие коробки с шерстью и разрешила заплатить, когда сможем. А библиотечарша отложила для нас книжки с цитатами, которые должны вдохновить Мадлену на послания, но я уверена, что она и без них справится. Мадлена у нас философ.

Джулия аплодирует, в восторге от неожиданных талантов Жизель, – да, ей явно не место в «Бастиде». Внезапно из соседней комнаты доносятся крики ужаса.

– Что происходит?..

Феликс не успевает договорить – на веранду выбегает лама, ее шея обмотана шерстяными нитками.

– Держите ее! – вопит Пьеро, преследуя животное.

Джулия и Феликс ошарашенно смотрят, как Пьеро с воплем запрыгивает на ламу. Жанина хохочет.

– Надо же, а ты не потерял хватку! – восклицает Фернан.

– Она не быстрее зайца! Но воняет...

Следом за пыхтящим Фернаном появляются Мадлена и Элиана.

– Да что же это такое! – кричит Элиана. – Привели бешеное животное в дом престарелых! Наши мероприятия должны стимулировать пациентов, а не травмировать! Она могла покалечить кого-нибудь из постояльцев!

– Или кошку! – добавляет Мадлена.

Жанина плачет от смеха.

– Что за дикая мысль – надеть на ламу шапку? – негодует Фернан, распутывая нитки.

Жизель не обращает внимания на суматоху. Подняв голову от экрана, она обращается к Мадлене:

– За работу, у нас полно дел!

Список маленьких радостей жизни (продолжение)

Вгрызться в спелый персик.

Отпустить пару ругательств.

Облизать ложку.

Увидеть, как улыбается Азнавур.

Разглядывать костюмы фигуристок.

Выкинуть шестерку, играя в кости.

Вспомнить слово, которое вертится на языке.

Отрывать хвостики у стручков фасоли.

Отыскать ягоду в зарослях ежевики.

Настежь открыть ставни.

Прыгать через скакалку.

Катиться на велосипеде под горку.

Придерживая платок под подбородком, Люсьена входит в церковь через боковую дверь и тщательно запирает ее за собой.

Она крестится и становится на колени перед распятием. Красный светильник у дарохранительницы тускло освещает пустой неф. Люсьена любит, когда в храме ни души. Тени играют на ее лице, пока она идет мимо свечей по центральному проходу. Одна из прихожанок вызвалась расставлять скамейки и убирать книги после вечерней мессы. Люсьена недоверчиво проводит пальцем по натертому воском дереву.

– Что сделано плохо, то надо переделать, а что надо переделать, то не сделано, – ворчит она и, сгорбившись, идет к ризнице.

В маленькой комнатке чисто, все на своих местах. Ловким движением она ставит лестницу под люком, ведущим на чердак, и подбирает юбку. На чердаке сложены коробки с надписью маркером: «Сантоны».

Она спускает коробки по одной, кряхтя от натуги, и несколько раз едва не сворачивает шею. Обычно ей помогают отец Мариус и Мирей Фурнейрон. Чтобы избавиться от этой Мирей, Люсьена решила в этом году заняться вертепом одна. На прошлое Рождество Мирей задумала порадовать прихожан чем-то новеньким и добавила в композицию несколько фигурок, привезенных из путешествий, – андалузскую куклу, слона и стеклянный снежный шар. Люсьена чуть не отдала Богу душу, когда в рождественский вечер обнаружила рядом с коленопреклоненной Марией смеющегося Пьеро.

Она осторожно вынимает из тонкой оберточной бумаги сантоны работы Карбонеля^[49]. Достает из кармана исписанную корявым почерком бумажку. Три месяца она прикидывала, как расположить домики, рисовала сценки, прочесывала специальные магазины и помечала красным крестиком, куда поставить главные фигурки – восхищенного крестьянина с воздетыми руками и розовощекого мельника, ее любимые.

Люсьена никогда не признается, но самую большую радость в работе на церковь ей доставляет именно подготовка вертепа. И еще

еженедельные обеды с отцом Мариусом.

Склонившись над облезлым декоративным мхом, она принимается за дело. Сначала устанавливает хлев с голубятней, немного поодаль – церковь, перед которой с любовью ставит фигурку кюре в сутане. Затем – хижину, прачечную, фонтан с цветами и рядом с ним – провансальскую девушку с кувшином. Мельницу с лавандовым полем, каменные домики и оливу, под которой отдыхает невзрачный ослик. Наконец, она укладывает мох вокруг школы и ставит туда учителя. Фигурка многое повидала на своем веку. Люсьена ногтем скоблит запылившуюся книжку, которую учитель держит в руках. Она внимательно разглядывает каждую деталь: тонкие усики, темные волосы, изящную бородку.

– Почему он должен был уехать?

Ее голос эхом отражается от холодного камня. Люсьена прислушивается в ожидании ответа. Вот она уже и думает вслух, мелькает в голове тревожная мысль. Ее гложет чувство вины, и все отсылает к прошлому – к Жанине и Жану. Запахи, обрывки мелодий. Мужчина, которого она однажды вечером в кафе приняла за Жана. Убедившись, что в церкви никого нет, она со вздохом достает из халата потрепанное письмо.

Дорогая, солнышко мое, птичка моя!

От моей невесты до сих пор никаких вестей. Мое сердце тонет в разделяющем нас море. Я представляю, как ты готовишься к Рождеству, украшаешь елку, печешь пирог и облизываешься на тринадцать десертов вашего края^[50], по которому я так сильно скучаю.

Стиснув зубы, Люсьена красными от бессонницы глазами пробегает текст, который знает наизусть. Она останавливается на много раз перечитанном абзаце и задерживает дыхание.

Я не забываю дорогую Люсьену. Надеюсь, она хорошо занимается и держит обещание, которое дала перед моим отъездом. Передай ей уверенность в моей привязанности и слова поддержки.

Люсьена проводит скрюченным от артроза пальцем по ровному учительскому почерку. *Дорогую Люсьену. В моей привязанности.*

На обратной стороне чья-то неумелая рука нацарапала карандашом несколько набросков. В них угадывается молодой человек анфас, в профиль и в три четверти. Тонкий нос и большие веселые глаза, на которые спадает непослушная прядь.

Она качает головой, убирает письмо в сумку, крестится и возвращается к своим сантонам.

Мы с мамой сидим у камина, она вяжет, я сосредоточенно делаю уроки. За окном зима. Веселая желтизна мимозы печально контрастирует с унынием, в которое я погрузилась из-за молчания Жана.

Мама беспокоится, что уже поздно, а отца нет дома. Две недели назад он играл в петанк^[51], и ему стало плохо. Сельский врач, игравший вместе с ним, осмотрел его. Отец отмахнулся от предостережений и продолжил игру. С тех пор мама крестится всякий раз, когда он выходит из комнаты.

Часы бьют девять, когда на пороге появляется отец с незнакомым молодым человеком. Ему за двадцать, приветливое лицо. На нем кепка, темно-синий плащ без рукавов, на ремне – пистолет.

Его зовут Гастон.

Гастон Марсель Пайяр.

Блондин, круглолицый, розовощекий, у него чистый звонкий смех. Смотреть не противно. Отец, несомненно, думает так же, знакомя нас. Он слегка пьян и не устает нахваливать этого жандарма с прекрасным будущим. Мы обмениваемся пресными вежливыми фразами. Гастон не разбирается ни в музыке, ни в литературе.

Отцу он очень нравится и все выходные проводит у нас. Иногда они целый вечер где-то пропадают, а мама тревожится, сидя в гостиной. Я отношусь к Гастону с безразличием, замечаю, только когда он приходит с букетом или где-то раздобудет апельсины. В один прекрасный день отец объявляет, что я выйду за Гастона замуж.

От неожиданности я падаю со стула. Потом начинаю хохотать. Отец дает мне пощечину. Где это я научилась насмехаться над отцовским авторитетом? Я громко возмущаюсь, кричу – он что, не собирается держать свое слово? Его обещание Жану ничего

не стоит? Отец стискивает зубы и обвиняет меня в том, что я не смогла удержать жениха.

Мое сердце перестает биться.

Лучше умереть, чем подчиняться его приказам! Я надолго запираюсь в своей комнате. Отцу наплевать. Тогда я пытаюсь его задобрить, напоминаю, сколько прекрасных часов мы провели с Жаном. Он непоколебим. Молчание Жана говорит само за себя, и моя честь не должна быть запятнана человеком без принципов! Окончательно выйдя из себя, он бранит меня на чем свет и нападает на маму, которая умоляет меня принять предложение Гастона.

Как же я ненавижу этот мир – он стоит только благодаря женщинам, и он же их ломает. Сколько ночей я тогда провела без сна, мечтая о победе... Как злилась на Жана! Где он, клявшийся меня защищать и любить – в этой жизни и во всех последующих? Где он, посуливший мне мир, где мужчины вооружены лишь лаской и уважением, когда в моем мире все решается ремнем и поркой?

Люсьена понимает мою ярость. Она крепко обнимает меня. Я рыдаю взахлеб.

– Не плачь, – утешает она. – В конце концов, Гастон неплохо одевается и симпатичный. Говорят, с ним весело и он далеко пойдет.

– А Жан?

Она берет меня за плечи и пристально смотрит в глаза. Люсьена очень выросла и теперь выше меня сантиметров на пять.

– Мужчины ничего не стоят, – произносит она серьезным тоном, который так не вяжется с ее детским лицом. – Им всем нужно одно, а дают они, только чтобы получить взамен. Выходи замуж за Гастона и будь счастлива. А тот, другой, так ему и надо! – И она плюет на землю.

Люсьене тринадцать лет, но голова у нее не забита мечтами. Жизнь не дала ей ничего, даже ложных надежд. В тринадцать лет для нее все мужчины – мерзавцы. Любовь, которую она питала к Жану, превратилась в ненависть – ко всем мужчинам без разбора. Ненависть, которая растет с каждым взглядом в сторону материнской комнаты, где любовь предлагается всем желающим, а для Люсьены не остается ничего. Я сжимаю кулаки и решительно поднимаю подбородок. Завтра мэрия опубликует объявление о моем бракосочетании.

Люсьена ставит на стол дымящуюся кастрюлю с тушеным мясом и морковью. Зербино положил морду на колени старику Флавио, тот протягивает Люсьене тарелку. Обстановка напряженная. Хозяин рта не раскрыл с того самого утра. Люсьена очень бледна, и у нее дрожат руки, когда она накладывает мясо на тарелку Антуана.

– Что сказали жандармы?

– Что будут смотреть в оба. Как же! – негодует Антуан.

– Сволочи...

Старик Флавио макает хлеб в соус.

– А ты им спускаешь! – внезапно взрывается Люсьена.

Антуан мрачно смотрит на нее.

– Я им спускаю? Это ты мне говоришь? Ничего бы не было, если бы ты не боялась этих гадов, как Господа Бога!

Люсьена ударяет кулаком по столу, еле слышно звенят бокалы.

– Хватит! Я уже не в том возрасте, чтобы меня унижали и говорили, что делать!

– И не в том возрасте, чтобы бояться призраков! Меня уже достало это вранье! И эта деревня! Я уеду, но сперва пусть узнают, что я у себя дома – как они все!

– Вот-вот, уезжай! И заведи с собой эту проклятую девчонку! Она везде сует свой нос! Ничего путного из этого не выйдет, уж поверь!

Она падает. Антуан едва успевает ее подхватить.

– Люсьена, что с тобой? – пугается старик Флавио. – Сядь!

Он бежит на кухню и возвращается с полотенцем, смоченным холодной водой. Кладет его Люсьене на лоб, наливает стакан воды. Она слабо отталкивает его руку.

– Иди приляг.

В спальне Антуан закрывает ставни. Флавио возвращается в гостиную, Зербино ходит за ним по пятам. Люсьена хватается внука за рукав.

– Антуан...

Он садится на кровать.

– Если я скоро умру, знай, что я поступила так, потому что считала, что так лучше. А в остальном...

– В остальном...

– Знаешь, я хотела как лучше...

– О чем ты говоришь?

– Не дай никому изменить твое мнение обо мне. Умоляю! Особенно – Джулии.

Антуан встает, ему так странно вновь услышать это имя. Что общего у Джулии с Люсьеной, с тем, что ей внезапно стало плохо?

– Берегись этой девицы, mèfi! – продолжает она слабым голосом. – Я совершала ошибки, но я была искренна в своей любви к другим.

О чем она говорит? Антуан не понимает. Хочет спросить, но бабушка уже закрыла глаза – кажется, спит. Он гладит ее руку и выходит, тихонько прикрыв дверь.

Самая грустная свадьба на свете. Платье сшили из остатков белого шелка. Мама изо всех сил пытается спасти праздник, но ей так и не удается выжать из меня улыбку. Отец уже месяц с нами не разговаривает. При первой возможности уходит куда-то с Гастоном. Мой будущий муж любит табак и анисовую настойку – это все, что я о нем знаю.

Я иду к алтарю под руку с отцом, а мои мысли витают где-то над Средиземным морем. Потерявшись в морской пучине, я молю Бога, чтобы Жан вдруг оказался в церкви. Я уже не знаю, кто я и куда движется моя жизнь. Пытаюсь успокоиться, глядя на довольные лица подруг и Люсьены, сидящей в первом ряду.

Да, милая Лили, я была замужем до твоего дедушки. Теперь ты понимаешь, почему в доме нет фотографии, где мы с ним улыбаемся под дождем из рисовых зерен. Я уже венчалась в церкви, и мне стыдно, что ты узнаешь об этом только сейчас. Не думай, что я легкомысленная женщина, готовая влюбиться в первого встречного. Любви там не было.

После церемонии отец устроил банкет. Фотограф его отснял, но я сожгла все фотокарточки. Иногда мне удается себя убедить, что этой свадьбы не было. Гастон в тот вечер очень много пил, а когда настало время уезжать, расплакался.

Поезд уносит нас в свадебное путешествие в Нормандию. Гастона воспитала старая тетушка, уроженка острова Мон-Сен-Мишель. Я впервые покидаю родной Прованс. Запах океана не идет ни в какое сравнение с запахом Средиземного моря. Сыро, холодно, Гастон проявляет ко мне вежливое безразличие. Разумеется, я молода и наивна, но целомудренные поцелуи, которые он каждый вечер запечатлевает на моем лбу, не перестают меня удивлять. «Наверняка это моя вина, – думаю я. – Что-то во мне отпугивает мужчин. Жан меня бросил, и муж от меня отворачивается». Но с кем посоветоваться? Мне ужасно одиноко и не хватает мамы.

По возвращении Гастон поселяется у нас. Он часто дежурит по ночам, и мы мало видимся. В первое время мне кажется, что в моей жизни ничего не изменилось. Я могу спокойно ходить, куда мне вздумается, только в кровати сплю не одна. Я получила диплом машинистки и, пока ищу работу, помогаю отцу в скобяной лавке.

Проходят месяцы, отец все чаще оставляет на меня лавку. Каталоги товаров, счета и бухгалтерские книги для меня уже не тайна за семью печатями. Дела идут хорошо, покупатели довольны. К моему большому удивлению, отец соглашается платить мне жалованье. Те небольшие деньги, что я получаю, я отдаю Гастону. С отвращением. Он молча убирает их в тумбочку.

Однажды в лавку заходит покупатель. Темные волосы, голубые глаза, ненамного старше меня. Шрам над левым глазом придает ему оригинальности. Он робко улыбается, словно извиняясь, что пришел.

– Мне нужна игрушка. Для ребенка, для мальчика.

Его раскатистое «р» выдает уроженца холодной Бретани.

– Сколько мальчику лет?

Мой вопрос застает его врасплох.

– Примерно вот такой...

Он разводит руками, показывая маленькую коробку, полено, большую буханку или крупную рыбину. Я хохочу. Он краснеет.

Я веду его вдоль прилавка, показываю плюшевого медведя, нашу коллекцию оловянных солдатиков, волчок, машинки. Он выбирает уточку на колесах. Пока я упаковываю ее в коробку, мы знакомимся. «Я из Плумильо, – говорит он, не поднимая глаз от уточки. – А вы бывали в Бретани?» Я киваю, он сияет и, рассказывая о родном крае, наконец решается взглянуть мне в глаза. Застенчивого

и обходительного юношу зовут Батист. Он морской офицер, служит в Тулоне и приехал в гости к друзьям, которые живут в нашей деревне. Я вручаю ему покупку, мы прощаемся. Из-за неподвижного века кажется, что он мне подмигивает.

На следующий день я снова вижу забавное лицо Батиста. Ему нужен половник. И корзина. И вакса, и тазик, и кофейник, и гвозди. Я уже жду его прихода. Постепенно мы знакомимся ближе. Иногда он помогает мне расставлять товары, подметать или сортировать шурупы. Я ему доверяю. Мне нравится, как он умеет слушать.

Возвращаться домой с каждым днем все страшнее. Гастон часто прикладывает к бутылке, а то, как он разговаривает с мамой, просто выводит меня из себя. По неизвестной мне причине именно она – объект его насмешек и отвратительных шуток. А отец как будто ничего не слышит. Как-то вечером за ужином Гастон с гордым видом сообщает, что собирается уйти из жандармерии и купить кондитерскую. Он хочет заняться торговлей, и ему нужна моя помощь.

– Скобяная лавка – не место для женщины! – заявляет он.

Я в недоумении поднимаю голову от тарелки. Мало того, что он забрал мою свободу, так еще хочет, чтобы я ушла с работы?

– Я брошу работать, когда ты бросишь пить. Так что времени у нас много.

Гастон отодвигает стул и вlepляет мне звонкую пощечину. Мама вскрикивает. Я поднимаю глаза на отца, который увлеченно нарезает хлеб, словно ничего не видел. О чем он думает? Он уже давно еле разговаривает со мной. Чувствует ли он себя виноватым за то, что этот человек вошел в нашу жизнь? Сильно сомневаюсь. В то время женщины мало что значили, дорогая Лили. В Гастоне отец обрел сына, которого у него никогда не было.

Они спокойно ужинают, как будто нас с мамой там нет. Мама молча подает на стол. И я понимаю, что Жан не бросал меня, это отец нас разлучил, чтобы освободить место для Гастона. Отец сжег письма Жана? Или написал ему про меня самые ужасные небылицы? Этого я никогда не узнаю.

В тот вечер я обещаю себе покончить счеты с жизнью. Когда и как, не знаю, но решение принято. Я сдерживаю гнев и стискиваю зубы.

Проходят недели. Батист время от времени приглашает меня на порцию мороженого в кафе на площади. Сам он больше курит, чем ест. Рассказывает о своей родной Бретани, о скалах и бурном море, о равнинах и деревушках, о том, куда он мечтает поехать, и о ферме, на которой родился. Возвращаясь из отпуска, он привозит мне гостинцы – бретонское песочное печенье или тонкие блинчики на соленом сливочном масле. Разговоры с Батистом помогают мне держаться. Дома ссоры и скандалы все чаще, мама чахнет на глазах. Нежность и уважение, которые питает ко мне Батист, внушают надежду. На этой земле все же есть мужчины, достойные нашей любви...

Однажды утром Батист объявляет, что уезжает, – на следующей неделе он должен прибыть в Марокко, где теперь будет служить. От этих слов мое сердце сжимается. У меня забирают единственного друга! Батист не очень красноречив, но уверяет, что всегда будет рядом, если мне понадобится помощь. Я записываю его адрес и обещаю писать. Тогда я не знала, что этот клочок бумаги спасет мне жизнь.

Бабушку насильно выдали замуж! Побледневшая Джулия откладывает дневник и взволнованно смотрит на Жанину. Та сидит в другом конце гостиной, не отрываясь от телевизора. На маленьком экране двое игроков соревнуются, рассказывая истории, слышны аплодисменты. У Жанины впалые щеки, она похудела. Сегодня утром врач отозвался о ее состоянии без особого оптимизма.

Феликс грустно вздыхает. Дневник растрогал его больше, чем можно было предположить. На вытянутых руках Феликс держит шерсть, на другом конце нити Мадлена – сосредоточенно сматывает клубок. Феликс сидит рядом с Джулией. Она читает вслух, и повествование захватывает Феликса все больше. Дата наверху страницы – октябрь, незадолго до переезда в «Бастиду». Успела ли Жанина закончить свою историю?

– Время было другое, – Феликс, с трудом подбирая слова, утешает Джулию. – Мужчины считали, что поступают правильно, и у них была власть...

– Ломать жизнь своим женам и дочерям в угоду своим капризам!

Она сглатывает – в горле словно что-то застряло. Жанина напевает знаменитую мелодию Азнавура.

– Все-таки странно, что отец так быстро выдал ее замуж, – размышляет Феликс, крутя запястьями. – Он же обещал Жану...

– Наверное, испугался, что тот пропал, перестал писать, – ищет оправдание Джулия. – Молчание Жана невозможно объяснить. Только если бабушку обманули...

– Этого мы уже не узнаем.

Пушинка долго потягивается, потом прыгает на колени к Феликсу. Тот кричит от боли.

– Эта кошка стала еще толще!

Мадлена поднимает голову и улыбается.

– Обещают снег.

Она берет полоску бумаги, пишет несколько слов, засовывает в шапочку своими скрюченными пальцами и снова принимается

за клубок. Джулии страшно хочется прочесть послание и узнать, кому оно предназначено.

– Батист – это твой дедушка? – спрашивает Феликс.

Джулия грустно улыбается и не успевает ответить, как вдруг телефон Феликса начинает вибрировать. Джулия протягивает его Феликсу, тот поднимает руки с мотком шерсти.

– Это Кики, – Джулия читает сообщение.

– Кто?

– Кики... Кики Генгет!

Феликс хмыкает.

– Что ей нужно?

Глядя в телефон, Джулия заинтересованно поднимает бровь.

– Пересылает объявление! «Марсельскому мюзик-холлу требуются разноплановые танцоры. Рост не ниже 170 см. Сценический опыт приветствуется. Если этот кастинг вам...»

– Ладно, можешь удалять, – обрывает ее Феликс, одновременно пытаясь скинуть на пол кошку.

Джулия не отводит взгляд. Его зеленые глаза потемнели.

– Кастинги меня не интересуют, – оправдывается он. – Вечно одно и то же. Грызня, все норовят друг друга подставить... День потерян, а толку никакого.

Оба молчат.

– Боишься?

Феликс пожимает плечами и скидывает Пушинку. Жирная кошка, мяукнув, плюхается на пол.

– Боишься! – заключает Джулия. – Ну, это уж слишком! Где же тот, кто проповедовал уязвимость, открытость к новому, готовность все потерять, чтобы почувствовать себя живым?

– А ты быстро учишься!

– Спорю на пятьдесят евро, что тебе слабо туда пойти!

Лицо Феликса становится непроницаемым.

– Не настаивай. Конкурсы – это не мое. Мое место здесь, возле Жанины.

Освободившись от ниток, он подходит к граммофону и ставит пластинку. В гостиной раздаются звуки свинга.

– Жанина, разрешите пригласить вас на танец?

Пожилая дама радостно протягивает ему руку, и они начинают медленно кружиться. Мадлена качает головой в такт. Феликс, сосредоточившись на танцевальных па, не замечает, как Джулия что-то пишет в телефоне. «Хорошо танцует тот, кто танцует последним», – думает она. Отправив сообщение, заодно отвечает редактору. Тот очень доволен скоростью, с какой продвигается книга. Ему особенно понравился литературный портрет трюфелевода и его пса. Можно ли сделать побольше фотографий? Джулия закатывает глаза. Встретиться с Антуаном? Лучше умереть! Уже два дня как она не отвечает на его сообщения, несмотря на увещевания Феликса. Ей бы только закончить книгу, разобраться с бабушкиными тайнами, и можно возвращаться в Париж. Да, еще – поговорить с врачом. Бабушкино здоровье внушает тревогу, и надежды вновь увидеть прежнюю Жанину тают с каждым днем.

Джулия гладит дневник кончиком пальца, осторожно листает и вынимает снимок, на котором Жан Колоретти и Жанина держатся за руки. Что могло произойти, почему он так внезапно исчез? Она разглядывает его глаза, его улыбку. Ничто не предвещает будущую трагедию. Бабушка выглядит такой беззаботной, что у Джулии сжимается сердце.

В гостиную входит торжествующая Жизель. Она в платье цвета зеленого яблока, щеки нарумянены – навела красоту.

– Будущее за интернетом! – восклицает она.

Лицо Джулии озаряется. Будущее. Как она раньше не подумала? А вдруг еще не поздно переписать прошлое?

Список звуков, от которых у меня сердце радуется

Звон колоколов в деревне.

Скрип жерновов, перетирающих масла.

Первая июньская цикада.

Плеск фонтана на площади.

Скрип калитки, возвещающий о приходе Люсьены.

Скворчание лука на сковородке.

Вступление к программе Наги.

Шелест листьев моего абрикосового дерева.

Летние песни влюбленных лягушек.

Колокольчики коз в горах.

Хруст гравия под велосипедом почтальона.

Хлопок, с которым пробка вылетает из бутылки розового вина.

Фейерверки 14 июля.

– «Бабушка-вязальщица сводит с ума мир моды», – читает Джулия восхищенным постояльцам.

Они слушают в полной тишине, словно на церковной службе.

На пятой странице утренней газеты фотография: Мадлена и Жизель держатся за руки, Пьеро и Фернан, широко улыбаясь, демонстрируют шапочки.

– «Сразу после запуска сайт магазинчика обвалился из-за обилия заказов. В чем причина такого успеха? Шапочки вручную вяжет бабушка-философ! Счастливые обладательницы признаются, что шапочки с загадочными посланиями изменили их жизнь».

Радостные крики. Сияющая Жизель целует Мадлену, которая продолжает вязать под угрюмым взглядом Пушинки. Билли, с пылающими ушами, утопая в свитере, который ему велик, нежно смотрит на Жизель.

– Что ж, дамы, пора нанимать сотрудников! – восклицает Феликс.

– Вопрос уже решается, – Жизель так серьезна, словно руководит крупной компанией. – Мы получаем письма со всей Франции, бабушки предлагают для нас вязать. Но мы очень требовательны в вопросах качества – не так ли, Мадлена?

Мадлена улыбается, лицо маленькой мышки лучится радостью от хороших новостей.

– Принести вам чего-нибудь выпить?

– Нет, Мадлена, некогда, может быть, сам президент Франции сейчас заказывает шапочку! Билли, у нас тоже дел по горло! Где Пьеро и Фернан? Нужно их сфотографировать в последних изделиях Мадлены!

Билли хватает камеру и устремляется за ней. Элиана подмигивает Джулии – похоже, у Жизель многое впереди.

– Карлу Лагерфельду – не расслабляться! – объявляет Феликс. – Жанина, не желаете ли посетить Париж? Воспользуемся возможностью полюбоваться Сеной и станцевать танго на набережной!

Жанина радостно улыбается. Мадлена перегрызает нитку, вертит в руках шапочку, проверяя, нет ли какого изъяна, и протягивает ее

Джулии.

– Спасибо, Мадлена, какая прелесть! Феликс, нам пора ехать. Элиана, вы его подмените?

Элиана кивает, а Феликс бледнеет.

– Точно пора?

Но Джулия уже открывает дверцу машины.

Моя дорогая малышка!

Пишу тебе, лежа в постели. Сон, будто давний враг, снова бежит от меня. Потому ли, что мой дух готовится к путешествию? Или из-за воспоминаний, которые теснятся в бедной голове?

Вчера меня охватили угрызения совести, и я чуть не бросила в огонь дневник, фотографии, всё. Ругала себя, повторяя: «К чему это?» и «Что она подумает?». А потом зазвонил телефон. Это ты, моя стрекозка, хотела узнать, как я поживаю. От твоего голоса сердце снова запело. Ты сказала, что не приедешь до Рождества, но думаешь обо мне. Знала бы ты, мой ангел, сколько счастья мне приносят твои звонки! Я была так рада и, ободрившись, решила, что ты имеешь право знать. Неважно, что ты подумаешь обо мне и будет ли задета память тех, кого уже нет. Думаю, смерть не может служить оправданием, и некоторые покойники не заслуживают большого уважения.

Однажды вечером Гастон вернулся домой поздно. Лежа в нашей супружеской постели, я притворяюсь спящей, чтобы не пришлось с ним разговаривать. Накануне мама безуспешно пыталась скрыть синяк под глазом – говорит, упала на кухне. Отец все больше закрывается в своем молчании. А Гастон каждый вечер приходит навеселе. Я боюсь его.

Тяжелыми пьяными шагами он входит в спальню, натыкаясь на мебель и распространяя запах спиртного. Грубым голосом выкрикивает мое имя. Я скорей встаю, в страхе, что он перебудит весь дом. Только я подошла, как он рявкнул:

– Быстро налей мне, не то получишь!

Я пытаюсь его урезонить, прошу разуться и лечь в постель. Он замахивается на меня, но так пьян, что попадает по стене. Смотрит, ничего не понимая, на ушибленную руку и вдруг заливается слезами. Он бормочет что-то непонятное. Извинения? Исповедь? Я прислушиваюсь. От того, что он говорит, я цепенею. Рыдая, он

признается в неукротимой, мучительной и всепоглощающей любви. Умоляет меня его простить.

Смысл его слов доходит до меня урывками. Гастон влюблен в отца? Меня бьет дрожь. Это невозможно. Знает ли кто-нибудь? И главное, не моя ли в этом вина?

Как мне стыдно, до сих пор стыдно. Я по-прежнему убеждена, что в этом несчастье виновата я одна. Из-за меня сбежал Жан, это я разрушила наш с Гастоном брак, а потом разбила маме сердце. Но что мне было делать? Я до сих пор не знаю.

Гастон наконец засыпает, а моя голова пухнет от вопросов. Что за жизнь у меня будет, если я останусь? Имею ли я право мечтать о чем-то большем, чем эта безрадостная постель, в которую я ложусь каждый вечер? И что станет с мамой, если я уйду? Кто ее защитит? Переживет ли она...

Хотя я всей душой ненавижу Гастона, его признания вызывают у меня жалость. Эгоизм и жестокость отца принесли много горя, наверняка Гастон страдает в этом браке не меньше меня. Мой гнев обращается на отца. Он настолько наивен, что ничего не понял? Или принудил меня к замужеству, зная обо всем?

Ах, моя дорогая! Сейчас, на закате моей жизни, я должна смириться с тем, что никогда не получу ответов на эти вопросы. И все же мое унижение, ярость и горе никуда не делось. Этот брак разрушил мои мечты. Я до сих пор не могу удержаться от проклятий, когда вижу портрет отца.

В тот вечер я поняла, что самое грустное еще впереди.

Зербино бежит по тропинке, подняв морду и принюхиваясь.

Далеко сзади шагают рядом старик Флавио и Антуан. Зербино впивает ароматы леса. Земля, листья, перегной. Кора и камни. Он чувствует муравьев, зайца – в нескольких километрах отсюда, но не запах черных грибов.

Пес возвращается к хозяину, прислушивается к его словам и к его беспокойству. Куда делась медовая девушка? Антуан достает из кармана несколько кусочков печенья, машинально бросает псу и отрывисто произносит:

– Продам участок.

Старик Флавио останавливается. Ветер поднимает полы его куртки.

– Антуан...

– Я ходил к Шаретье. Показал ему документы на землю и свидетельство о том, что Эмиль был моим дедом.

– Он поверил?

– Пришлось. А еще я ему сказал, что убью первого, кто сюда сунется.

С ветки дуба за ними наблюдает белка. Зербино заинтересованно поднимает уши.

– А что Люсьена? – обеспокоенно спрашивает старик.

– Она ничего не знает.

Антуан вынимает руки из карманов и свистит. Пора возвращаться. Зря прогулялись. Участок, разоренный мародерами, еще не скоро даст урожай. Зербино идет рядом с ними, подлаживаясь под шаг хозяина. Вернувшись домой, пес отряхивается, пьет воду и запрыгивает на диван. Антуан откупоривает бутылку анисовки.

– За будущее, Флавио! – Тост произносится без огонька. – За мое будущее в Марселе, подальше от этих стервятников.

– Значит, готово дело? Начались трудности, и сдулся? А ты что думал, трюфель дается первому встречному?

Он продолжает, не давая Антуану ответить:

– Я считал тебя умнее! Думал, ты понимаешь – в этом деле нужны смелость, терпение, воля. Значит, я ошибался.

Задетый за живое, Антуан молчит.

– Послушай, сынок, – продолжает Флавио. – С каждым испытанием жизнь дает тебе урок. Хочешь вернуться к своей рыбе – пожалуйста. Но не делай ничего назло. Ты же умный человек... Покажи им, на что ты способен! Почему бы тебе не открыть ресторан? Ты лучший повар, которого я знаю! Вот увидишь, Шаретье и все остальные будут драться за право продавать тебе грибы!

Антуан разглядывает старика. Протертые рукава, загрубевшие руки, лицо изрезано морщинами, глаза помутнели от катаракты. Флавио знает его, как никто другой, и, хотя гордость мешает это признать, слова старика находят в нем отклик. Он молча допивает анисовку. Зербино открывает один глаз и наблюдает, как хозяин наполняет рюмки.

– А эта девушка, ты ее любишь?

Антуан со вздохом кивает.

– Я думаю о ней день и ночь. У нас ничего не получится. Точнее, у нее со мной ничего не получится.

Флавио отмечает его слова взмахом загорелой руки.

– Вот еще! Человек, который хоть что-то понимал бы в любви, поверь мне, был бы миллиардером. Трюфель – величайшая тайна в этом мире, после тайны сердечной! Не пытайся понять, куда идет поезд. Прыгай в него на ходу, и пусть он тебя везет. Сегодня ты говоришь себе, что время еще есть, но однажды ты поймешь, что уже поздно. Жизнь утекает сквозь пальцы... А у тебя, я думаю, лучшее впереди.

Сегодня мой день рождения. Эти слова все крутятся и крутятся в голове. Сегодня мой день рождения и последний день, когда я сплю в этой постели.

Я вздрагиваю. Подушка пахнет лавандой, и я думаю о маме, которая каждое утро губит свои бедные руки в прачечной. Я в последний раз сплю на простынях, которые она завтра будет тереть, вполуха слушая сплетни соседок. Мама, любовь моя.

За ставнями едва рассвело. Я лежу на самом краешке кровати, как можно дальше от него. Ни одна часть моего тела не должна его касаться.

Сегодня мне исполняется двадцать один год. Пора уходить.

Я опускаю ноги на пол. Надеваю чулки, платье из толстой шерсти и безрукавку. Отворачиваюсь от стула, на котором лежит темно-синяя форма, широкий ремень, грязные кальсоны и носки, которые мама заберет через несколько часов.

Мне страшно. Я смотрю на Гастона в последний раз. Маленькие, близко посаженные глазки под закрытыми веками и запах виски из пересохшего рта.

С колотящимся сердцем я осторожно выдвигаю ящик, куда Гастон каждую пятницу кладет мое жалованье. Беру банкноты, сомневаюсь, передумываю, оставляю половину. Прячу в сумочку.

Я выхожу из спальни, не оглядываясь. Хватаю на ходу кусок хлеба и кладу в карман. Сердце выскакивает из груди. Я хочу навеки запечатлеть в памяти этот момент. И обстановку гостиной. Взгляд падает на мамины спицы, воткнутые в клубок шерсти, и к глазам подступают слезы. Я смотрю на ее вязанье и думаю о маминых нежных руках. Я боюсь за нее гораздо больше, чем за себя. Мне так хочется кинуться к ней комнату! Ну же, умоляю, поторопись, впереди долгий путь...

В конце коридора слышатся шаги. Я достаю из шкафа чемоданчик и как можно тише закрываю дверь. Живот сводит от страха. Спускаюсь по лестнице. Вдруг мне навстречу выйдет отец? Но его лысой головы нигде не видно. И больше я ее не увижу никогда.

Иду по переулку к церкви, подошвы громко стучат по булыжной мостовой. Я стараюсь не дышать. Колокола пробили семь, подошел автобус. То, что должно меня выручить, лежит в кармане. Стоя в автобусе, я смотрю в окно на удаляющуюся деревню. Церковь, где я получила первое причастие. Фонтан, в котором плескалась в детстве. Сосны. Лавандовые поля. Прачечная. Здесь мама будет топить в корыте свою печаль. Слезы капаят и тихо умирают на моем шерстяном пальто.

Пока автобус везет меня в Марсель, я думаю о Батисте: он не знает, что я уже в пути. В кармане я сжимаю бумажку с его адресом. Завтра, даст Бог, я ступлю на землю Касабланки. Самостоятельная и совершеннолетняя.

И всю дорогу не перестаю со слезами думать о маме, которую оставила одну с разгневанными мужчинами. Завтра у нее наверняка не хватит сил дойти до прачечной.

Сидя в машине, Джулия пытается сдержать слезы.

У бабушки хватило духу сбежать. Бросить вызов неизвестности. Преодолеть чувство вины перед матерью, чтобы спастись самой. Наверняка Жанине больше всего стыдно именно за это.

Джулия открывает дневник. Оставшиеся страницы девственно чисты. Между ними вложено несколько фотографий. Бабушка в пальмовой роще под руку с Батистом. Он молод, у него нежный взгляд, во рту трубка. Жанина улыбается, хотя ее глаза печальны. Какая нужна храбрость, чтобы уехать так далеко! Какая храбрость или, скорее, какая отчаянная необходимость...

Об остальном легко догадаться. Удивленный Батист встречает Жанину. Берет ее под крыло, и время превращает двоих друзей в возлюбленных. Джулия мысленно прокручивает фильм. Трое мужчин, две трагедии, одна страсть. Жизнь не уступит ни пяди. Самые пылкие истории любви идут рука об руку с самыми большими огорчениями.

В сумочке вибрирует телефон. Вдохновленная интернет-успехами Жизель, несколько дней назад Джулия написала пост на генеалогическом форуме в надежде найти следы Жана и Гастона. Что с ними стало? Может ли быть, что Жан еще жив? Ей только что ответил один из форумчан.

Джулия вытирает слезы, катящиеся по щекам, и в волнении открывает прикрепленный файл. На экране появляется свидетельство о рождении Гастона Марселя Пайяра, написанное неразборчивым почерком с сильным наклоном. Джулия с трудом расшифровывает текст вековой давности. «Двадцать второе февраля тысяча девятьсот восемнадцатого года...» Указаны имена родителей и даже акушерки, принимавшей роды. Джулия внимательно изучает детали, удивляясь, к какой малости сводится человек. Род занятий отца: рабочий. Род занятий матери: домохозяйка. Рядом с городской печатью стоит подпись сотрудника мэрии. На полях от руки написано:

*Вступил в брак с Жаниной Полеттой Паоли
6 января 1945 года в Сент-Амуре.*

Сердце сжимается. Имя бабушки в документе делает всю эту историю по-настоящему реальной. Грустная свадьба, шелковое платье, загубленные мечты. Джулия разглядывает печать и подписи. В самом низу напечатано на машинке:

Скончался в Тулоне 10 марта 1964 года.

Джулия вглядывается в слово на маленьком экране:

Скончался.

Остался ли Гастон в Провансе? Пробовал ли построить жизнь заново после побега Жанины и смерти Жозефа? Знала ли Жанина о его смерти? Или всю жизнь прожила в страхе, что Гастон найдет ее?

Что там показывают часы на приборной панели... Феликс просил подождать его в машине, но Джулии не сидится на месте. Он забыл рюкзак на заднем сиденье – подходящий предлог, чтобы пойти к нему.

В зале с зеркальными стенами толпится человек пятьдесят. Оглушительная тишина. В углу стоит Феликс, видно, что он нервничает. Джулия пробирается мимо сидящей на шпагате девушки, обходит парня, который растягивается, высоко подняв ногу. Феликс в шортах и майке делает плие – подбородок вверх, спина прямая. Увидев Джулию, он вздрагивает.

– Что ты здесь делаешь? Я же сказал не заходить!

– Хотела пожелать тебе удачи!

Феликс так бледен, что его не узнать. Тишину прерывает чей-то голос. В зал заходит женщина с длинными косичками, закрывающими спину. Она хлопает в ладоши и быстро обводит взглядом танцоров. Джулии становится страшно.

– Окей, через пять минут покажу вам движения. В быстром темпе, так что приготовьтесь. Потом разобьетесь на группы по десять человек, и посмотрим, что у вас получится. Удачи!

Конкуренты бросают друг на друга косые оценивающие взгляды.

– Ты ее знаешь? – шепчет Джулия.

Феликс отрицательно мотает головой. Джулия задумывается, хорошо ли она сделала, притащив его на кастинг. Стоя среди людей, готовых вцепиться друг другу в глотку, она уже не так уверена в своей

правоте. Красивая рыжеволосая девушка задевает ее ногой, делая безупречные фуэте. Феликс понуро опускает голову.

– Дай сюда мои вещи, мы уходим.

– Что?

– Мне здесь делать нечего.

– Слишком поздно. Ну же, возьми себя в руки, сосредоточься на музыке... Ты... Ты их поразишь.

Женщина с косичками хлопает в ладоши и выстраивает претендентов в линию. Все лезут вперед, кроме Феликса, спрятавшегося в глубине зала.

Джулия выходит и наблюдает за происходящим из-за двери. Женщина показывает танцевальную связку, одно движение за другим. Жесты и па очень сложные, Джулия удивляется, что танцорам удается с легкостью их повторить. Теперь под музыку...

– Пять, шесть... Пять, шесть, семь, восемь!

В рядах паника, никто не ожидал такого темпа. Феликс, кажется, совсем растерялся.

– Последний раз, потом сами! У вас будет две попытки. Выкладываетесь по полной!

Все внимательно смотрят, ловя каждый жест. Лица напряжены. Феликс спрашивает свою соседку о движении, которое он упустил, девушка поворачивается к нему спиной. Джулия грызет ногти, с тревогой размышляя, чем все это кончится. Если Феликс провалится, он больше никогда не осмелится испытать удачу. Сейчас на карту поставлен не только кастинг, но и его будущее, его свобода.

Танцоры строятся в ряды. Стоя спиной к зеркалу, женщина с косичками внимательно оглядывает каждого.

– Пять, шесть... Пять, шесть, семь, восемь!

Перед ней прошло уже несколько рядов. Настала очередь Феликса. Джулия затаила дыхание. Музыка. Собравшись, танцоры начинают связку. На пятом движении Феликс ошибается. Женщина с косичками качает головой и хлопает в ладоши.

– Пять, шесть... Пять, шесть, семь, восемь!

Черт подери! В глубине зала Феликс собирает вещи, пока остальные готовятся ко второй попытке. Он идет вдоль стены, подходит к двери. И его хватает Джулия.

– Не уходи сейчас. Попробуй еще раз. Умоляю, не оставляй за ними последнего слова.

Феликс избегает ее взгляда и направляется к выходу.

Она вспоминает их разговор на террасе, как он мечтал о свете софитов, а родители мешали ему идти этим путем. И Жанину, которая всегда учила ее слушать свое сердце. «Если я и стала писательницей, – думает Джулия, – то только благодаря ей. А иначе чем бы я занималась? Хватило бы у меня смелости пойти, как она, своей дорогой, испытать судьбу?»

Джулия удерживает Феликса и сжимает в объятьях. Долго. И достаточно крепко, чтобы почувствовать, как бьется его сердце. Потом обхватывает его лицо руками и смотрит прямо в глаза.

– *Будь собой, остальные роли уже заняты,* – цитирует она послание из шапочки, которую Мадлена связала для Феликса. – Вот, Гэтсби, держи, – говорит Джулия, протягивая ему блестящие лодочки на шпильках, найденные у него в рюкзаке. Те самые лодочки, в которых Феликс выступал у мадам Артур. – *Задай им жару!*

Он удивлен, стоит в нерешительности. Потом молча надевает туфли. На каблуках Феликс выше Джулии на голову. Он делает глубокий вдох и толкает дверь в зал. Встает в свой ряд и бросает взгляд на Джулию.

– *Живой,* – одними губами произносит она и улыбается.

Люсьена сметает конфетти со ступеней церкви. Эта дрянь застрекает повсюду, и между брусчаткой тоже, не выковыряешь! Вцепившись в метлу, она яростно скребет плиты. Конфетти не сдаются.

Прошлой ночью она не сомкнула глаз, хоть и устала. Демоны неотступно осаждают ее. В голове звучат голоса, когда темно, это еще мучительнее. Она уже пять дней не навещала Жанину. Не хватает смелости смотреть ей в глаза да и страшно встретить Джулию.

У Люсьены кружится голова, она цепляется за метлу, сметает разноцветные кружочки в аккуратную кучку. Зимние свадьбы так же невыносимы, как и летние. К чему устраивать представления? Раньше достаточно было сказать «да» священнику, безо всех этих излишеств с цветами, лентами и фотографиями. Базар какой-то, а не свадьба!

Порыв ветра разбрасывает конфетти. Люсьена в гневе швыряет метлу. Голова кружится очень сильно. Люсьена хватается за ручку двери, входит в церковь, опускается на колени. На лбу выступил пот. Она молится, прижав руки к губам, бледнее статуи, возвышающихся над ней. В ушах гудит. Каменные плиты уходят из-под ног, лица святых расплываются.

– Будь я проклята!

Она задыхается, хватается за грудь. Сердце бешено колотится, и она не слышит шелеста сутаны. Священник встает на колени рядом с ней и тихим голосом начинает молиться:

– Тебе, Господи, единому благому и непамятозлобивому, исповедую грех свой. Если бы и умолчал я, Ты, Господи, знаешь все, и ничто не сокрыто пред очами Твоими.

Люсьена сдерживает рыдания. Кюре, не глядя на нее, продолжает нараспев:

– Согрешил, Господи, согрешил и недостойн взирать на высоту небесную.

Тишина. Грудь словно зажата в тисках. Люсьене хочется закричать, провалиться сквозь землю... Отец Мариус берет ее за руку.

– Я с тобой.

Скрючившись, она присаживается на скамью.

– Люсьена, что бы ты ни сделала, Бог все может понять и простить.

Она сейчас так уязвима, священнику жаль ее. Колокола бьют полдень. Люсьена делает глубокий вдох. Она держится за отца Мариуса, и тепло его руки успокаивает ее. Внезапно ей хочется заговорить, открыть свою тайну. Пусть выйдет, выплеснется, хоть бы и забрызгав все вокруг. Она хочет изbleвать свое горе, угрызения совести, тоску. Покончить с чувством вины, столько лет пожирающим ее. И пусть ее заберет дьявол! Лучше умереть, чем прожить еще хоть секунду с этим грузом на плечах.

– Простите меня, святой отец, ибо я согрешила. Я была молода, и...

Она не может говорить от рыданий, горло словно завязано в узел. Отец Мариус подбадривает ее взглядом. Люсьена думает о том, как он разочаруется в ней, и эта мысль ранит ее сердце. Глядя в пол, она шепчет:

– Когда я его встретила, мне было всего двенадцать лет. На танцах, в день святой Цецилии, после Освобождения. Я в жизни не встречала мужчины красивее. Его звали Жан Колоретти.

Все ее тело начинает дрожать – руки, челюсть, колени.

– Продолжай...

– Я любила его всем сердцем, всей душой. Этот человек, отче, даже спас мне жизнь. Он обо мне заботился, давал немного денег, научил меня читать, петь. Я обязана ему всем, а я... Я разрушила его жизнь и жизнь женщины, которую он любил.

Она словно проваливается в прошлое – на шестьдесят лет назад. Закрывает глаза. Церковь наполняется светом. Она идет по лавандовому полю, держась за руку Жанины. Жан улыбается ей, эта улыбка ее согревает. Она до сих пор чувствует тепло его рук – как тогда, когда он бережно вынес ее из моря и положил ее на гальку. Потом небо хмурится. Она одна в темном сыром коридоре, который ведет к спальне матери. На двери красная косынка – входить нельзя. Люсьена слышит смех, стоны, вздохи. Она закрывает уши руками. Жан уже месяц как уехал, она страшно по нему скучает. Но еще мучительнее ревность. Две стрелы впились в ее сердце. Накануне

Жанина прочла ей письмо Жана. Прекрасное любовное письмо. В нем ни слова о Люсьене.

За дверью кровать колотится о стену, доносятся хриплые вскрики матери. Уйти. Но куда? На улице дождь льет как из ведра, и еще толком не рассвело. На стуле в коридоре она замечает сумку. Это почтальон оставил. Жирный лысый вдовец, который всегда пялится на нее своими масляными глазками. В последнее время он почти каждое утро заходит перед работой. Она подозревает, что мать хочет выйти замуж – после Освобождения солдат стало мало.

Люсьена раскрывает сумку и вынимает пачку писем, собираясь их сжечь. Уж это наверняка отобьет у него охоту заходить по утрам. Она вскрывает письма, некоторые рвет, на других пишет неприличные слова. Вдруг на одном конверте она видит почерк Жана. Она хорошо разглядела? Сердце может сыграть злую шутку. Она зажигает свечу, чтобы убедиться. Буквы округлые, и росчерк пера как будто обнимает букву «Ж». Она судорожно вскрывает конверт. Буквы пляшут перед глазами. Она угадывает имя Жанина, водит пальцем по строчкам, с трудом разбирая написанное.

– В эту минуту в меня словно вселился дьявол. И остался внутри. Я твердила себе: «Ты должна отдать это письмо, Люсьена, ты должна его отдать!» Но я не могла. Потому что должна была перечитывать его снова и снова. Каждый раз, когда приходил почтальон, я обыскивала сумку. Тревожилась, когда он не приходил. Я боялась, что писем больше не будет. И что Жанина получит письмо, предназначенное мне.

Лицо отца Мариуса непроницаемо, как мрамор. Он молча принимает ее исповедь.

– Я говорила себе, что сам Бог мне их послал. Я украла дюжину писем, нежных и искренних. И чем дальше, тем меньше я могла их вернуть. А Жанине становилось все хуже. Я ее избегала. Стоило мне ее увидеть, как все тело начинало гореть огнем. Я понимала, что поступаю плохо. Но ведь в конце концов Жан вернется и они снова встретятся! Ничего страшного! Когда Эмиль меня целовал, я закрывала глаза. И моих губ касались губы Жана.

Люсьену трясет еще сильнее. По позвоночнику течет холодный пот. Сам Люцифер ледяным ветром дует ей в затылок.

– У Жанины было все! А у меня – ничего, кроме этих писем. Да, Жан вернется, и все будет как раньше... Но вот появился Гастон. Это

был мой шанс. Мое время. Бог мне его послал. Если Жанина выйдет замуж, она забудет Жана! И Жан женится на мне. Но сделает ли Гастон ее счастливой?

Люсьена заливается слезами и поворачивается к кюре:

– Отче, я была ребенок! Совсем девчонка! Но пусть эта девчонка будет проклята! Клянусь вам перед Господом нашим, что никогда, никогда я не хотела быть причиной таких страданий! Столько горя из-за меня...

Люсьена закрывает лицо руками. Она больше не может говорить. Священник обнимает ее за плечи и вновь начинает молиться:

– Дай мне от щедрот Твоих, простри на меня руку Твою. Прости мне все прегрешения мои и исцели язвы души моей, ибо я согрешил пред Тобой, Кому подобает честь и слава во веки веков.

Я больше никогда не увижу отца. Он умер год спустя от сердечного приступа – на деревенской площади, на глазах у игроков в петанк и у кюре.

Я больше никогда не увижу маму. Она умерла через несколько недель после него. И я не поцеловала ее на прощанье. Не обняла, не держала ее руку в своей. Не думала, что мне будет ее так не хватать. Я была молода, очень молода. Не проходит и дня, чтобы я не думала о ней. Мне так больно, что ее нет рядом.

От отца у меня осталось лишь письмо, которое мне передал нотариус после его смерти.

Дочь моя!

Прошло уже три месяца, с тех пор как ты нас покинула, и я знаю, что ты не вернешься.

Твой отъезд разбил мне сердце. Но, даже зная о причинах и не одобряя их, хочу сказать, что я тебя прощаю.

Надеюсь, и ты в свою очередь поймешь, что я хотел защитить тебя и маму. Для меня это всегда было на первом месте, я желал одного – твоего счастья.

Когда Жан уехал, я уже знал, что обречен, и счел знакомство с Гастоном удачей. Мне казалось, он хорошо к тебе относится, и я увидел в нем человека, который о вас позаботится, когда меня не станет. Увы, привязанность к нему ослепила меня, я не хотел слышать о твоей беде.

Я никогда не был нежным отцом, наверное, потому, что у меня его не было. Но уже поздно ворошить прошлое. Хочу, чтобы ты знала: я сделал все, что мог, воспитав тебя так, чтобы ты стала сильной женщиной, готовой встретиться лицом к лицу с этим миром. И несмотря на наши разногласия, я горжусь, что ты выросла такой.

Дочь моя, перед смертью я сожалею только об одном – что так и не сумел выразить тебе свою любовь. И утешаю себя тем, что ты прочтешь это письмо.

Дорогое мое дитя, желаю тебе долгой и прекрасной жизни.

Жозеф

Иногда ночью отец садится ко мне на кровать и отбивает такт воображаемой мелодии. Ждет, что я начну танцевать? Каждый раз он говорит: «Ты разбила мне сердце». Что можно понять в этих снах наяву? Я уже начинаю сомневаться в этих воспоминаниях. Их выдумывает моя память или все было на самом деле?

Сегодня утром я чувствую себя уставшей и поражаюсь, сколько всего я тебе поведала. Представляю, как ты читаешь эти строки, открывая для себя мои страсти и горести. Милая, не суди слишком строго. Оставить маму было самым тяжким, что мне выпало в жизни, и я никогда себе этого не прощу.

Голова пухнет от фотографий и списков. Повсюду бумажки, бювар в кляксах, и я уже не понимаю, где нахожусь. Надеюсь, несмотря на сумбур, ты все же получишь какое-то представление о моей жизни. И боюсь, как бы это не оказалось собранием несвязных отрывков. Я уже не уверена ни в чем из того, что доверила бумаге.

И все же писательство пошло мне на пользу. Я не святая, но в каждом из нас кроется стремление любить и быть любимым. Мы стараемся поступать как можно лучше, но бывает, что наши пути пересекаются и чья-то колея оказывается разбитой.

Милая Лили, никогда не теряй вкуса к жизни и к людям. Никогда не опускай руки. Не переставай верить в будущее.

Завтра, если мой состарившийся мозг не подведет, я расскажу тебе, как мы с твоим дедушкой жили в колониях. Сколько нам выпало приключений! Рядом с ним я обрела любовь и нежность. Не ту

пламенную страсть, что обжигает губы и сердце, но Батист был для меня маяком в ночи.

Люсьена звонит в дверь! Я ее сегодня не ждала – боюсь, я опять что-то напутала с календарем. Какой сегодня день? Ах, старость!

Ладно, пойду к ней. Целую тебя, моя милая стрекозка.

Джулия сидит в саду, уставившись в землю, заблудившись в своих мыслях.

Она получила еще одно сообщение от доброжелательного участника генеалогического форума. С тяжелым сердцем она изучила свидетельство о смерти Жана Колоретти и уселась, растерянно глядя на чистые страницы дневника.

Открывается раздвижная дверь, подходит Жизель. Она закуривает, кончик сигарки вспыхивает в темноте красным цветом. Жизель поплотнее закутывается в кофту.

– Лунничаете?

Джулия поднимает голову, не зная, что сказать.

– Да, вы явно лунничаете. Этому слову меня научила Мадлена. Оно означает «погружаться в мысли, улетаая далеко-далеко, на Луну».

Джулия слабо и невесело улыбается.

– Слышали новость? Американцы хотят купить наши шапочки! Неплохо, правда? Похоже, у них холодно... Не знаю, я там никогда не была. Вестерны – это не мое. Надо же, американцы, подумать только! Мне даже пришлось купить специальную марку. Почтальонша сказала, что наши шапочки полетят на самолете! Я ни разу не летала на самолете. И мне приятно, что шапочки подышат свежим воздухом! У Билли прибавится работы – теперь нужно, чтобы в нашей он-лавке говорили по-английски.

Взволнованная, она умолкает, рука с сигаркой замирает в воздухе.

– Конечно! Шапочки Мадлены тоже должны говорить по-английски. Как это сделать?

Джулия не отвечает, ее мысли далеко. Сегодня днем, после кастинга, она зашла к Жанине. Только хотела ее поцеловать, как Жанина повернула голову и спросила:

– Как вас зовут?

Джулия не нашла что ответить. Не замечая чужого горя, Жизель продолжает свой монолог:

– Билли хочет, чтобы мы съехались. Он говорит, что времени на раздумья нет, счастье надо ловить на лету, крепко держаться

и лететь вместе с ним.

– Он прав, Жизель. Ваше место не здесь. Вам еще предстоит пережить много чудесных моментов, и я уверена, что Билли сумеет о вас позаботиться.

Жизель ковыряет землю носком туфли и бубнит с серьезным видом:

– Понимаете, я не приношу мужчинам удачи. Я невезучая и дважды была вдовой. Все кончается одинаково: мужчины обещают луну с неба, а потом уходят от нас. А нам, женщинам, остается только говорить о похоронах и менять воду в вазах.

Джулия думает об Антуане. Феликс настаивал, чтобы она с ним поговорила, и вчера она отправилась на рынок. Его фургончик стоял возле бара. Он сидел за столиком с Евой и не видел, как Джулия вошла.

– Но Билли сказал, что рискнет, – продолжает Жизель. – И что даже если ему осталось жить несколько дней, он хочет прожить их со мной. Он сказал, что мы будем жить любовью и скрэбблом. Забавно, да? Любовью и скрэбблом – мне сразу захотелось так жить! Да и в смысле шапочек будет практичнее... Потому что он-лавка – это столько дел! Уж не говорю, как нужно постараться, чтобы как следует сфотографировать Пьеро и Фернана. Эти двое совсем не фотогеничные, зато и весело же с ними...

Джулия не успела подойти. Увидела, как Ева обхватила лицо Антуана руками, и растерялась. В груди как будто что-то сломалось, словно хрустнула ветка.

– Вам не докучает моя болтовня? – спрашивает Жизель. – С другими ведь так не поговоришь. Я не успеваю закончить фразу, а они уже не помнят, что к чему.

Жизель поворачивается к Джулии, обеспокоенная ее молчанием.

– Вы такая бледная. А вы верите в любовь?

Список вещей, которые я хотела бы знать в твоём возрасте

Лучше просить прощения, чем разрешения.

После зимы всегда приходит весна.

Настоящие истории любви редки. Борись за то, чтобы их прожить.

Жизнь не всегда легка. Прими это и решительно двигайся вперед.

Люби себя так, как хочешь, чтобы тебя любили другие.

Прощай: жизнь слишком коротка, чтобы тянуть за собой старые обиды.

Все начинается с мечты – верь в чудеса.

Джулия паркуется возле бабушкиного дома, не заметив стоящий под оливой фургончик. Не поднимая головы, заходит в калитку. Ищет ключи в сумочке.

– Если что, у меня есть запасные.

Она вздрагивает. Прислоняется к дверям. В приближающейся темной фигуре узнает Антуана.

– Ты меня напугал.

– Прости, я не хотел.

Съежившись, скрестив на груди руки, Джулия стоит неподвижно. Холодный ветер задувает под пальто, пробирает до костей.

– Ты не отвечаешь на звонки и сообщения. И я подумал, может, здесь удастся с тобой поговорить.

Ее сердце быстро бьется, но губы упрямо молчат. Внутри идет странная борьба – пока верх одерживает гордость. Антуан подходит и садится на поросшие мхом ступени.

– Ты не против, если я закурю?

Джулия не отвечает. Помявшись, неохотно садится рядом. Но не вплотную. Она смотрит вдаль. Завиток дыма растворяется в вечернем воздухе.

– Как там твоя бабушка?

Она стискивает зубы.

– Плохо.

– Мне очень жаль.

– Зачем ты пришел? Выразить сочувствие? А твоя бабушка как?

Тон язвительный, резкий. Непонятно, откуда в ней столько злости.

– Тоже не очень.

– Это она тебя послала?

Антуан молчит, обескураженный вопросом.

– С чего ты...

– Не корчи из себя святую невинность. Ей ведь очень удобно, что Жанина уже плохо соображает, да?

– Не знаю, но она в машине. Хочет с тобой поговорить.

Джулия осеклась. Этого она никак не ожидала. Встреча ее пугает. Чего можно ждать? Антуан заглядывает ей в глаза.

– Джулия, мне очень жаль.

Джулия молчит. Он собирается с духом.

– То, что случилось в последнее время, показало меня не с лучшей стороны...

– Да уж... Но ты, я полагаю, нашел, с кем утешиться...

– Ты о Еве?

Джулия встает. Он хватается ее за руку. По позвоночнику пробегает дрожь.

– Перестань! У меня никого нет, и ты это знаешь. Ева – просто подруга, с кучей проблем, но подруга. И даже захоти она большего, этого бы не было.

– Ну конечно!

– Открой глаза! – заводится Антуан. – У меня в жизни ничего нет! Только трюфели, собака, Люсьена и старик Флавио! Ничего! А все почему...

Его лицо мрачнеет. Джулия сердится на себя и не решается возражать. Одиночество, о котором он говорит, ей знакомо. Она сама давно так живет. Луна бросает тени на его лицо. Джулия разглядывает трехдневную щетину, сжатые челюсти, играющие желваки. Антуан напряжен и настроен решительно. «И этот порыв, – думает она, – этот порыв ему очень идет».

– Теперь про Люсьену, – продолжает Антуан. – Честно говоря, я не знаю, что между вами происходит, и не уверен, что это мое дело. Люсьена чувствует себя плохо и не говорит почему. Она моя бабушка, и она мне дорога. Но и ты мне дорога. Больше, чем ты думаешь.

Он подыскивает слова.

– Джулия, правда в том, что я тебя не ждал. Ты возникла посреди моих проблем со своим парижским выговором и блокнотом на спирали. Пришла без предупреждения. Твои веселые глаза, «Фантометта»... Я думал, в моей жизни нет места ни для кого. Я закрыл дверь, а ты вошла через крышу. Я не видел, как ты вошла. Мы с тобой как две планеты, которые сближаются раз в сто лет, как солнечное затмение – такая редкая и мощная штука, что нужно надеть темные очки, чтобы не ослепнуть.

Джулия застигнута врасплох.

– Прости, если у тебя сложилось впечатление, что ночь, которую мы провели вместе, ничего для меня не значила, нет, вовсе нет. Мы двое – это реально. Возникло что-то хрупкое и внушающее надежду. Признаюсь, что меня это пугает, я просто в ужасе. Меня никто не предупреждал, что в жизни может случиться такая встреча. У меня нет рецепта, нет ответов, и я ничего не могу пообещать наверняка, но уверен: если ты дашь нам шанс, я его не упущу.

Джулия потеряла дар речи. Это он ей говорит? Он, со своими грязными ногтями и непредсказуемыми перепадами настроения. Со своим псом, трюфелями и Провансом. Что у нее общего с Антуаном? Внутренний голос бьет тревогу и торопит в убежище: Антуан скоро отчалит, нужно быть к этому готовой. Джулия задохнулась, окаменела от бушующего в груди шквала.

– Так и будешь молчать? – Антуан вздыхает. – Я подожду в машине.

Он уходит в темноту. Джулия остается сидеть на ступеньке. Она не может сформулировать ни одной мысли. Вдруг ее словно током ударило. Она вспомнила всех, кого бросила из страха, что однажды они бросят ее. Ее романы, убитые в зародыше из страха, как бы не обжечься. А вот бабушка храбро шла по жизни. Джулия чувствует себя трусихой, ей стыдно. Смогла бы она написать такой дневник? Хватило бы у нее духа встретиться со своими воспоминаниями, подвергнуться осуждению и вступить в борьбу с самой собой? Или, столкнувшись с болезнью, она бы сдалась – в ожидании, когда все рассыплется в прах?

Настоящие истории любви редки. Борись за то, чтобы их прожить.

Джулия догоняет Антуана и берет его за руку. Ветер с холмов разносит по всей округе ароматы горных трав и кустарника. Жужжание насекомых, сырость листвы, шепот деревьев. И тепло его кожи.

– Я тоже не ждала тебя...

Теперь она подыскивает слова.

– За эти десять дней я узнала о себе больше, чем за тридцать лет своей жизни. И не понимаю, где я, не могу поверить, что так долго шла рядом с самой собой. А теперь я отпустила поводья и иду вслепую.

Сердце стучит так сильно, что, кажется, удары эхом отдаются в небе. Антуан подходит к ней и прижимается лбом к ее лбу.

– Меня тоже это пугает, – шепчет Джулия.

– Фантометту не испугать.

Она засмеялась, и с ее ресниц скатилась слеза. В задушевной темноте благоухающего вечера Антуан бесшумно притянул к себе Джулию и поцеловал.

– Не знаю, куда мы идем, но думаю, нам лучше идти вместе.

Наступило утро, а Люсьена и Джулия так и сидят на кухне.

Пожилая женщина держит в руках остывшую чашку. У Джулии красные глаза, обведенные темными кругами. Она ставит кофейник на плиту. Бросает взгляд на стенные часы.

– Ты должна с ней поговорить.

Люсьена не реагирует, она похожа на человека, который выжил после землетрясения, но потерял много крови. Или на спасенного из морской пучины. Уж лучше бы она тогда утонула, думает Люсьена.

Джулия поближе пододвигает стул. Разглядывает осунувшееся угловатое лицо, восковую кожу, выбившиеся из пучка тонкие волосы. Это лишь тень прежней Люсьены. Джулия впервые берет ее за руку.

– Никогда не бывает слишком поздно.

Люсьена медленно поворачивается к ней и долго разглядывает, потом качает головой. Молча выпив кофе, они закрывают за собой дверь маленького домика. Антуан спит в гостиной.

Молчат и по дороге в «Бастиду». Ночью все было сказано. Старенький «Пежо» едет мимо виноградников в мягком свете утреннего солнца. Среди хвойных и дубовых лесов, под сенью горного массива Эстерель просыпается деревня.

Джулия паркуется перед белым зданием. На Люсьену больно смотреть. Она подавленно молчит, вцепившись в старую сумку. Джулия кивком показывает на дверь. Тогда Люсьена достает из сумки сверток и аккуратно разворачивает ткань. Внутри – пачка пожелтевших от времени писем. На первом конверте – имя Жана Колоретти. Ночью Люсьена уже показывала Джулии письмо Жозефа.

Жан,

не знаю, как обращаться к тебе, назвать ли тебя зятем или трусом.

Вот уже три месяца, как от тебя никаких вестей. А почта приходит исправно, корсиканец старик Франсеску сегодня утром сказал, что получил письмо от сестры.

Со времени твоего отъезда моя дочь плачет и чахнет. Я опасаюсь за ее честь так же, как и за ее сердце. Женщины хрупки. Это мы должны следить, чтобы они не покидали нас, и защищать их.

Это мое первое и последнее письмо к тебе. Плохое здоровье вынуждает меня принимать срочные меры, чтобы обеспечить будущее дочери и жены. Дни мои сочтены, а они не должны оставаться одни. Хотя война закончилась, время сейчас беспокойное.

Предупреждаю, если ты не объявишься до Нового года, помолвка будет расторгнута. Не хочу верить, что до этого дойдет. Последние годы и так принесли много горя, не хватало, чтобы к трупам наших солдат прибавились разбитые сердца наших женщин.

Жанина упрямец, но она заслуживает счастья. Напиши ей и поклянись мне, что позаботишься о ней. Я как отец не могу умереть, не услышав этого.

С нетерпением жду от тебя ответа,

Жозеф Паоли

Джулия провожает взглядом Люсьену. Это утро принесло обещания, надежду и прощение.

Джулия открывает сумку, чтобы достать дневник, под руку попадает шапочка. Мадлена связала ее несколько дней назад и подарила Джулии, улыбаясь при этом своей мягкой, немного отчужденной улыбкой.

Небесно-голубая шапочка связана узором «ракушка» из мягкой шелковистой шерсти. Джулия какое-то время любуется ею, размышляя о Мадлене, Пьеро, Фернанде, Жанине, о тех, для кого время приостановило свой бег. Открывает ли забвение путь к счастью? А потом она думает обо всех остальных, кому еще дано помнить. О Люсьене и о грустном ребенке, который плачет в ней до сих пор.

Джулия выворачивает шапочку. На узкой полоске бумаги – изящный почерк Мадлены:

Злодеи тоже мечтают о любви.

Люсьена стучит в дверь. У Жанины Феликс; в маленькой гостиной витает аромат кофе, на патефоне крутится пластинка. Музыка затихает, когда к ним подходит Люсьена. Ее тело налито свинцом, каждый шаг дается с трудом. Она не слышит, как Феликс выходит. Все заглушает стук сердца, которое бьется так сильно, что она боится не выдержать его ударов.

Жанина сидит у окна, погружившись в свои мысли. На ней халат, расшитый цветами и ласточками, подарок Люсьены на день рождения. Люсьена вспоминает, как несколько месяцев назад они поднимали бокалы за будущее. Обедали у Джино. Жанина нарядилась, было тепло, их обслуживал очаровательный официант. Люсьене слышится смех Жанины, звонкий, неожиданный, заразительный.

Люсьена кладет руку на плечо подруги.

– Жанина!

Та поднимает испуганный взгляд, беспокойный и неуверенный.

– А разве...

Люсьена сжимает ее руку.

– Это я, Люсьена.

– Люсьена! Прости, я тебя не узнала. Как поживаешь, Люс? Выучила уроки?

Она улыбается. Люсьена садится рядом, тяжело дыша. В горле застрял камень. Камень гнева, отвращения к себе и самоотречения.

– Куда ты дела Жанно? – обеспокоенно спрашивает Жанина. – Надо найти для него еду. Мадам Берто отдаст нам непроданный салат.

Люсьена сдерживает слезы.

– Я должна тебе кое-что сказать.

Жанина слушает с детски спокойным лицом.

С чего начать? Умолять о прощении? Рассказать о своей тайной любви? Люсьена в замешательстве. Ее одолевает усталость, мысли путаются. Она хотела бы исчезнуть, так сильна боль и тяжел этот груз. Не слишком ли поздно для признания и отпущения грехов?

Люсьена много раз переживала этот момент. Она представляла, как берет Жанину за руку и слова сами слетают с губ, льются –

плавные, свободные. Но наедине с Жаниной не могла собраться с духом. Откладывала откровения на потом, веря, что судьба подарит им еще много прекрасных лет жизни. И не брала в расчет жестокости бытия, которое лишило ее любви, а теперь отнимало Жанину, оставляя Люсьену один на один с ее призраками.

Может, уже слишком поздно? Люсьена мнется, слова не идут на язык. Что ж, если она не может признаться сама, пусть говорит тот, кого здесь нет.

Она дрожит, разворачивая первое письмо. Знакомый почерк Жана. Листок исписан перьевой ручкой. За семьдесят лет чернила кое-где выцвели. Люсьене не нужны очки, каждая фраза запечатлена у нее в сердце.

– Моя роза...

Голос прерывается. Она откашливается, утирает слезу и начинает сначала.

Моя роза, моя мелодия, мое солнце!

Вот уже почти месяца, как мы расстались. Вчера по радио я услышал песню Трене, и она утешила мою боль от разлуки с тобой. Я сказал себе: если мир устроен правильно, ты тоже слушала ее, думая обо мне.

Дни проходят, унося надежду на мамино выздоровление. Мы очень грустно провели это Рождество, но меня поддерживает мысль, что в следующем году мы отпразднуем его вместе с тобой. Надеюсь, ты проявляешь терпение и не ссорись с отцом. Я уверен, что за его неловкими манерами кроется добрая душа.

Дорогая, мне не терпится вновь увидеть тебя, погладить по щеке, поцеловать нежную кожу и сжать тебя в своих объятьях. Береги себя и поцелуй от меня Люсьену.

Обожжающий тебя твой жених,

Жан

В ушах гудит.

– Жанина, эти письма... Эти письма взяла я, я... Я не должна была тебе...

Последние слова Люсьена еле шепчет. Лицо Жанины спокойно – ни удивления, ни гнева, ни грусти. Она довольна, рада хорошей

компании. Поколебавшись, Люсьена разворачивает второе письмо.

Мой ангел!

Сегодня утром умерла мама. У меня большое горе, и я молю Бога, чтобы Он поскорей привел меня к тебе. Моя любовь ни перед чем не отступит и не ослабеет.

Утром я думал, какими мы станем через пятьдесят лет. И представил себе старичков, которые ходят в церковь, держась за руки, заботятся друг о друге и не обращают внимания на уходящие годы. Да, мы станем именно такими.

Я буду дарить тебе пластинки, и мы будем слушать их вместе. Будем говорить о любви и петь о нежности. Танцевать под звездами, и они будут смеяться, видя нас такими счастливыми.

Мы не убоимся ни пролетающих дней, ни темноты в конце пути.

По морщинистым щекам струятся слезы. Люсьена прерывает чтение, достает носовой платок, сжимает в кулаке и продолжает. Жанина еще здесь или так далеко, что слова до нее не доходят?

Люсьена медленно расправляет каждое письмо и читает нараспев, как молитву. Надежда, страсть, музыка и будущее... Слова любви как бутылка с посланием, брошенная в море. Слова любви, которую не поколеблет даже ответное молчание.

Люсьена кладет выцветшие листки на стол, утирает глаза и крестится. Она чувствует, как уходят силы, и молится, чтобы Бог дал ей мужества. Это чтение – ее крестный путь. Осталось последнее письмо. Развернув его, она делает глубокий вдох. Теперь ее голос звучит тонко, она почти шепчет:

Жанина!

Я только что был у вас дома, меня встретил твой отец, он был в гневе. Я даже не успел поздороваться, как он выставил меня за дверь, угрожая убить. От его взгляда я оцепенел. Я поспешил к Люсьене, и она мне сказала, что ты вышла замуж.

Я пишу эти слова, и руки опускаются. Руки, сердце, душа. Я раздавлен и не хочу верить, что ее слова могут быть правдой. Я даже не запомнил имени этого мужчины, только то, что он отнял тебя у меня, у наших мечтаний.

Как ты могла нас предать? Высмеять нашу любовь? И жизнь, которая нас ждала? Не представляю. Я вернулся – а тебя больше нет. Мое сердце в смятении, оно ранено, потрясено, мучится.

Я отдаю это письмо Люсьене и прилагаю свой адрес. Меня приглашают преподавать в Экс-ан-Прованс. Умоляю, напиши мне, что это лишь страшный сон. Напиши поскорей. Я все могу понять. Нет ничего невозможного для тех, кто любит друг друга так, как мы, такой огромной любовью. Но любишь ли ты меня до сих пор?

С нежностью,

любящий и ждущий тебя Жан

По щеке Жанины катится слеза. Измученная Люсьена прижимает платок к губам, не в силах продолжать. Вдруг в гостиной раздается слабый голос ее подруги:

– А Жан скоро вернется?

Люсьена опускается на колени, ее лицо искажено страданием. Жанина с отсутствующим видом гладит ее по голове. Люсьена сотрясается от рыданий. Она хотела бы объяснить, выразить всю ненависть к себе, все отвращение, которое у нее вызывает та девчонка, которой она была. Попросить прощения за то, что не заслуживала дружбы.

Но ей не хватает слов.

Уткнувшись в халат Жанины, она долго плачет. Плачет о судьбе, которая терзает души, о чистосердечных возлюбленных и о детях, которые не заслуживают любви. Она оплакивает жизнь, полную горя и чувства вины, одиночества и разбитых любовей.

В саду «Бастиды» пустынно. Сидя на скамейке, Джулия созерцает восход. Ее пальцы поглаживают лежащий на коленях дневник. Она слышит бабушкин голос. Ее смех – как стайка ласточек.

Джулии вдруг захотелось продолжить путешествие в ее компании. Как явственно звучит этот зов далекого прошлого. Она хочет собрать разбитое. Рассказать эту историю такой, какой она должна была быть, – похожей на песню о любви, на припев в четыре руки, вальс на три счета.

Раз-два-три, он ее обнимает.

Раз-два-три, они вместе кружатся.

Раз-два-три, он ее не оставит.

Она достает ручку и без колебаний открывает дневник на первой чистой странице. Кто сказал, что у счастливых людей не бывает историй? Она напишет их историю. Заполнит пробелы. Расскажет о любви, над которой не властны время и болезнь. О любви, которую ничто не разрушит. Даже забвение.

Несколько недель спустя...

Джулия кисточкой припудривает бабушкины щеки. На Жанине просторная блузка в пастельных тонах и сиреневые бусы, утром Феликс сделал ей перманент. Она благоухает лаком для волос, пионом и лимоном.

Джулия протягивает ей зеркальце. Жанина смотрит на себя и улыбается. Джулия нежно массирует ей руки, втирая крем с розовым маслом.

– Спасибо, мадемуазель. Очень приятно пахнет. Напомните мне ваше имя?

Проглотив комок в горле, Джулия снова представляется, ее пальцы скользят по пергаментной коже.

Пришел Феликс.

– Все готово, – говорит он, и они втроем спускаются в ресторан.

Элиана радостно встречает их и ставит на стол большую тарелку тальятелле с трюфелями. Макароны посыпаны толстым слоем стружки, как будто на кухне точили карандаш. В честь праздника Пьеро и Фернану разрешили выпить по стаканчику сидра, и они пьют за встречу.

– Ну и ну, знал бы я, что мы снова встретимся, старичок! А ты потом видел малышку Мишель?

– Что ты говоришь?

– Ты потом видел малышку Мишель?

– Еще бы, дружище, я даже на ней женился!

Пьеро восхищенно кивает головой и поднимает бокал:

– За победу! И за твое здоровье, друг!

Сияющий Фернан тоже поднимает бокал, и оба, приложив руку к сердцу, запевают «Марсельезу». Феликс качает головой, Джулия улыбается. Они садятся за соседний столик вместе с Жизель, Мадленой и Билли. Жанина с упоением смотрит на двух веселых друзей – теперь они поют «Песню партизан». Элиана стучит ножом по бокалу, требуя тишины.

– За Жанину, которой сегодня исполняется девяносто лет!

Небольшая компания постояльцев и сотрудников громко аплодирует.

– А также, пользуясь случаем, – продолжает Элиана, – хочу выразить благодарность человеку, который скоро нас покинет. Он осветил нашу жизнь своей чудесной улыбкой, очаровал «Бастиду» своими танцами... Теперь пришло время ему отправляться навстречу новым приключениям. За Феликса, гип-гип...

– Ура!

Веселый гомон, все чокаются, Билли не сводит влюбленных глаз с Жизель. Вилки звенят, приготовленное Антуаном блюдо имеет огромный успех.

– Это и правда божественно! – восклицает Феликс, вытирая подбородок. – Будете опробовать другие рецепты, зовите! Когда открывается ресторан?

– Через несколько месяцев, не раньше, – отвечает Джулия. – Ты будешь первым гостем!

– Тем лучше: у тебя будет время заняться книгой, а у меня – танцами!

Джулия улыбается и поворачивается к бабушке. Звучит песня Пиаф, Жанина плавно качает рукой в такт музыке. Несколько дней назад Джулия сдала ключи от своей студии и попрощалась со столицей. Ближайшие полгода она проведет здесь, в Провансе, с Антуаном и бабушкой. Напишет ее историю. Или то, какой она могла быть. А потом... Потом – посмотрим. Совсем как Жанина, Джулия решила жить настоящим моментом.

– А ты когда начинаешь? – спрашивает она Феликса.

– Первые репетиции – в понедельник. На выходных съезжу к родителям... Я их уже два года не видел. Думаю, нам есть что сказать друг другу.

– Гэтсби, я тобой горжусь!

Элиана присоединяется к ним с тостом за будущее танцора:

– Поздравляю, Феликс!

– Надеюсь, вы придете на меня посмотреть!

Чемодан Феликса уложен и еле-еле закрылся, так много в нем подарков. Колбаса от старика Флавио, консервы от Антуана, несколько пластмассовых огурцов, которые Пьеро незаметно засунул ему в балетки, и шапочки для всей труппы, связанные Мадленой.

– Еще бы! – восклицает Джулия. – Мы все придем на премьеру. Правда, Жизель?

Жизель кивает.

– Мы с Жаниной даже сядем в первый ряд! Будем хлопать изо всех сил и пить шампанское!

Феликс хохочет во весь свой щербатый рот. Его большие зеленые глаза сияют каким-то новым светом.

– Заходила Люсьена, – говорит Элиана. – Предложила ухаживать за Жаниной, раз Феликс уезжает.

Феликс с Джулией удивленно переглядываются.

– Я дала ей испытательный срок. Знакомое лицо должно подействовать благотворно.

Феликс недоумевает, потом признает, что идея неплохая. Жанина будет в хороших руках. А поскольку Антуан планирует заняться рестораном, «Приют путешественников» обретет второе дыхание. Джулия тронута и соглашается. Похоже, и времени не удастся разлучить двух подруг.

После обеда Феликс и Джулия отводят Жанину в комнату. Феликс снимает с нее бусы и туфли. Она устала. Джулия садится рядом, достает из сумки сверток в подарочной бумаге и кладет бабушке на колени.

– С днем рождения, бабуля.

Лицо Жанины озаряется.

– У меня день рождения?

А потом взволнованно интересуется:

– И сколько же мне лет?

– Немногим больше двадцати, – отвечает Феликс.

Держась за уголки, Жанина осторожно разворачивает бумагу, боясь порвать. Джулия следит за каждым ее движением. Наконец в руках Жанины оказывается черно-белый конверт. Внутри – пластинка, на наклейке написано: «Фреэль». Пожилая дама долго смотрит на пластинку, уйдя в свои мысли.

Стенные часы напоминают Феликсу, что пора уходить. Он крепко обнимает Джулию.

– Я горжусь знакомством с тобой, Лулу. Позаботься о ней, хорошо?

Джулия кивает, она готова расплакаться.

Феликс сжимает в объятиях хрупкую фигурку Жанины и целует ее в последний раз.

– Не забывайте меня слишком быстро, Жанина. Когда я вернусь, мы еще потанцуем!

И, чувствуя комок в горле, машет ей на прощание.

Эпилог

Жанина открывает глаза.

По комнате гуляет солнечный луч, в воздухе танцуют золотистые пылинки. Патефон потрескивает, из него раздается знакомый припев:

*Как могла бы я жить,
Не будь тебя со мною?*

Кто-то подошел к кровати. Жанина узнает светлую улыбку, озорной взгляд и тонкие черты. На нем синий костюм, в руке – букет полевых цветов. Он нежно касается ее губами.

– Наконец-то ты вернулся!

Жанина вылезает из-под одеяла и опускает ноги на пол. На ней нет одной туфли. Это ее смешит. Она смеется легким беззаботным смехом, поправляет платье и убирает выбившуюся прядь волос. Он берет Жанину за руку. Ее сердце бьется в такт музыке.

– Обещаешь любить меня всегда? – спрашивает она, положив голову ему на грудь.

– Обещаю. А ты – обещаешь никогда меня не забывать?

– Я тебя никогда не забуду.

Под нежную песню о любви и о будущем Жан и Жанина медленно танцуют, рука об руку, не заботясь о прошлом и не боясь завтрашнего дня.

Список цитат Мадлены

Единственное, о чем никогда не пожалеешь, – это наши ошибки и заблуждения (Оскар Уайльд).

Правильно понятая старость – возраст надежды (Виктор Гюго).

Будь собой, остальные роли уже заняты (Оскар Уайльд).

Злодеи тоже мечтают о любви (Джек ле Блэк).

Есть только два способа прожить свою жизнь. Первый – так, будто никаких чудес не бывает. Второй – так, будто все на свете является чудом (Эйнштейн).

Хорошие девочки отправляются в рай, остальные – куда захотят (неизвестный автор).

Плейлист к роману

Parlez-moi d'amour (Люсьена Буайе).

E Viva España (Жоржетта Плана).

Les gens qui s'aiment (Шарль Дюмон).

Si tu n'étais pas là (Фреэль).

Ça sent si bon la France (Морис Шевалье).

Il jouait du piano debout (Франс Галль).

Premier Rendez-Vous (Даниэль Дарьё).

Pour ne pas vivre seul (Далида).

Something's Got a Hold on Me (Этта Джеймс).

Список тех, без кого не было бы этой книги

Трюфелеводы, рестораторы и книготорговец городка Опс; они тепло меня приняли и показали сокровища своего края. Особая благодарность – отелю Le Grand Hôtel и Фабьену Дэни за день, проведенный в лавандовых полях и дубовых рощах. Спасибо Жану-Мари за его красочные рассказы. Дорогие читатели, если будете в Провансе, советую заехать в этот городок и посетить местный музей трюфеля (и, конечно же, порадовать свои вкусовые рецепторы!).

Мадлена Куре; трогательный дневник девочки, чье отрочество пришлось на годы войны, послужил источником для некоторых эпизодов романа. Спасибо Катрин и «Друзьям старого Ревеста», благодаря которым эта встреча состоялась.

Джезебел Экспресс, которая познакомила меня с бурлеском во время наших незабываемых занятий в Нью-Йорке. Спасибо артистам кабаре мадам Артюр в районе Пигаль. Спешите к ним на представление!

Отец Стефан Ред, который уже десять лет неизменно и самоотверженно служит в своем приходе в городке Сент-Максим. Спасибо за интересные истории и за то, что прочли мою рукопись!

Сотрудники парижской «Фоногалереи», благодаря которым я заглянула в этот изумительный мир граммофонов и патефонов.

«Вяжущие бабушки» из нью-йоркской фирмы Wooln – такие же поразительные рукодельницы, как Мадлена. Кстати, целую в щечку Фаустину.

Тетушка Жожо, которая с безграничной самоотверженностью ухаживает за пожилыми людьми. Спасибо за трогательные рассказы.

Дельфина, Карина, Фанни, Сандрина, Паскаль, Клер, Гвендо и все наше потрясающее маленькое сообщество в Instagram^[52]. Ваши смешные и милые сообщения сопровождали меня во время работы над книгой.

Лина и Ариан, которые познакомились с Полеттой, героиней моего романа «У счастья нет морщин», и поддержали намерение автора продолжать. Благодарю Веронику и Одри за энтузиазм

и поддержку. Октавию – за то, что внимательно прочла мою рукопись. Микаэля – за доброжелательность и талант. Айнару – за верстку и за то, как фантастически она работает с авторами электронных книг. Маэль – за ценные советы и за то, как мы хохотали в «Бастиде».

Мой отец, который от романа к роману помогает мне с названиями цветов, растений и запахов. Мой дядя Ален, который совершил путешествие в прошлое вместе со мной. Спасибо, что заботитесь о бабуле с такой любовью.

Жюль и Мариус, которые согласны обедать в кафе, чтобы мама писала книги. Люблю вас, мои птенчики. Спасибо Николя – он мало того что потрясающий нянь, еще и осыпал меня ценными подсказками от танцора.

Матьё, без которого все это предприятие осталось бы сладкой мечтой о свадебном объявлении в газете *Var-Matin*. Спасибо, что всегда находишь нужные слова, а твоей уверенности иногда хватает на двоих. Спасибо, что принимаешь мои фантазию и нетерпение, смех и сомнения, чувствительность и одиночество, подвижность, легкое безумие, переменчивость и стремление к новизне, временами утомительное.

Моя бабушка Жанина. Этот роман выходит с трехлетним опозданием. Интересно, он бы тебе понравился? Каждый день, пока я писала, мыслями я была с тобой. Спасибо, что доверила мне свои воспоминания. Люблю тебя, бабуля. Не забывай меня слишком быстро.

Читателям, несколько слов напоследок

Мне было двадцать лет, когда бабушка вручила мне свой дневник. Несколько страниц, озаглавленных «Моя жизнь». Пожилая дама, для которой более привычна пишущая машинка, набрала их на компьютере. Я убрала конверт, отложив чтение на потом. Мне было двадцать лет, и я думала, что время есть.

В двадцать лет мы все глупые.

Тем временем я стала мамой, жила то тут, то там, в моей жизни были печали, радости, встречи. Много событий, но все вращалось вокруг одного столпа – бабушки, у которой я проводила лето. Бабушки и южного солнца.

Три года назад она упала в саду. И с того дня принялась искать ключи, слова, ориентиры. Три года назад ее память смотала удочки. Я была далеко. Под моими ногами разверзлась пропасть. Кто-то где-то резко перевернул песочные часы. Я поняла, что времени больше нет.

Я нашла конверт, фотографии. Стала собирать информацию. Расспрашивала бабушку. К сожалению, ответить она уже не могла.

Тогда я села за компьютер и заполнила пробелы. Это было большое путешествие в прошлое, в мой внутренний мир и в бабушкин. Волнующее, трудное и полное света.

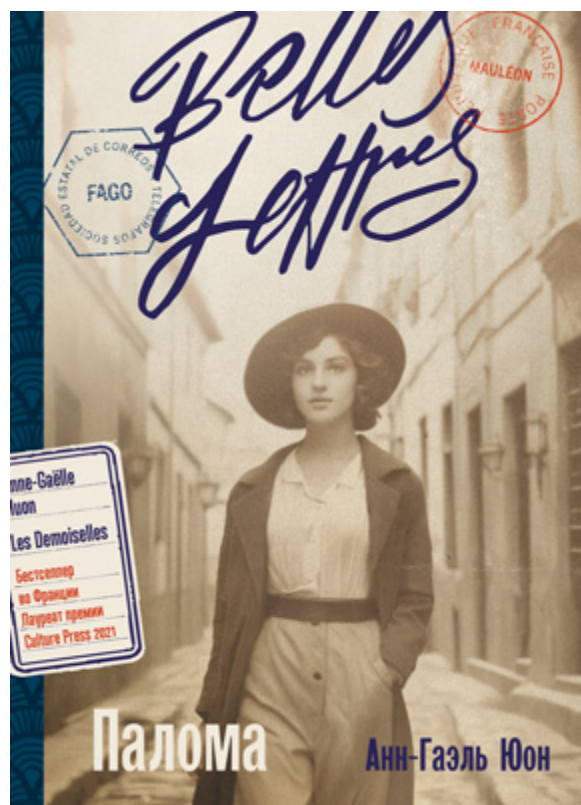
Наши старики – как открытые книги, которые у нас нет времени прочесть. Надеюсь, это повествование побудит вас расспросить своих бабушек. Эти обыкновенные героини, многие – с необыкновенными судьбами, заслуживают, чтобы их выслушали, уделили время.

Я и сама буду рада услышать их истории. Или просто обменяться с вами мыслями. Пишите мне на почту: aghuon.auteur@gmail.com.

Шлю поцелуи чувствительным натурам, отважным бабушкам, тем, кого тревожит уходящее время, и всем благосклонным читателям.

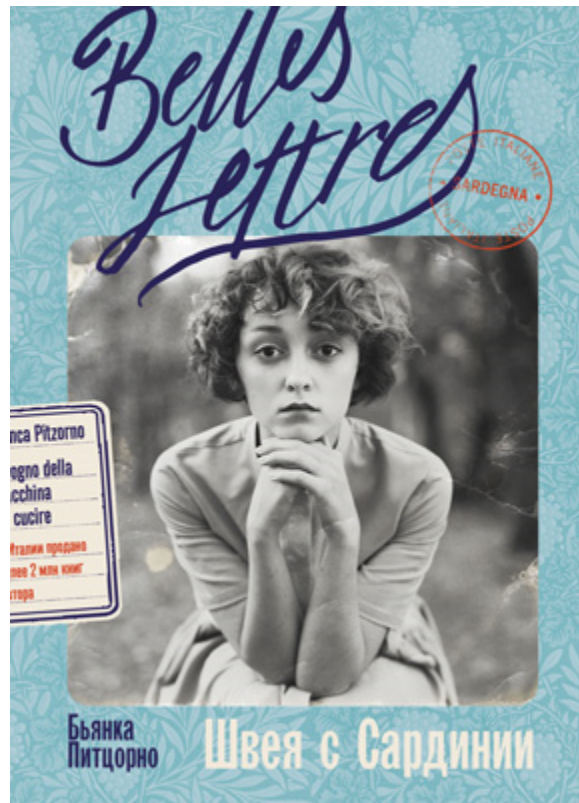
Анн-Гаэль Юон

Рекомендуем книги по теме

[Палома](#)

Анн-Гаэль Юон

[Швея с Сардинии](#)
Бьянка Питцорно

[Наблюдатель](#)
Франческа Рис

Я должна кое-что тебе сказать
Кароль Фив

notes

СНОСКИ

1

Телешоу, на котором угадывают слова, аналог «Поля чудес». –
Здесь и далее прим. пер.

Перед Новым годом почтальоны во Франции ходят по домам, зарабатывая себе «тринадцатую зарплату»: продают календари за ту цену, которую им предлагают покупатели.

Серия книг для детей и подростков, выходит с 1852 г.

4

Здесь: общественное место в прованских городках и деревнях для стирки белья, с большим резервуаром для воды.

Квартал, населенный нищими, которые на улицах города изображали калек, а вернувшись домой, чудесным образом «исцелялись».

Шарль Трене (1913–2001) – французский певец и автор песен; Жозефина Бейкер (1906–1975) – американо-французская танцовщица и актриса; Мистингет (Жанна-Флорентина Буржуа; 1875–1956) – французская певица, актриса кино, клоунесса-конферансье; Фреэль (Маргерит Бульк; 1891–1951) – французская певица.

Строки из песни французского композитора и поэта Жана Ленуара (1891–1976) *Parlez-moi d'amour*, которую исполняла певица Люсьена Буайе (1901–1983).

Сантоны – расписанные вручную глиняные фигурки (библейских персонажей, святых или обычных людей), которыми украшают рождественские вертепы; изготовление сантонов – народный промысел Прованса.

Наги Фам (р. 1961) – популярный французский телерадиоведущий, продюсер, актер.

Французское спортивно-развлекательное телешоу, в котором две команды из разных городов соревнуются в силе и ловкости. Русская версия выходила под названием «Большие гонки».

Гостия – евхаристический хлеб в католицизме латинского обряда, а также англиканстве и ряде других протестантских церквей.

Квадратный плат, который раскладывают на алтаре во время евхаристической литургии, на него ставят блюдо с хлебом и сосуд с вином для причастия.

Окситанское (провансальское) слово, «кролик».

Детективный роман Гастона Леру (1907) об убийстве, совершенном в запертой комнате.

Филипп Петен (1856–1951) – глава коллаборационистского правительства, режима Виши в Южной Франции во время Второй мировой войны.

Берегись (окситанск.).

Фред Астер (1899–1987) – легендарный американский танцор, хореограф и актер.

Жоржетт Плана (1917–2013) – французская актриса и певица.

Песня французского композитора и певца Шарля Дюмона (род. 1929), автора самых известных песен Эдит Пиаф.

Увы (окситанск.).

Марсель Паньоль (1895–1974) – французский писатель, драматург и кинорежиссер, автор тетралогии «Воспоминания детства» о годах, проведенных на юге Франции.

Герандская соль, самая чистая и редкая из всех видов столовой соли, производится на солончаках полуострова Геранд на западном побережье Франции.

Традиционное рождественское музыкально-театральное представление в Провансе (на окситанском языке).

Прованский хороводный танец.

Эрве Вилар (род. 1946) – французский поп-певец, прославившийся в 1960-е гг.

Девочкой (окситанск.).

Вот так, увы (окситанск.).

Гляньте-ка (окситанск.).

Знаешь, видишь (окситанск.).

Католический праздник, отмечается 1 ноября. После мессы принято относить цветы на могилы близких.

Роман французского писателя Гектора Мало (1830–1907).
Зербино – кличка одного из псов бродячего цирка.

Клички цирковых собак в романе «Без семьи».

Лозоходы ищут под землей источники, полезные ископаемые и др., используя около- и лженаучные практики вроде хождения с рамками-локаторами.

«Пусть будет добрым, как хлеб» (окситанск.).

Вооруженные силы французского антифашистского движения «Свободная Франция».

Самая известная высадка союзников – десантная операция «Нептун», проведенная 6 июня 1944 г. в Нормандии силами США, Великобритании, Канады и их союзников. Высадка в Провансе, или операция «Драгун», – вторжение войск антигитлеровской коалиции в Южную Францию 15 августа 1944 г.

Католический праздник Вознесения Девы Марии. После церковной службы начинается празднование: шествия, танцы.

«Сестры Эндрюс» (The Andrews Sisters) – американское вокальное трио.

Популярная в Европе карточная игра для двух игроков, другое название – «русский банк».

Франс Галль (1947–2018) – французская эстрадная певица.

Песня Pour ne pas vivre seul («Чтобы не жить в одиночестве») Далиды (1933–1987), французской эстрадной певицы итальянского происхождения.

Даниэль Дарьё (1917–2017) – французская певица и актриса.

43

Берегись (окситанск.).

У слова *béguin* два основных значения: «детский чепчик» и «флирт, мимолетное увлечение».

Этта Джеймс (1938–2012) – американская певица в жанре блюз и ритм-н-блюз.

The Famous Five – серия детективных книжек для детей английской писательницы Энид Блайтон (1897–1968).

Fantômette – серия детективных книжек для детей французского писателя Жоржа Шоле (1931–2012).

Жан Жионо (1895–1970) – французский писатель; действие его книг часто происходит в Провансе. Фред Варгас (род. 1957) – французская писательница и историк, автор детективных романов. Клэр Кастильон (род. 1975) – французская писательница, автор романов, рассказов и детских книг.

Марсель Карбонель (1911–2003) – известный мастер, делавший фигурки святых для провансальского вертепа.

Тринадцать десертов – традиционная часть рождественской трапезы в Провансе. В число десертов входят фрукты, орехи и кондитерские изделия.

Национальный вид спорта в Провансе, бросание металлических шаров.

Социальная сеть Instagram – продукт компании Meta Platforms Inc., деятельность которой по реализации соответствующих продуктов на территории Российской Федерации запрещена.